

Муниципальное автономное дошкольное образовательное учреждение

«Центр развития ребенка – детский сад»

**Произведения художественной литературы
народов Урала**

Медведь и пчелы

Давным-давно, когда утка была урядником, а сорока - сотником, жил-был один медведь. Хвост у него был длинным- предлинным и пушистый как у лисы. Полюбился этому медведю мёд. Без мёда жить не может, только и думает, как ему медком полакомиться.

Увидит медведь дупло с пчёлами, обрадуется. Влезет он на дерево, разорит гнездо и устроит пир на славу. Пчёлы пытаются ужалить грабителя, да не могут: шерсть у медведя длинная, а жало у пчёл короткое. Пчёлы запутаются в длинной шерсти, а медведю только того и надо. Слезет он с дерева и начнёт валяться по земле, пчёл давить. А затем снова залезет на дерево и спокойно доедает весь мёд - никто ему не мешает.

Однажды пришёл в лес человек и видит: сидит на дереве медведь ест мёд, а пчёл пушистым хвостом отгоняет.

« Ах ты, косолапый!- думает человек. – Влезу-ка я на дерево и зарублю его топором».

Влез человек на дерево, взмахнул топором... но удар пришёлся не по медведю, а по его хвосту, и длинного пушистого хвоста как не бывало. Спрыгнул медведь с дерева и убежал. Так и остался медведь без хвоста и по сей день ходит куцый.

Человек осмотрел дупло, поправил гнездо, уложил соты на место и пошёл домой.

Пчёлам всё это показалось удивительным. Они спрашивают пчёлку-матку, почему же этот человек не съел их мёд.

Пчёлка- матка и сама не знала, но сказала пчёлам, чтобы они догнали человека и спросили об этом.

Пчёлы догнали человека, и он ответил им так :

- Если я съем ваш мёд, что же тогда останется вам самим на зиму? Вы умрёте с голоду, тогда и я останусь без мёду.

Пчёлы вернулись в дупло и передали пчёлке- матке слова человека. Она собрала на совет пчёл, и они решили идти к человеку и просить его помощи, т.е., чтобы он защитил их дупло от злого медведя.

Пчёлы сказали человеку:

- Избавь нас от злого медведя, возьми к себе, а мы тебе за это спасибо скажем и будем собирать много мёду.

- Хорошо, - ответил человек, - я вам сделаю улей. Там вы будете жить и туда будете собирать мёд.

С тех пор пчёлы стали жить у человека и кормить его сладким мёдом.

Вопросы:

1. Зачем медведь полез на дерево?
2. Как медведь лишился своего хвоста?

3. *Как человек проявил заботу о пчелах?*
4. *Чем полезен мед для человека?*

Башкирские сказки

Два барсука

Барсук и барсучиха целыми днями бегали по полю и ловили мышей. Однажды они увидели вдалеке верблюда. Барсук и говорит барсучихе:

- Давай пока оставим мышей, пойдем ловить верблюда!

Но та не спешила следовать за мужем.

- Мы столько гонялись за мышами, что устали сами и утомили мышей. Что теперь бросим уставших мышей и погонимся за неуставшим верблюдом? Или даром говорили старики, что сегодняшнее яйцо дороже завтрашней курицы? Если слова стариков справедливы, зачем нам бросать мышей?

Но барсук стоял на своем:

- Очень нужно гоняться за этими противными мышами, когда есть верблюд! И с этими словами он бросил барсучиху и пошел прочь. А барсучиха осталась. Она поймала несколько обессиливших мышей, съела их и, насытившись, легла и уснула.

Вскоре вернулся и барсук, который ничего не поймал и не добыл, а только смертельно устал от бесполезной беготни. Свалился он на землю подле барсучихи, а та спрашивает:

- Ну как поймал верблюда?

- Нет, не поймал, - отвечает барсук, едва шевеля языком.

- Разве я не говорила тебе, чтобы ты не оставлял уставших мышей? Разве сегодняшнее яйцо не оказалось дороже завтрашней курицы?

Горько раскаивался барсук в том, что не послушался барсучиху, От обиды и раскаяния всплакнул.

Вопросы:

1. *Почему барсук решил охотиться на верблюда?*
2. *Что на это ему ответила барсучиха?*
3. *Как вы понимаете выражение: Сегодняшнее яйцо дороже завтрашней курицы?*
4. *Какое настроение было у барсука после неудачной охоты?*
5. *Знаете ли вы пословицу, по смыслу подходящую этой?*

Башкирские сказки

Лиса и петух

Лиса похитила заячью шкурку, которую повесили сушиться, бог знает, для чего она ей понадобилась – шкурку не съешь! Да и шуба лисе ни к чему – свой мех куда как хорош. Конечно же, для какого-нибудь плутовства! Лиса ведь этим только и занимается: ей бы кого обхитрить или обмануть.

Однажды лиса укрылась заячьей шкуркой и пришла в аул воровать кур: она- то знала, что куры не боятся зайцев. Не только куры – даже воробьи их не боятся!

Видит лиса: за оградой крайнего дома клюёт зерна петух с курицей. К ним-то она и направилась, укрытая заячьей шкуркой. Увидела её курица, говорит петуху:

- Глянь-ка, кто сюда идёт!

Взглянул петух, гордо выкатил грудь и отвечает:

- Не бойся, это всего лишь косой!- И продолжает себе клевать зёрна.

А лиса подскочила к ним, схватила курицу и была такова. Петух только закукарекал от удивления, а потом, стыдясь и горюя, вернулся к себе во двор. Видя опечаленного вожака, сбежались со всех сторон куры:

Что случилось? Что приключилось? Почему ты такой грустный? – наперебой стали они расспрашивать петуха. А тот только поводит веками, точно плачет, и отвечает им:

- Мою подружку унёс заяц.

Куры переглянулись и дружно рассмеялись.

- Ну ты и скажешь! Чудные у тебя шутки!

Рассердился петух. От злости у него даже гребешок покраснел.

- Что смеётесь, глупые. Я вам говорю то, что видел собственными глазами.

А куры всё равно не верят, хотя в испуге перед ним делают вид, будто поверили его словам. А тот продолжает петушиться:

- Эх, не заметил, проморгал! Иначе бы сел на загривок того нахального зайчишки и заклевал бы его до смерти. Вот попадётся он мне в другой раз - я ему покажу!- И он храбро закукарекал.

Однажды лиса вновь появилась под прикрытием заячьей шкурки. Заметил петух да как закричит:

- Ага, попался вор!- И взлетел на загривок лисы. Та и опомниться не успела, даже не разглядела, что за хищник на неё напал, и потому пустилась что есть мочи наутёк. А петух возвратился, держа в когтях заячью шкурку.

- Смотрите, - сказал он курам, - я содрал с него шкуру! Голый от меня сбежал, весь розовый без своей шкуры. Успел-таки унести ноги, иначе бы я его прикончил.

Курам ничего не оставалось, как только дивиться отваге своего вожака.

- Ну ты и смел же ты! – наперебой хвалили они петуха.

А то продолжает бахвалиться:

- Пока я жив с вами, никого не смейте бояться! Не только зайца - я самой лисы не боюсь. И вы тоже не бойтесь, будьте спокойны.

На следующий день, вечером, лиса опять появилась на том же дворе. Увидев её петух, подумал: ага, снова появился тот голый заяц. Сейчас я его схвачу! И он опять взлетел на загривок лисы. Та отбежала в сторону и стала притворно молить петуха:

- Петушок, дорогой, не губи меня понапрасну! Не убивай, пожалуйста!

А тот ещё больше петушиться:

- Тогда я содрал с тебя шкуру, теперь выну душу, проклятый заяц! Куда девал мою курицу? Ну, отвечай, злодей!

А лиса продолжает хитрить:

- Она жива и здорова, дружок мой петушок, не гневайся и не расстраивайся понапрасну. Она сейчас в лесу. Пойдем со мной, и ты вернёшься вместе со своей курицей.

- Пока ты не вернёшь её обратно, я с тебя не сойду, - отвечает ей петух.

- Так ведь мы к ней и пойдём! – говорит лиса.- Потерпи малость, и курица будет с тобой.

Стоило им оказаться в лесу, как лиса упала на спину и схватила петуха зубами. И остались от глупого петуха только перья да пух.

Вопросы:

1. О чем говорится в этой сказке?
2. Какой по характеру вам представляется лиса в этой сказке?
3. Что вы можете сказать о характере петуха?
4. Чем закончилась сказка?
5. Почему она закончилась так грустно?
6. Чему учит эта сказка?

Башкирские сказки

Хан и Алдар

В давние-предавние времена жил человек по имени Алдар. Никто, говорят, не мог превзойти его в хитрости. Прослышал об этом один хан и, решив: «Раз он такой хитрый, пусть-ка попробует меня перехитрить», - отправился к Алдару.

Пришел, а Алдара дома нет.

- Где Алдар? – спрашивает хан у его жены.
- На лугу стог подправляет.

Хан – на луг. Завидев его, Алдар прислонился к кривой березе. Подошел хан к нему и говорит:

- Все тебя больно хитрым считают. Ну-ка, коли сумеешь, перехитри меня.
- Хан мой, султан, я бы с удовольствием исполнил твое желание, да мешок с хитростями дома остался,- отвечает Алдар.

Велел хан быстренько мешок с хитростями принести.

- Я бы принес, - отвечает Алдар, - да боюсь, береза моя упадет. Коли подопрешь ее плечом, я схожу домой.

Согласился хан, подпер березу. Пошел Алдар домой. По пути поймал двух зайцев. Одного за пазуху посадил, другого жене отдал и наказал ей:

- Коли хан придет и спросит меня, выпусти зайца, сказав: «Иди, приведи хозяина».

И сам ушел в сарай.

А хан ждет и ждет. Наконец, догадался, что остался с носом, пришел, рассерженный, к Алдару домой, велел отыскать его. Жена, как муж наказал, выкинула зайца за дверь:

- Иди, приведи хозяина, скажи – хан зовет.

Заяц, сломя голову, кинулся со двора. Алдар, увидев это, вытащил из-за пазухи другого зайца, входит в избу с ним. Изумился хан.

- Заяц-то у тебя ученый, что ли? Продай, - говорит, - его мне.

- Бери, - отвечает Алдар. – Цена ему – сто рублей. Купил хан зайца и, пригласив Алдара в гости, ушел домой. Дома велел жене угощения приготовить, - Алдара, говорит, пригласил в гости. Жена приготовила угощения. Ждет – пождет хан, а гостя все нет. Не дождавшись, ушел куда-то, а жене наказал:

- Когда Алдар придет, пошли за мной зайца.

Только ушел хан – пришел Алдар. Жена хана, как муж наказал,

выпустила зайца – иди, мол, хозяина приведи. «Ученый» заяц тут же на гору ускакал, только его и видели. Немного погодя, раз хана нет, Алдар ушел домой, велел передать, чтобы хан сам пришел в гости.

По пути нарвал Алдар ежевики. Дома смял ее, налил сок в пузырь и велел жене этот пузырь под мышку подвесить, а к спине, под платье, лубок привязать.

- Сейчас, - говорит, - хан должен прийти. Когда придет, я скажу тебе: «Приготовь на стол». И второй, и третий раз скажу, а ты сделай вид, будто не слушаешься. Я подойду и пырну ножом в пузырь, сок потечет, будто кровь, а ты упади на пол. После этого я врежу тебе плеткой по спине. Тогда ты вскочишь и быстренько соберешь на стол. Угостим хана.

А хан тем временем, вернувшись к себе домой, сообразил, что надул его Алдар с зайцем-то, и пришел к нему сильно рассерженный. Алдар прикинулся обрадованным, говорит жене:

- Не видишь разве – хан мой, султан мой пришел! Приготовь на стол.

Жена и не пошевелинулась. И второй, и третий раз сказал Алдар – жена не слушается. Тогда Алдар схватил нож и ткнул ей под мышку. Жена – хлоп на пол, сок из пузыря вытек, на полу красным – красно стало. Алдар снял со стены плетку, врезал разок жене по спине, она живо вскочила и на стол собрала.

Хан про злость свою забыл, поел-попил и, уходя, опять пригласил Алдара в гости. Алдар следом подоспел. Хан, когда Алдар пришел, велел жене быстренько выставить угощения, а она не больно-то разбежалась, как-никак – ханша. Ну, хан и решил по примеру Алдара жену уму-разуму поучить. Схватил нож, пырнул ее в грудь. Она – хлоп на пол и тут же душу богу отдала. Хан раз ее плеткой врезал, другой врезал – жена не встает.

Хан, когда понял, в чем дело, вконец разозлился, решил отомстить Алдару. Велел его схватить и в мешок посадить, а потом сам взвалил мешок на загорбок и потащил к проруби, чтобы, значит, утопить Алдара. А прорубь узковатой оказалась. Оставил хан мешок, побежал обратно за пешней. Алдар, угадав это, давай кричать:

- Не хочу быть ханом! Не хочу быть ханом! В это время один старенький бабай что-то на саночках мимо проруби вез. Услышав крик, подошел к мешку.

- Ты что, - спрашивает, - кричишь?

- Да вот, - отвечает Алдар из мешка, - наш хан ввиду своего преклонного возраста решил было вместо себя меня посадить, а я не хочу быть ханом. Поэтому надумал он меня в прорубь спустить, да прорубь узковата, - пошел за пешней, чтобы расширить.

- Глупый ты, оказывается, говорит бабай. – Мне уж помирать пора, да и то стал бы ханом.

Алдар в ответ:

- Эй, бабай, раз тебе хочется стать ханом, давай сядь вместо меня в мешок и кричи : «Хочу стать ханом! Хочу стать ханом!» Хан тебя из мешка выпустит и посадит вместо себя ханствовать.

Бабай с радостью согласился, развязал мешок, выпустил Алдара, влез сам вместо него. Алдар завязал мешок и ушел домой.

Сидит теперь в мешке бабай, кричит:

- Хочу стать ханом! Хочу стать ханом!

Вернулся хан с пешней. А бабай все кричит:

- Хочу стать ханом! Хочу стать ханом!

- А-а-а! Ты еще и ханство у меня хочешь отобрать! – заорал хан, быстренько раздолбил лед, спустил мешок в прорубь и пошел домой, успокоенный: избавился, думает от Алдара.

На другой день вышел хан у ворот постоять, глядь – Алдар верхом на жеребце едет, а перед собой целое стадо скотины на водопой гонит. Хан, глазам своим не веря, остановил его.

- Ты, - говорит, - откуда взялся, я же тебя утопил? И где это, - говори, - ты столько скота набрал?

- Да на дне речном, - отвечает Алдар. – Вот где скота – видимо-невидимо! Коли надо, спустись в прорубь и выбери, сколько хочешь.

Жадность хана предела не знала. Затрясся хан от радости, что дорвется до дармового, просит в прорубь его спустить. Посадил его Алдар в мешок и сунул в прорубь. А сам его место занял и поныне, говорят, ханствует, да так, что пыль стоит столбом.

Сказка моя отправляется дальше с тяжелым грузом, а я полежу тут кверху пузом.

Вопросы:

1. Кто главные герои сказки?

2. Кто же оказался хитрее хан или Алдар?

3. О чем говорят такие поступки хана: «решил по примеру Алдара жену уму разуму поучить»; «решил отомстить Алдару»; «затрясся хан от радости, что дорвется до дармового»?

4. Какими качествами обладает в сказке хан?

5. Было ли вам жаль хана?

6. Вы смеялись по ходу сказки или грустили?

Удмуртские сказки

Кошка и белка

В старину кошка и белка вместе жили в лесу. Однажды они поссорились между собой из-за чего-то и подрались. Увидел это мужик и говорит:

- Идите жить ко мне, у меня драться не будете.

Белка вильнула хвостом, забралась на ёлку

- Я не пойду к тебе, останусь жить в лесу,- ответила она.

- Если не пойдёшь, то я буду стрелять в вас, белок, как рябчиков, - решил мужик.

Кошка замыкала, и сама стала проситься:

- Возьми меня с собой: здесь от зверей житья нет.

- Ладно, сказал ей мужик.- Я сделаю тебя князем и судьёй над мышками и крысами.

С тех пор все люди белок стреляют как рябчиков.

Вопросы:

1. Охарактеризовать героев сказки?

2. Какое условие поставил человек перед животными?

3. Почему белка не согласилась жить с человеком?
4. Что привлекло кошку в предложении человека?
5. Понравилась ли вам эта сказка и почему?

Удмуртские сказки

Ласточка и комар

Давно жил на свете страшный змей. Он питался только кровью животных. Однажды позвал он к себе комара.

- Иди, долгонос, полетай по белу свету. Попробуй кровь всех животных. Потом скажешь мне, чья кровь слаще. Ступай, лети, да быстро! – приказал он комару.

Полетел комар пробовать кровь. А в те далекие времена нос у него был длиннее, чем сейчас.

Летал, летал, пробовал, пробовал комар разную кровь и вернулся к страшному змею.

- Ну, долгонос, чья кровь слаще всех? – спрашивает змей.

- Лошадиная кровь слаще всех, - отвечает комар. Не понравился змею комариный ответ. Рассердился он и приказывает:

- Ступай, долгонос, еще полетай по белу свету. Поищи кровь самую сладкую.

Летал, летал, пробовал, пробовал комар разную кровь и снова вернулся к страшному змею.

- Ну, что, долгонос, чья кровь слаще всех? – спрашивает змей.

- Чел...

Не успел комар досказать, откуда ни возьмись прилетела ласточка и отхватила половину его длинного носа.

- Не будешь говорить, что не следует, долгоногий дурак, долгоносый кровопивец, - сказала ему ласточка.

Страшный змей кинулся на ласточку, хотел поймать, но не тут-то было.

Ласточка улетела, оставив во рту змея несколько перьев из хвоста. Вот почему у ласточки с тех пор хвост вилкой.

Вопросы:

1. На какого из героев этих сказки вам хотелось бы быть похожим?
2. Какой наказ исполнял комар?
3. Узнал ли комар, чья кровь слаще?
4. Чем закончилась эта сказка?
5. Почему у ласточки хвост вилкой?

Удмуртские сказки

Синица и ворона

Однажды зимой ворона поймала синицу. Хотела было съесть, но подумала: «Не отпустить ли? Больно мала, пусть еще подрастет, а то и на глоток не хватит».

- Сейчас холодно с тобой возиться, - сказала ворона синице.

А синица, взбодрившись на радостях, возразила ей:

- Да разве это холод? Вот во времена царя гороха действительно, помню, мороз лютовал...

- А-а, так ты вот какая старая! Даже царя гороха помнишь. Значит, нечего и ждать, что вырастешь.

Только ворона хотела съесть синицу, но та улетела.

Вопросы:

1. Придвела ли синица такой исход, когда разоткровенничалась с вороной
2. Что произошло с синицей?
3. Почему ворона не съела синицу?
4. Какими словами можно охарактеризовать синицу?
5. Можно ли к этой сказке подобрать пословицу и какую?

Удмуртские сказки

Охотник и змея

Один человек пошел осенью на охоту. Охотился, устал, захотел отдохнуть. Спустился в ложбинку, сел у небольшой замершей подо льдом речки и видит: в осоке кто-то шевелится.

Встал человек с места, поглядел: перед ним змея. Хвост у нее примерз ко льду. Змея увидела охотника и говорит человеческим голосом:

- Друг человек! Вызволи меня, пожалуйста, пропаду я здесь.

Пожалел охотник змею: снял топор, висевший у пояса, и вырубил лед.

- Я замерзла совсем, погрей меня, - попросила змея.

- Что поделаешь, придется тебя погреть.

Положил охотник змею за пазуху. Змея, согрвшись, проголодалась и говорит:

- Друг человек, я тебя съем!

Охотник отвечает:

- Если хочешь, так ешь. Что с тобой поделаешь? Но давай спросим трех встречных, что они скажут. Если согласятся – твоя воля!

Вот идет охотник со змеей по дороге, навстречу – лошадь.

- Здорово, лошадь! – говорит змея.

- Здорово, - отвечает лошадь.

- Скажи-ка, лошадь, съесть мне этого человека или нет?

- Надо съесть его! Он меня в стойле на ржаной соломе держит, никогда хорошей пищи не дает. А если я не в силах воз вести – бьет меня.

- Съем, раз лошадь велит, - говорит змея.

- Погоди немного, еще двоих надо спросить, - упрощивает охотник.

Змея согласилась. Пошли они дальше и встретили корову.

- Здравствуй! – говорит змея.

- Здравствуй! – отвечает корова.

- Скажи-ка мне, корова, съесть мне этого человека или не стоит?

- Ешь, ешь! Он мое молоко пьет, а меня ржаной соломой кормит.

Плохо, плохо я у него живу.

- Ну, теперь я тебя съем! – говорит человеку змея.

- Погоди, еще один остался, что он скажет.

Змея промолчала. Идут они дальше по дороге. Долго ли, коротко ли шли – увидели кошку на высокой иве. Змея обрадовалась, высунула голову из-за пазухи охотника и говорит:

- Здорово, друг кошка!

Кошка отвечает:

- Поближе подойди, состарилась уж я, плохо слышу.

- Спрашиваю я: съесть мне этого человека или нет? – говорит змея

громче.

- Что-о? – переспрашивает опять кошка. – Поближе подойди, не слышу.

Змея вытянула длинное тело, и в это время кошка, выставив свои когти, прыгнула с ивы на змею и задушила ее.

- Ты человека хотела съесть! Покажу я тебе, как его есть! Человек кормит и поит меня. Я у него на подушке в переднем углу сплю, а зимой в холодную пору – на печке.

Охотник посадил кошку на плечо и унес ее домой. Так они стали неразлучными друзьями.

Вопросы:

1. Подберите слова-определения характеризующие змею?

3. Оцените поведение змеи по отношению к человеку, спасшему ей жизнь?

4. Почему были обижены корова, лошадь?

5. Как кот спас человека?

6. Ваша домашняя кошка является вам другом?

Удмуртские сказки

Глупый котенок

Жила-была кошка с котенком. Котенок был маленький, глупенький. Однажды он увидел на крыше луч солнца.

- Должно быть, что-то вкусное-превкусное, - подумал котенок и полез на крышу.

Уж совсем было добрался до крыши, как вдруг откуда-то выпорхнул воробей.

- Нет, лучше сначала я воробья съем, а потом дальше полезу, - сказал про себя глупый котенок и кинулся за воробьем.

Воробей улетел, а котенок упал на землю и сильно ушибся. Тогда кошка, утешая, сказала ему:

- твое дело – мышей ловить.

Котенок выслушал наставления матери и обещал никогда его не забывать.

Прошло много времени. Однажды котенок поймал в лесу мышку и понес показать матери.

Ему надо было переходить через ручей по жердочке. Когда он переправлялся, заметил в воде свое отражение и подумал:

- Лучше я отниму у того котенка мышку!

Выпустил из зубов мышку и кинулся в воду. Мышь, конечно, он не поймал, едва сам спасся: мокрый, грязный, вернулся он к матери. Теперь кошка не стала утешать его, а наказала и снова повторила, что он должен делать только свое дело – ловить мышей, а не гоняться за тем, что попадает на глаза. Котенок с тех пор не забывал наставлений матери.

Вопросы:

1. Что объясняет эта сказка?

2. Вспомните случаи когда послушавшись взрослых вы попали в неприятную ситуацию?

3. Как вы думаете, всегда ли мама права?

4. Как вы понимаете выражение «Мама плохого не посоветует»?

Удмуртские сказки

Звезды (легенда)

Давным-давно жила-была на свете маленькая девочка. Ей было восемь лет, когда у неё умерли отец и мать. Некому стало о ней заботиться - ни покормить, ни нарядить, ни ласковое слово молвить. Ничего -то у неё не было, кроме худенького платица, да выношенного платка. Пришлось по миру ходить да милостыню выпрашивать.

Однажды один добрый человек подал ей краюшку хлеба. Только вышла девочка за ворота, встретился ей нищий старец.

- Девочка, дай хлебца, сильно есть хочется! - стал просить старец.

Девочка взяла да и отдала ему всю краюшку.

- Ешь, говорит, - дедушка на здоровье.

И пошла себе дальше. Шла, шла – уже вечер наступил. Встретился ей молодой парень.

- Дай, - говорит, - что-нибудь голову закрыть, холодно стало.

Девочка сняла с головы последний платок и отдала прохожему. Только отошла немного, вдруг стали с неба падать звёзды, и, упав на землю, обращались в серебряные монеты. Обрадовалась сирота и стала собирать их.

Недаром говорят, что доброе дело рано или поздно всегда добром оборачивается.

Вопросы:

1. Почему девочку называли сиротой?
2. Что заставило ее по миру ходить да милостыню просить?
3. Чем она поделилась с нищим старцем?
4. Как помогла молодому парню?
5. Чем закончилась сказка?
6. Как бы вы поступили на месте девочки?

Удмуртские сказки

Синица и журавль

Встретилась синица с журавлём и говорит:

- Какой же ты длинноногий и жилистый! Зимой в тёплые края улетаешь, весной снова сюда заявляешься. Такой большой, а совсем холод не выносишь. Не стыдно ли? Посмотри на меня – велика ли я по сравнению с тобой, однако самые лютые морозы мне не страшны.

- У меня ноги длинные – в воде стоять, клюв длинный – пищу из воды доставать, крылья сильные – за моря летать. Могу ли я на зиму здесь оставаться?

Вопросы:

1. Охарактеризуйте героев сказки.
2. Как синица описывает журавля?
3. Какими словами рассказывал о себе журавль?
4. Сможет ли журавль зимовать в наших краях и почему?

Удмуртские сказки

Мышь и воробей

Жили- были мышь и воробей. Дружно, согласно жили-поживали, ни ссор,

ни обид не знали. Перед всяким делом совет друг перед другом держали, любую работу сообща выполняли.

Однажды мышь с воробьем нашли на дороге три ржаных зернышка. Думали- думали, что с ними делать, и надумали поле засеять. Мышка землю пахала, воробышек боронил

Славная рожь уродилась! Мышь острыми зубами скоро сжала её, а воробей ловко обмолотил. Зернышко к зёрнышку, собрали они весь урожай. И стали делить его пополам: одно зернышко - мышке, одно - воробью, одно - мышке, одно - воробью... делили, делили и последнее зернышко лишнее осталось.

Мышь первая и сообразила:

- Это зерно моё; когда я пахала, то и лапки до крови натрудила.

Воробей не согласился:

- Нет, это моё зерно. Когда я боронил, крылышки до крови избил.

Долго ли, коротко они спорили - кто слышал, тот и знал, а нам неизвестно. Только воробей вдруг склюнул лишнее зёрнышко и улетел прочь. «Пусть-ка попробует меня догнать и моё зёрнышко отнять», - подумал он.

Мышка не погналась за воробьём. Огорчилась, что первая спор затеяла. Свою долю в норку перетаскала. Ждала, ждала воробья, чтобы помириться, не дождалась. И его часть в свою кладовку высыпала. Всю зиму прожила сытёхонька.

Воробей же остался ни с чем, до весны голодный пропрыгал.

Вопросы:

1. Что вы можете сказать о характере героев сказки?

2. Из-за чего поссорились герои сказки?

3. Правильно ли поступил воробей по отношению к мышке?

Татарские сказки

Умная девушка

Жил один падишах. У него был единственный сын по имени Абдул. Сын падишаха был очень глуп и этим доставлял отцу много хлопот.

Падишах нанимал Абдулу много наставников, посылал его на учёбу в дальние страны, но ничего не помогало глупому сыну. Однажды пришёл к падишаху один человек и сказал:

- Я хочу помочь тебе советом. Найди сыну такую жену, чтобы она смогла разгадывать любые мудрые загадки. Ему будет легче жить с умной женой.

Согласился с ним падишах и стал искать умную жену своему сыну. В этой стране жил один старик. У него была дочь по имени Магфура. Она во всём помогала отцу, и слава о её красоте и уме шла повсюду. И хоть Магфура была дочерью простого человека, всё же послал падишах своих визирей к её отцу: решил убедиться в мудрости Магфуры и приказал привезти её отца во дворец.

Пришёл старик, поклонился падишаху и спрашивает:

- Явился по твоему повелению, великий падишах, - что прикажешь?

- Вот тебе тридцать аршин полотна. Пусть твоя дочь сошьёт изныне

рубашки для всего моего войска да оставит и на портянки, -говорит ему падишах.

Вернулся старик домой печальный. Вышла ему навстречу Магфура и спрашивает:

- Отчего, отец, ты такой печальный?

- Рассказал отец о приказе падишаха.

- Не печалься отец. Приди к падишаху и скажи, пусть он прежде из одного бревна выстроит дворец, где я буду шить рубашки, да ещё пусть и на дрова оставит, - отвечает Магфура.

Взял старик бревно, пришёл к падишаху и сказал:

- Дочь моя просит тебя выстроить из этого бревна дворец, да ещё и на топливо оставить. Исполни эту задачу, тогда Магфура исполнит твою.

Услышал это падишах, подивился мудрости девушки, собрал визирей и порешили они поженить Абдула на Магфуре. Не хотела Магфура выходить замуж за глупого Абдула.

Созвали гостей из всех владений и сыграли свадьбу.

Однажды вздумал падишах поехать по своим владениям; взял он с собою сына. Скучно стало падишаху, решил он испытать сына и говорит:

- Сделай дорогу короче - скучно мне что-то стало.

Абдул сошёл с коня, взял лопату и стал копать дорогу. Визирь стал над ним смеяться, а падишаху стало обидно и досадно, что сын не смог понять его слов.

Сказал он сыну:

- Если завтра к утру не надумаешь, как сделать дорогу короче, накажу тебя!

Вернулся Абдул печальный домой. Вышла ему навстречу его жена и спрашивает:

- Отчего ты такой печальный?

А Абдул и говорит жене:

- Отец грозился меня наказать, если я не надумаю, как сделать дорогу короче.

На это Магфура и говорит:

- Не печалься, это беда небольшая. Завтра ты скажи отцу так:

-Чтобы укоротить скучную дорогу, надо со своим спутником вести разговоры. Если путник учёный человек, надо рассказать ему какие города есть в государстве, какие были сражения и какие подвиги.

А если путник простой человек, то надо ему рассказывать о разном ремесле, об искусных мастерах. Вот тогда дорога дальняя будет казаться короткой.

На другой день рано утром падишах зовёт к себе сына и спрашивает:

- Додумался ли ты, как сделать дорогу короткой?

Абдул ответил, как научила его жена. Понял падишах, что это Магфура научила Абдула такому ответу. Улыбнулся он, но ничего не ответил.

Когда падишах состарился и умер, то вместо него стала управлять умная Магфура.

Вопросы:

1. Назовите героев сказки.
2. По каким поступкам можно охарактеризовать Абдулу?
3. А по каким поступкам можно охарактеризовать Магфуру?
4. Чему учит эта сказка?
5. На кого из героев сказки вы хотели бы походить и почему?

Татарские сказки

Гульчечек

В давние - предавние времена жила в тёмном лесу старуха убыр (упырь, вампир). Была она злая, презлая. И всю жизнь людей на плохие дела подбивала.

А у старухи убыр был сын. Пошёл он раз в деревню и увидел там красивую девушку, по имени Гульчечек. Понравилась она ему. Увёл он ночью Гульчечек из родного дома и привел к себе в дремучий лес. Стали они жить втроём.

Однажды собрался сын убыр в дальнюю дорогу. Осталась Гульчечек в лесу со злой старухой. Затосковала она и стала просить:

- Пусти меня к моим родным погостить. Соскучилась я здесь...

Не отпустила её убыр.

- Никуда, - говорит я тебя не пущу, сиди здесь! Уйдёт бывало, убыр из избы, а сама запрет Гульчечек на замок.

Только случилось раз, что убыр ушла в лес на всю ночь и забыла запереть дверь.

Увидела Гульчечек открытую дверь, обрадовалась. Стала собираться в дорогу. Собирается и песню поёт:

- В небе луна взошла,
Ночка в лесу светла,
Гульчечек, Гульчечек,
Из печки вынь беляши
К матушке в гости спешу.

Вынула Гульчечек из печки беляши, завернула их в платок и пошла скорее к родным.

А убыр вернулась домой, видит - нет Гульчечек, и беляшей нет.

Разозлилась убыр, обернулась серым волком и пустилась за ней в погоню. Бежит она, обнюхивает дорогу, а сама хриплым голосом поёт:

- Хвост мой, как сноп ржаной,
Волочится хвост за мной,
Постой, девчонка, не убегай!
От злости реву, и рычу-
Отдай, беляши, мне отдай!

Услышала Гульчечек песню старухи убыр, испугалась. Отдала бы она беляши, только уж нету ни одного - съела их Гульчечек.

Оглянулась она по сторонам. Туда посмотрела, сюда посмотрела, стоит неподалёку старый вяз, ветки во все стороны широко раскинул. Подбежала Гульчечек, запела:

- Тенистый, развесистый вяз,
Злая убыр догоняет меня.
Спрячь, меня, вяз,

От старухиных глаз,
Укрой до рассвета,
До белого дня.

Пожалел старый вяз, укрыл Гульчечек. Гульчечек юркнула в дупло и притаилась там. Подбежала убыр к вязу. Стала землю ногтями царапать, стала выть да рычать. А Гульчечек сидит в дупле и голоса не подает. Как только солнышко взошло, испугалась убыр ясного дня и убежала к себе домой. Выбралась Гульчечек из дупла, поблагодарила за приют и побежала дальше.

А убыр ждала вечера, дождалась, обернулась волком и пустилась в погоню и запела грубым голосом:

Хвост мой, как сноп ржаной,
Волочится хвост за мной.
Машу я хвостом и рычу,
Девчонке вослед кричу:
Стой, беглянка, постой, не спеши,
Отдай беляши, отдай беляши.

Услышала Гульчечек голос убыр – совсем оробела, не знает, что и делать. Оглянулась она по сторонам. Туда посмотрела, сюда посмотрела – увидела круглую полянку, а на полянке – круглое озеро. Стала Гульчечек просить:

Озеро серебряное, озеро широкое,
Блестишь ты, как зеркало, под луной.
Спрячь, синеекое, укрой от убыр, от старухи злой.

Пожалело озеро Гульчечек. Взволновалось, выплеснулось из берегов, окружило то место, где Гульчечек стояла, оградило ее от убыр глубокой водой.

Всю ночь выла старуха, царапала когтями камни на берегу озера, но добраться до девушки не смогла.

Как только занялась утренняя заря, побежала убыр от озера в темный лес.

Тут озеро взволновалось, отхлынуло в сторону и Гульчечек вышла на сушу.

Поблагодарила она озеро за приют и поспешила дальше. Шла она, шла – вот и утро прошло, и день прошел, и снова вечер наступил. Вышла Гульчечек к опушке леса. Отсюда и родная деревня видна. Думала Гульчечек, что беда уж прошла. Да не тут-то было!

Приняла злая убыр волчий облик, бежит по пятам, совсем догоняет. А сама воет:

Хвост мой, как сноп ржаной,
Волочится хвост за мной,
Маши хвостище, маши,
Пусть Гульчечек отдаст беляши.
У-у, девчонка, у-у....
Всю на куски разорву!

Испугалась Гульчечек. Куда деться? Куда спрятаться? Оглянулась она по сторонам. Туда посмотрела, сюда посмотрела- увидела на краю поля

высокую березу и поскорее забралась на самую верхушку. Села на ветку и сидит. А убыр подбежала и стала когтями подрывать корни у березы. Сама от злости воет и кричит.

«Неужели погубит меня злая старуха убыр?» - думает Гульчечек.- Неужели не увижу я больше мать и отца?..»

Тут подлетел скворец и сел на вершину березы. Стала Гульчечек просить его:

Черноглазый скворушка,
Быстрокрылый скворушка!
Ты летаешь высоко,
Ты бываешь далеко.
Возьми волосок из моей косы,
Моим родным отнеси.

Вырвала Гульчечек два волоска из косы и отдала их скворцу. Схватил скворец волоски и полетел к дому Гульчечек, к ее матери, отцу. Прилетел и повесил волоски на ворота.

Вышел тут к воротам старший брат Гульчечек, увидел волоски и говорит:

- Это мой конь терся гривой о ворота и свои волоски оставил.

Снял он волоски и натянул их вместо струн на свою скрипку.

- Дай-ка я попляшу да на скрипке поиграю, - говорит его жена.

Взяла она скрипку и только притопнула ножкой, только коснулась струн, как запели струны голосом Гульчечек:

Ой, не топай ножкою-
Голова болит.
Не играй веселую-
Сердце не велит.

Удивилась жена брата:

- Ой, вы только послушайте: скрипка человеческим голосом поет! Не велит плясовую играть, не велит ножками топтать.

Взял брат скрипку в руки. Не успел струны тронуть, как скрипка сама запела голосом Гульчечек:

Не щипли ты струны – больно волосам.
На опушке леса белая береза,
На ее вершине Гульчечек сидит,
А под той березой злая ведьма воет,
Корни подрывает, на меня глядит.
Листья на березке шепчутся, звеня.
Хочется старухе погубить меня.
Не играй же, братец, скрипку положи,
И ко мне на помощь в лес ты поспеши.

Не стал брат раздумывать, взял тяжелую дубину, вскочил на коня и помчался на лесную опушку. А убыр уже подрывала корни у березы. Шатается, качается береза, вот-вот упадет.

Подскакал брат к старухе убыр, ударил ее своей тяжелой дубиной. Упала злая убыр, крикнуть не успела. Брат снял Гульчечек с березы, посадил на коня и привез домой, к отцу, к матери. Обрадовалась мать, обрадовался

отец. Стали они жить все вместе дружно и счастливо.

Вопросы:

1. *Какие русские народные сказки напоминает вам эта сказка?*
2. *Какие по характеру герои сказки?*
3. *Почему Гульчечек убежала от убыр?*
4. *Кто ей помогает в дороге?*
5. *Почему все эти помощники помогают Гульчечек, а не убыр?*
6. *Определите зачин и концовку сказки.*

Татарские сказки

Три дочери

Жила- была женщина. День и ночь она работала, чтоб накормить и одеть трех своих дочерей.

И выросли три дочери, быстрые, как ласточки, лицом похожие на светлую луну.

Одна за одной вышли они замуж и уехали.

Прошел несколько лет. Тяжко заболела старуха мать, и посылает она к своим дочерям рыжую белочку:

-Скажи им, дружок, чтоб ко мне поспешили.

- Ой!- вздохнула старшая, услышав от белочки печальную весть. - Ой! Я бы рада пойти, да мне надо с начала почистить эти два таза.

-Почистить два таза? – рассердилась белочка. – Так будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу. Она упала на пол и уползла из дому большой черепахой.

Постучала белочка ко второй дочери.

-Ой! – отвечает та. – Я сейчас побежала бы к матери, да очень занята: надо мне к ярмарке холста наткать.

-Ну и тки всю жизнь, никогда не останавливаясь,- сказала белочка.

И вторая дочь превратилась в паука.

А младшая месила тесто, когда белочка постучалась к ней. Дочь не сказала ни слова, даже не обтерла рук, побежала к своей матери.

- Приноси же ты всегда людям сладость и радость, мое дорогое дитя, - сказала ей белочка, - и люди будут беречь и любить тебя, и детей твоих, и внуков, и правнуков.

И правда, третья дочь жила много лет, и все ее любили. А когда ей пришла пора умереть, она превратилась в золотую пчелку.

Все лето день-деньской собирает пчелка мед людям, и ее передние лапки всегда в сладком тесте. Зато зимою, когда все вокруг гибнет от холода, пчелка спит в теплом улье, а проснется – ест только мед и сахар.

Вопросы:

1. *Кто из героев вам понравился больше и почему?*
2. *Какое настроение вызвала эта сказка? Изобразите его.*
3. *Справедливо ли поступила белочка со старшей и средней дочерьми?*
4. *А какой бы вы придумали конец этой сказки?*

Сказки народов коми

Мышь и сорока

Жили- были мышь и сорока. Однажды ушла мышь за сеном и наказала

сороке мешать щи. Принялась сорока мешать щи да и свалилась в те самые щи.

Мышь вернулась, стучится, зовёт:

- Сестрица-сорока-сорока! Отвори!

Не отвечает сестрица- сорока. Поискала мышь дырку в доме, нашла и пролезла сквозь неё.

Открыла двор, втащила сено, скидала его и пошла в избу. Вошла в избу, села есть щи, попалась в щях сорока, съела сороку, сделала из костей сороки лодку, опустилась к реке, уселась и запела:

- Вверх и вниз по реке мышка плывёт

В лодке из костей сороки

С шестом из костей выдры

С веслом из бобрового хвоста

От песчаного берега шестом отпихивается

От крутого веслом правит!

А навстречу заяц:

- Мышка- сестричка, возьми меня с собой!

- Не возьму, лодка мала!

- Я только одну лапку положу!

- Ну что ж, что с тобой поделаешь! Садись!

А сама опять запела:

-Вверх вниз по реке мышка плывёт

В лодке из костей сороки,

С шестом из костей выдры, с веслом из бобрового хвоста.

От песчаного берега шестом отпихивается,

От крутого веслом правит.

Идёт навстречу лиса.

- Мышка, мышка, возьми меня с собой!

- Не пуцу, лодка маленькая, да так нас двое!

- Я только лапку положу...

- Ну что ж с тобой делать! Садись!

И опять запела:

- Вверх и вниз по реке мышка плывёт

В лодке из костей сороки

С шестом из костей выдры

С веслом из бобрового хвоста

От песчаного берега шестом отпихивается

От крутого веслом правит!

А навстречу волк:

- Мышка- сестричка, возьми меня!

- Не пуцу лодка, мала!

- Я только лапку положу....

- Ну, что ж с тобой делать! Садись!

Запела ещё громче мышь:

- Вверх и вниз по реке мышка плывёт

В лодке из костей сороки

С шестом из костей выдры

С веслом из бобрового хвоста
От песчаного берега шестом отпихивается
От крутого веслом правит!

Идёт навстречу медведь.

- Мышка-сестричка, возьми меня!
- Нас и так много. Тебе и сесть негде!
- Я только лапу положу...
- Ну что ж с тобой делать! Садись!

Уселся медведь, и лодка опрокинулась и все потонули. Остался медведь один и запел:

Вверх и вниз по реке мышка плывёт
В лодке из костей сороки
С шестом из костей выдры
С веслом из бобрового хвоста
От песчаного берега шестом отпихивается
От крутого веслом правит!

Вопросы:

1. *Какое настроение вызывает у вас эта сказка?*
2. *Что произошло с героями в начале сказки?*
3. *Кого на своем пути встречала мышка?*
4. *Чем закончилась сказка?*
5. *Назовите знакомую вам по сюжету сказку из русского фольклора.*

Сказки народов коми

Пройдоха

Глаза у филина ночью - будто костры горят. Куда направит он свой взгляд - там светло становится. Увидит он с дерева мышонка, осветит его своими глазами и только соберется слететь вниз и полакомиться добычей, как лиса выхватит у его мышонка из-под клюва. Надоело это филину, не на шутку рассердился он на лису. Схватил ее когтями и взлетел вместе с нею над лесом. Покружил хитрунью под облаками и опустил на пустынный остров в океане.

- Вот тебе за пакости! – прокричал филин. - Помирай тут с голоду.

Жутко стало лисе, заплакала она с горя: ни куропаток, ни мышей вокруг – одни скалы.

Услыхала ее плачь нерпа, подплыла к берегу.

- Что с тобой лисуха! - спросила она.

- Да рыбы много вижу в море, а достать не могу, обида берет!

Вот – то на! Ты только покажи, где рыба - я запросто достану.

- Тогда посади меня к себе на спину, - попросила лиса. Посочувствовал ей нерпа, посадила лису.

- Вот там рыба, - показала лапой лиса в сторону берега. И нерпа поплыла туда.

- Еще далеко? – спросила нерпа, немного приустав.

- Совсем близко. Я вижу, как у рыбы чешуя звездочками поблескивает.

- Ух, люблю рыбу! – загорелась нерпа.

- Сейчас полакомимся, - обрадовала ее лиса. И мигом соскочила с

нерпы на мелководье, побежала к берегу. На суше отряхнулась от воды, помахала нерпе лапой:

- Кушай на здоровье! – Рыбы – полный океан.
- Ух и пройдоха ты лиса! - возмутилась нерпа.
- Уж какая есть! Не обессудь, подружка!

Вопросы:

1. Кто из героев сказки запомнился вам больше всего и почему?
2. Какой характер у лисы, филина, нерпы?
3. Как вы понимаете значение слова «пройдоха»?
4. Подберите слова, близкие по смыслу к слову «пройдоха».
5. Заслужила ли лиса это прозвище?

Сказки народов манси

Воробушек

- Воробушек, воробушек, что такое твоя головка?
- Ковшичек для питья весенней воды.
- Что такое твой носик?
- Ломик для долбления весеннего льда
- Что такое твой язычок?
- Разрисованное весёлко для езды вверх по реке.
- Что такое твоя спинка?
- Разрисованная лодочка для езды вниз по реке.
- Что такое твои кишочки?
- Арканчик для ловли семи оленей.
- Что такое твой животик?
- Мешочек для огнива семи ненецких женщин.
- Что такое твои ножки?
- Подпорочки в весеннем домике.
- Что такое твои крылышки?
- Крыша весеннего домика.
- Что такое твой хвостик?
- Корытце для кормления семи собак.

Вопросы:

1. С чем сравнил воробушек свою головку и носик?
2. А с чем бы вы сравнили свои части тела?

Сказки народов манси

Зайчик

Жил – был зайчик. На озерном берегу в осоке постоянно прыгал. Однажды губу себе осокой разрезал. Пошел к огню пожаловаться:

- Огонь, огонь. Сожги осоку на озерном берегу!
- Какое зло сделала тебе осока?- спросил огонь.
- Губу мне разрезала,- ответил заяц.
- Уж такое ненасытное брюхо у тебя, -сказал огонь.

Пошел заяц к воде и говорит:

- Вода, вода, прибуди, затуши огонь!
- Какое тебе зло сделал огонь?
- Огонь осоку на озерном берегу не хочет жечь!
- Какое зло тебе сделала осока?

- Губу мне разрезала.
- Уж такое ненасытное брюхо у тебя!

Пошел зайчик к двум мальчикам со стрелами и луками, говорит им:

- Дети, дети, в воду стреляйте!
- Какое зло вода сделала?
- Вода не прибывает, огонь не тушит!
- Какое тебе зло сделал огонь?
- Огонь осоку на озерном берегу не хочет жечь!
- Какое зло тебе сделала осока?
- Губу мне разрезала.
- Уж такое ненасытное брюхо у тебя!

Пошел зайчик к мышке и говорит:

- Мышка, мышка, тетиву на луках мальчиков перегрызи, чтоб стрелять не могли!

Пожалела мышка зайчика и пошла тетиву у луков перегрызать. Но не успела. Схватили мальчики луки, натянули тетиву и пустили стрелы в воду. Стреляют в воду – вода прибывает, идет огонь тушить. Испугался огонь, в осоку прыгнул. Загорелась осока, а в осоке – зайчик заметался. Из огня побежал, ноги и уши себе опалил.

Вопросы:

1. Справедливо ли поступал заяц с другими героями сказки?
2. Наказуемо ли зло?
3. Хотели бы вы быть похожими на зайца?

Сказки народов ханты

Медвежья трава

Осенью один охотник ушел на охоту. Ушел, да и не вернулся в чум. Его жена подумала, что он погиб где-нибудь. Ходила искать, но не нашла. Поплакала и вернулась.

Прошла зима. На земле появилась много проталин. Стало тепло. В одно солнечное утро дети играли возле чума. Играли – играли да как закричат:

- К нам отец из лесу идет!
- Какой там отец? – сказала она из чума. – Ваш отец осенью потерялся.
- Нет, это наш отец идет!

Мать вышла из чума и встретила мужа.

- Где же ты был целую зиму?

Муж сел и начал рассказывать:

- Осенью ушел я в лес, встретил медведя. Стал его гонять. Еды со мной было мало, я обессилел и не догнал его. Но я видел, что медведь ел какую то траву. Нашел я эту траву и думаю: «Медведь ест и сытый бывает, почему бы и мне не поесть?» Я поел и стал сытым. Погнался опять за медведем. Наткнулся на берлогу. Посмотрел: берлога пустая, зверь не стал в ней зимовать. Я хотел идти дальше и не смог. От медвежьей травы меня в сон бросило. Снял лыжи, поставил к дереву, повесил на сук ружье, залез в берлогу, заткнул мхом вход, лег на медвежью постель и уснул. Уснул осенью, а проснулся только весной. Вот какая сытная да сонная эта медвежья трава.

Какую траву ел охотник, он никому не показал. Но говорят, что в тайге

сонная трава растёт и медведи знают её.

Вопросы:

1. Покажите мимикой настроение жены, когда потерялся муж и когда вернулся.
2. Какое настроение было у детей, когда отец вернулся.
3. Где мужик прожил всю зиму и проснулся только весной?
4. Почему трава называется медвежьей?

Сказки народов ханты

Мышка

Жила мышка. Настала весна, задумала мышка поехать осетров и нельм ловить. Вместо лодки ореховую скорлупку взяла, вместо весла – лопаточку для шпаклёвки лодки серой. Едет и напевает.

- Ореховая скорлупка – лодка моя: тёл, тёл, тёл, лопаточка – весёлко моё: пол, пол, пол.

У одной деревни ребята кричат с берега:

- Эй, мышка – норушка, подъезжай сладости поесть!

- Какие сладости?

- Со щукой.

- Нет, со щукой не ем.

И опять едет дальше, напевая:

- Скорлупка – лодка моя: тёл, тёл, тёл, лопаточка – весёлко моё: пол, пол, пол.

И опять у одной деревни ребята с берега кричат:

- Эй, мышка- норушка, приставай сладости поесть.

- Какие сладости?

- С утиным мясом.

- Нет, с утиным мясом не стану есть.

И опять едет дальше, напевая:

- Скорлупка – лодка моя: тёл, тёл, тёл, лопаточка – весёлко моё: пол, пол, пол.

Долго или коротко ехала, снова в одной деревне ребята кричат:

- Эй, мышка- норушка, приставай сладости с икрой поесть.

- С какой икрой?

- С осетровой икрой.

- Ням, ням, ням, ням, еду отцов моих – с осетровой икрой, буду, буду есть.

К берегу пристала, наставили ей еды с осетровой икрой. И принялась мышка есть.

Ела, ела, ела, ела, даже живот круглым стал.

Тут закричали дети с улицы:

- Мышка, мышка – норушка, весло твое и лодку твою водой смыло.

Мышка вскочила, побежала на берег, споткнулась, упала в собачью яму, и лопнул её живот.

- Девочки, девочки, - закричала мышка, - принесите иголку с жилами, принеси иголку с дратвой, живот мой лопнул!

Девочки прибежали быстро и зашили мышке – норушке дратвой и жилами живот. Поставили её на ноги.

Мышка- норушка, шатаясь, пошла к своей скорлупке – лодчонке с лопаточкой – веслом, села и, грустная, поехала дальше, даже про песни забыла. И только лодочка её поёт: «тёл, тёл, тёл», и только весло её поёт: «пол, пол, пол».

Вопросы:

1. *Понравилась ли вам сказка?*
2. *Спойте песенку мышки с разным настроением.*
3. *Кто помог мышке в ее беде?*

Волшебные сказки

Лягушка – царевна

В некотором царстве, в некотором государстве жил – был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич. Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

- Дети мои милые, вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

- За кого же нам батюшка, посвататься?

- А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите по стреле в разные стороны. Где стрела упадет – там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий отцовский двор, натянули свои тугие луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат. Упала стрела на боярский двор, и подняла ее боярская дочь.

Пустил стрелу средний брат – полетела стрела к богатому купцу во двор. И подняла ее купеческая дочь.

Пустил стрелу Иван-царевич – полетела стрела прямо в топкое болото, и подняла ее лягушка- квакушка...

Старшие братья как пошли искать свои стрелы, сразу их нашли: один – в боярском тереме, другой – на купеческом дворе. А Иван-царевич долго не мог найти свою стрелу. Два дня ходил он по лесам и по горам, на третий день зашел на топкое болото. Смотрит – сидит там лягушка- квакушка, его стрелу держит.

Иван – царевич хотел было бежать и отступить от своей находки, а лягушка говорит:

- Ква-ква, Иван-царевич! Поди ко мне, бери свою стрелу, а меня возьми замуж.

Опечалился Иван-царевич и отвечает:

- Как же я тебя замуж возьму? Меня люди засмеют!

- Возьми, Иван-царевич, жалеть не будешь!

Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул ее в платочек и принес в свое царство-государство.

Пришли старшие братья к отцу, рассказывают, куда чья стрела попала.

Рассказал и Иван-царевич. Стали братья над ним смеяться. А отец говорит:

- Бери квакушку ничего не поделаешь!

Вот сыграли три свадьбы, поженились царевичи: старший царевич- на

боярышне, средний- на купеческой дочери, а Иван-царевич – на лягушке – квакушке.

На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорит:

- Ну, сынки мои дорогие, теперь вы все трое женаты. Хочется мне узнать, умеют ли ваши жены хлебы печь. Пусть они к утру испекут мне по караваю хлеба.

Поклонились царевичи отцу и пошли. Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

- Ква-ква, Иван-царевич, - говорит лягушка – квакушка, - что ты так опечалился! Или услышал от своего отца слово не ласковое!

- Как мне не печалиться! – отвечает Иван-царевич. – Приказал мой батюшка, чтобы ты сама испекла к утру каравай хлеба...

- Не тужи, Иван-царевич! Ложись –ка лучше спать –почивать: утро вечера мудренее!

Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушачью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой – такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Взяла она частые решета, мелкие сита, просеяла муку пшеничную, замесила тесто белое, испекла каравай – рыхлый да мягкий, изукрасила каравай разными узорами мудреными: по бокам – города с дворцами, садами да башнями, сверху – птицы летучие, снизу – звери рысучие...

Утром будит квакушка Ивана-царевича:

- Пора, Иван-царевич, вставай, каравай неси!

Положила каравай на золотое блюдо, проводила Ивана-царевича к отцу.

Пришли и старшие братья, принесли свои караваи, только у них и смотреть не на что: у боярской дочери хлеб подгорел, у купеческой – сырой да кособокий получился.

Царь сначала принял каравай у старшего царевича, взглянул на него и приказал отнести псам дворовым.

Принял у среднего, взглянул и сказал:

- Такой каравай только от большой нужды есть будешь!

Дошла очередь и до Ивана-царевича. Принял царь от него каравай и сказал:

- Вот это хлеб только в большие праздники есть!

И тут же дал сыновьям новый приказ:

- Хочется мне знать, как умеют ваши жены рукодельничать. Возьмите шелку, золота и серебра, и пусть они своими руками за ночь выткут мне по ковру!

Вернулись старшие царевичи к своим женам, передали ми царский приказ. Стали жены кликать мамушек, нянюшек и красных девушек – чтобы пособили им ткать ковры. Тотчас мамушки, нянюшки да красны девушки собрались и принялись ковры ткать да вышивать – кто золотом, кто серебром, кто шелком.

А Иван-царевич воротился домой не весел, ниже плеч буйну голову повесил.

-Ква-ква, Иван-царевич, - говорит квакушка, - почему так печалишься?

Или услышал от отца своего слово не доброе?

-Как мне не кручиниться! – отвечает Иван-царевич. – Батюшка приказал за одну ночь соткать ему ковер узорчатый!

- Не тужи Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать: утро вечера мудренее!

Уложила его квакушка спать, а сама сбросила себя лягушачью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковер ткать. Где кольнет иглой раз – цветочек зацветет, где кольнет другой раз – хитрые узоры идут, где кольнет третий – птицы летят...

Солнышко еще не взошло, а ковер уже готов. Вот пришли все три брата к царю, принесли каждый свой ковер. Царь прежде взял ковер у старшего царевича, посмотрел и молвил: - Этим ковром только от дождя лошадей покрывать!

Принял от среднего, посмотрел и сказал:

- Только у ворот его стелить!

Принял от Ивана – царевича, взглянул и сказал:

- А вот этот ковер в моей горнице по большим праздникам расстилать!

И тут же отдал царь новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на пир со своими женами: хочет царь посмотреть, которая из них лучше пляшет.

Отправились царевичи к своим женам.

Иван-царевич печалится, сам думает: « Как поведу я мою квакушку на царский пир?...»

Пришел он домой не веселый. Спрашивает его квакушка:

- Что опять, Иван-царевич, не весел, ниже плеч буйну голову повесил? О чем запечалился?

- Как мне не печалиться?- говорит Иван – царевич. – Батюшка приказал, чтобы я тебя завтра к нему на пир привез...

- Не горюй, Иван-царевич! Ложись – ка да спи: утро вечера мудренее!

На другой день, как пришло время ехать на пир, квакушка говорит царевичу:

-Ну, Иван-царевич, отправляйся один на царский пир, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да ром – не пугайся, скажи: «Это видно, моя лягушонка в коробчонке едет!»

Пошел Иван – царевич к царю на пир один.

А старшие братья явились во дворец со своими женами, разодетыми, разубранными. Стоят над Иваном-царевичем посмеиваются:

- Что же ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес, дал бы нам всем послушать как она квакает!

Вдруг поднялся стук да гром – весь дворец затрясся- зашатался. Все гости переполошились, повскакивали со своих мест. А Иван-царевич говорит:

-Не бойтесь, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчке едет!

Подбежали все к окнам и видят : бегут скороходы, скачут гонцы, а вслед за ними едет золоченая карета, тройкой гнедых коней запряжена.

Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее Василиса Премудрая – сама как солнце ясное светится.

Все а ее дивятся, любят, от удивления слова вымолвить не могут.

Взяла Василиса Премудрая Ивана – царевича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые...

Стали гости есть, пить, веселиться.

Василиса Прекрасная из кубка пьет – не допивает, остатки себе в левый рукав выливает. Лебедя жареного ест – косточки за правый рукав бросает.

Жены старших царевичей увидели это – и туда же: чего не допьют – в рукав льют, чего не доедят – в другой кладут. А к чему, зачем – того и сами не знают.

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка, начались пляски. Пошла Василиса Премудрая плясать с Иваном – царевичем. Махнула левым рукавом – стало озеро, махнула правым – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались. А как перестала она плясать, все исчезло: и озеро, и лебеди.

Пошли плясать жены старших царевичей.

Как махнули своими левыми рукавами – всех гостей забрызгали; как махнули правыми – костями – огрызками осыпали, самому царю костью чуть глаз не выбили. Рассердился царь и велел их выгнать из горницы.

Когда пир был на исходе, Иван-царевич уллучил минутку и побежал домой. Разыскал лягушачью кожу и спал ее на огне.

Приехала Василиса Премудрая домой, хватилась – нет лягушачьей кожи! Бросилась она искать ее. Искала, искала – не нашла и говорит Ивану – царевичу:

-Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, В тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, у Кощея Бессмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызешь – только тогда и разыщешь меня...

Сказала, обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал Иван-царевич. Снарядился, взял лук и стрелы, надел железные сапоги, положил в заплечный мешок три железных хлеба и пошел искать свою жену, Василису Премудрую.

Долго ли шел, коротко ли, далеко ли – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, - две пары железных сапог износил, два железных хлеба изгрыз, за третий принялся. И повстречался ему тогда старый старик.

- Здравствуй, дедушка! – говорит Иван-царевич.

- Здравствуй, добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Рассказал Иван – царевич свое горе.

- Эх, Иван-царевич, - говорит ему старик, - зачем же ты лягушачью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее и снимать было! Василиса Премудрая хитрей – мудрей отца своего Кощея Бессмертного уродилась. Он за то разгневался на нее и приказал ей три года квакушею быть. Ну, да делать нечего, словами беды не поправишь. Вот тебе клубочек: куда он покатится, туда и ты иди.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком.

Катится клубочек по высоким горам, катится по темным лесам, катится по глухим местам, а Иван – царевич все идет да идет за ним – не остановится на отдых ни на часок.

Шел-шел, третью пару железных сапог истер, третий железный хлеб изгрыз и пришел в дремучий бор. Попадается ему навстречу медведь.

«Дай убью медведя! – думает Иван – царевич. – Ведь у меня никакой еды больше нет».

Прицелился он, а медведь вдруг и говорит ему человеческим голосом:

- Не убивай меня, Иван-царевич! Когда-нибудь я пригожусь тебе.

Не тронул Иван – царевич медведя, пожалел, пошел дальше.

Идет он чистым полем, глядь - а над ним летит большой селезень.

Иван – царевич натянул лук, хотел было пустить в селезня острую стрелу, а селезень и говорит ему по – человечески:

- Не убивай меня, Иван-царевич! Будет время – я тебе пригожусь.

Пожалел Иван – царевич селезня – не тронул его, пошел дальше голодный.

Вдруг бежит ему навстречу косой заяц.

«Убью этого зайца! – думает царевич. – Очень уж есть хочется...»

Натянул свой тугой лук, стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

- Не губи меня, Иван-царевич! Будет время – я тебе пригожусь.

И его пожалел царевич, пошел дальше.

Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на желтом песке, лежит щука – рыба. Говорит Иван – царевич:

- Ну, сейчас эту щуку съем! Мочи моей больше нет – так есть хочется!

- Ах, Иван – царевич, - молвила щука, - сжался надо мной, не ешь меня, брось лучше в синее море!

Сжалился Иван-царевич над щукой, отпустил ее в море, а сам пошел берегом за своим клубочком.

Долго ли, коротко ли – прикатился клубочек в лес, к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается. Говорит Иван-царевич:

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка по его слову повернулась к лесу задом, к нему передом. Вошел Иван-царевич в избушку и видит: лежит на печи баба-яга – костяная нога.

Увидела она царевича и говорит:

- Зачем ко мне пожаловал, добрый молодец? Волей или неволей?

- Ах, баба-яга – костяная нога, ты бы меня накормила прежде, напоила да в бане выпарила, тогда бы и выпрашивала!

- И то, правда! – отвечает баба-яга.

Накормила она Ивана-царевича, напоила в бане, выпарила, а царевич рассказал ей, что он ищет жену свою, Василису Премудрую.

- Знаю, знаю! – говорит баба-яга. – Она теперь у злодея Кощея Бессмертного. Трудно будет ее достать, нелегко с Кошеем сладить: его не стрелой, ни пулей не убьешь. Потому он никого и не боится.

- Да есть ли где его смерть?

- Его смерть – на конце иглы, та игла – в яйце, то яйцо – в утке, та утка – в зайце, тот заяц – в кованном ларце, а тот ларец – на вершине старого дуба. А дуб тот в дремучем лесу растет.

Рассказала баба-яга Ивану-царевичу, как к тому дубу пробраться. Поблагодарил ее царевич и пошел. Долго он по дремучим лесам пробирался, в топях болотных вяз и пришел, наконец, к Кощееву дубу. Стоит тот дуб, вершиной в облака упирается, корни на сто верст в землю раскинул, ветками красно солнце закрыл. А на самой его вершине – кованый ларец. Смотрит Иван-царевич на дуб и не знает, что ему делать, как ларей достать.

«Эх, - думает, - где-то медведь? Он бы мне помог!»

Только подумал, а медведь тут как тут: прибежал и выворотил дуб с корнями. Ларец упал с вершины и разбился на мелкие кусочки.

Выскочил из ларца заяц и пустился на утек.

«Где-то мой заяц? – думает царевич. – Он этого зайца непременно догнал бы...»

Не успел подумать, а заяц тут как тут: догнал другого зайца, ухватил и разорвал пополам. Вылетела из того зайца утка и поднялась высоко-высоко в небо.

«Где-то мой селезень?» - думает царевич.

А уж селезень за уткой летит – прямо в голову клюет. Выронила утка яйцо, и упало то яйцо в синее море...

Загоревал Иван-царевич, стоит на берегу и говорит:

- Где-то моя щука? Она достала бы мне яйцо со дна морского!

Вдруг приплывает к берегу щука – рыба и держит в зубах яйцо.

- Получай, Иван-царевич!

Обрадовался царевич, разбил яйцо, достал иглу и отломил у ней кончик. И только отломил – умер Кощей Бессмертный, прахом рассыпался.

Пошел Иван-царевич в Кощеевы палаты. Вышла тут к нему Василиса Премудрая и говорит:

- Ну, Иван-царевич, сумел ты меня найти, теперь я весь век твоя буду!

Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кощеевой конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в свое царство-государство.

И стали они жить дружно, в любви и согласии.

Вопросы:

1. Почему лягушку называют царевной?

2. Перечислите, куда улетели стрелы братьев.

3. Как относились братья и их жены к лягушке – царевне и к Василисе Премудрой.

4. Какие испытания пришлось пройти Ивану-царевичу, чтобы спасти Василису Премудрую?

Волшебные сказки

Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил – был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга – царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них умерли; умирая, они сыну наказывали:

- Кто первый за твоих сестер станет свататься, За того и отдавай – при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

Пойдемте, сестрицы домой! – говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец – как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

- Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил в гости, а теперь пришел сватать; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

-Коли люб ты сестрице я ее не унимаю - пусть с богом идет!

Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство, Дни идут за днями часы бегут за часами - целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять, Опять встает туча с вихрем, с молнией.

-Пойдемте сестрицы домой!- говорит царевич.

Только пришли во дворец - как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился об пол и сделался добрым молодцем.

- Здравствуй , Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу – царевну. Отвечает Иван-царевич:

- Если ты люб Ольге – царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

-Пойдем во зеленом саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией,

-Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть – как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

- Ну, Иван – царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну – царевну.

- Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

- Пойду, - говорит, - искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел, шел и видит- лежит в поле рать – сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

- Коли есть тут жив человек – отзовися! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

- Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему на встречу Марья Моревна, прекрасная королева.

- Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет – по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

- Добрые молодцы по неволе не ездят!

- Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван – царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько – то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана – царевича все хозяйство и приказывает:

- Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован .

Просит Кощей у Ивана-царевича:

- Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды, он выпил и еще запросил:

- Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро – взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

- Спасибо, Иван-царевич! – сказал Кощей Бессмертный. – Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! – И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько – горько заплакал, снарядился и пошел в путь дорогу:

- Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясный сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

- Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?

Выбежала Марья –царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала по его здоровье расспрашивать , про свое житье- бытье рассказывать.

Погостил у них царевич три дня и говорит:

- Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

- Трудно тебе сыскать ее, - отвечает сокол. – Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать..

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше првого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет.

Ольга – царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать – обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

- Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марию Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орел:

- Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворе лучше первых двух, возле дворца стоит дуб, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

- Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет.

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье – бытье расспрашивать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

- Прощайте! Пойду жену искать Марию Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

- Трудно тебе сыскать ее, оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий день добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

- Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался – посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

- Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали.

А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

- Иван-царевич приходил, Марию Моревну увез.

- А можно ли их догнать?

- Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать – и то поспеет!

Кощей поскакал, догнал Ивана – царевича.

- Ну, - говорит, - первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись – на куски изрублю!

Отнял у него Марию Моревну и увез; а Иван – царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кошечья Бессмертного дома не случилось.

- Поедем, Марья Моревна!

- Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

- Пускай догонит; мы хоть часок другой проведем вместе.

- Собрались и уехали. Кошечья Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

- А можно ли их догнать?

- Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выпастыся да тогда вдогонь ехать – и то поспеем!

Кошечья поскакал, догнал Ивана-царевича:

- Ведь я же говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как своих ушей!

Отнял ее и увез к себе.

Оставался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кошечья дома не случилось.

- Поедем, Марья Моревна!

- Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

- Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали.

Кошечья Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

- Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кошечья поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его на куски и поклат в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

- Ах, - говорят они, - видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою.

Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали, как надобно. Ворон брызнул мертвою водою – тело срослось, соединилось; сокол брызнул живой водою – Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

- Ах, как я долго спал!

- Еще бы дольше проспал, если б не мы! – отвечали зятя.- Пойдем теперь к нам в гости..

- Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

- Разузнай у Кошечья Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кошечья Бессмертного выпрашивать. Кошечья сказал:

- За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба – яга; у нее есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребенка.

- Как же ты через огненную реку переправился?

- А у меня есть такой платок: как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достает!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыши детками. Иван-царевич говорит:

- Съем – ка я одного цыпленочка.

- Не ешь, Иван-царевич! – просит заморская птица.- В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше, видит в лесу улей пчел.

- Возьму-ка я, - говорит, - сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

- Не тронь моего меду, Иван – царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше; попадается ему навстречу львица со львенком.

- Съем я хоть этого львенка; есть хочется, ажно тошно стало!

- Не тронь, Иван-царевич, - просит львица.- В некоторое время я тебе пригожусь.

- Хорошо пусть будет по- твоему!

Побрел голодный, шел, шел, стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один не занятый.

Здравствуй, бабушка!

- Здравствуй, Иван-царевич! Пошто пришел - по своей доброй воле аль по нужде?

- Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

- Изволь, царевич! У меня не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц – дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся – торчат твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко на закате; прилетела заморская птица и будит его:

- Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой, а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

- Зачем вы домой воротились?

- Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

- Ну вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит:

- Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь – быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал да и заснул. Солнышко село за лес; прибежала львица:

- Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

- Зачем домой воротились?

- Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

- Ну, вы завтра забегите в синее море.

Опять переспал Иван-царевич, наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

- Если не упасешь – быть твоей буйной головушке на шесте. Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в синее море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

- Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротись домой, баба-яге на глаза не показывайся, пойдешь в конюшню и спрячься за ясли. Там есть паршивый жеребенок – в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

- Зачем воротились?

- Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба – яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону – и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту и махнул платков в левую сторону только два раза – остался через реку мост тоненький-тоненький!

Поутру пробудилась баба-яга – паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает.

Прискакала к огненной реке, взлянула и думает: «Хорош мост!»

Поехала по мосту, только добралась до середины – мост обломился, и Баба Яга чебурах в реку! Тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван Царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

- Как тебе удалось от смерти избавиться?
- Так и так, - говорит. – Поедем со мной.
- Боюсь, Иван Царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.
- Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

- Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?
- Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.
- А можно ли их догнать?
- Бог знает! Теперь у Ивана - царевича конь богатырский лучше меня.
- Нет, не утерплю, - говорит Кощей Бессмертный, - поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли – нагнал он Ивана – царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана – царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и разможил ему голову, а Царевич доконал его палицей.

После того наклак Царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван Царевич на своего и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда не придут, всюду встречают их с радостью:

- Ах, Иван Царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, не даром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать, другой не найти!

Погостили они, попиروвали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить – поживать, добра наживать да медок попивать.

Вопросы:

1. За кого выдал замуж Иван-царевич своих сестер?
2. К чему привело любопытство Ивана-царевича?
3. Через какие испытания пришлось пройти Ивану?
4. Какие герои сказки вам понравились?

Волшебные сказки

Финист- ясный сокол

Жили в деревне крестьянин с женой; было у них три дочери. Дочери выросли, а родители постарели, и вот пришло время, пришел черед – умерла у крестьянина жена. Стал крестьянин один растить своих дочерей. Все три его дочери были красивые и красотой равные, а нравом – разные.

Старый крестьянин жил в достатке и жалел своих дочерей. Захотел он было взять во двор какую ни есть старушку бобылку, чтобы она по хозяйству заботилась. А меньшая дочь, Марьюшка, говорит отцу:

- Не надобно, батюшка, бобылку брать, я сама буду по дому заботиться.

Мария радетьная была. А старшие дочери нечего не сказали. Стала Марьюшка вместо своей матери хозяйство по дому вести. И все- то она умеет, все у неё ладится, а что не умеет, к тому привыкает, а привыкши тоже ладит с делом. Отец глядит на младшую дочь и радуется. Рад он был, что Марьюшка у него такая умница, да работящая и нравом кроткая. И из себя

Марьюшка была хороша – красавица писаная, и от доброты красота её прибавлялась. Сестры её старшие тоже были красавицы, только им все мало казалось своей красоты, и они старались прибавить её румянами и белилами и еще в обновки нарядиться.

Сидят, бывало, две старшие сестрицы да целый день охорашиваются, а к вечеру все такие же, что и утром были. Заметят они, что день прошел, сколько румян и белил они извели, а лучше не стали, и сидят сердитые. А Марьюшка устанет к вечеру, зато знает она, что скотина накормлена, в избе прибрано чисто, ужин она приготовила, хлеб на завтра замесила и батюшка будет ею доволен. Глянет она на сестер своими радостными глазами и нечего им не скажет. А старшие сестры тогда еще больше сердятся. Им кажется, что Марья-то утром не такая была, а к вечеру похорошела – с чего только, они не знают.

Пришла нужда отцу на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей:

- А что вам, детушки, купить, чем вас порадовать?

Старшая дочь говорит отцу:

- Купи мне, батюшка, полушалок, да чтоб цветы на нем большие были и золотом расписанные.

- А мне, батюшка, - средняя говорит, - тоже купи полушалок со цветами, что золотом расписанные, а посреди цветов чтоб красное былою. А ещё купи мне сапожки с мягкими голенищами, на высоких каблучках, чтоб они о землю топали.

Старшая дочь обиделась на среднюю и сказала отцу:

- И мне, батюшка, и мне купи сапожки с мягкими голенищами и с каблучками, чтоб они о землю топали. А ещё купи перстень с камешком на палец – ведь я у тебя одна старшая дочь.

Отец пообещал купить подарки, какие наказали две старшие дочери, и спрашивает у младшей:

- А ты чего молчишь, Марьюшка?

- А мне, батюшка, нечего не надо. Я со двора никуда не хожу, нарядов мне не нужно.

- Неправда твоя, Марьюшка! Как я тебя без подарка оставлю? Я тебе гостинец куплю.

- И гостинца не нужно, батюшка, - говорит младшая дочь. - А купи ты мне, батюшка родимый, перышко Финиста – ясна сокола, коли оно дешевое будет.

Поехал отец на базар, купил он старшим дочерям подарки, какие они наказали ему, а перышко Финиста – ясна сокола не нашел. У всех купцов спрашивал.

«Нету,- говорили купцы, - такого товара; спросу,- говорят, - на него нету».

Не хотелось отцу обижать младшую дочь свою, работающую умницу, однако воротился он ко двору, а перышко Финиста – ясна сокола не купил.

А Марьюшка не обиделась. Она обрадовалась, что отец домой вернулся, и сказала ему:

- Ништо, батюшка. В иной раз поедешь, тогда оно и купится, перышко мое.

Прошло время, и опять отцу нужда на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей, что им купить в подарок: он добрый был.

Большая дочь говорит:

- Купил ты мне, батюшка, в прежний раз сапожки, так пусть кузнецы подкуют теперь каблучки на тех сапожках серебряными подковками.

А средняя слышит старшую и говорит:

- И мне, батюшка, тоже, а то каблучки стучат, а не звенят, - пусть они звенят. А чтоб гвоздики на подковках не потерялись, купи мне еще серебряный молоточек: я им гвоздики подбивать буду.

- А тебе чего купить, Марьюшка?

- А погляди, батюшка, перышко от Фениста- ясна сокола: будет ли, нет ли.

Поехал старик на базар, дела свои скоро сделал и старшим дочерям подарки купил, а для младшей до самого вечера перышко искал, и нет того перышко, никто его в покупку не дает.

Вернулся отец опять без подарка для младшей дочери. Жалко ему стало Марьюшку. А Марьюшка улыбнулась отцу и горя своего не показала – стерпела его.

Прошло время, поехал отец опять на базар.

- Что вам, дочки родные, в подарок купить?

Старшая подумала и сразу не придумала, чего ей надо.

- Купи мне, батюшка, чего –нибудь.

А средняя говорит:

- И мне, батюшка, купи чего-нибудь, а к чему-нибудь добавь еще что –нибудь.

- А тебе, Марьюшка?

- А мне купи ты, батюшка, одно перышко Фениста- ясна сокола.

Поехал старик на базар. Дела свои сделал, старшим дочерям подарки купил, а для младшей ничего не купил: нету того перышка на базаре.

Едет отец домой, и видит он: идет по дороге старый старик, старше его, вовсе ветхий.

- Здравствуй, дедушка!

- Здравствуй и ты, милый. О чем у тебя кручина?

- А как ей не быть, дедушка! Наказывала мне дочь купить ей одно перышко Фениста – ясна сокола. Искал я ей то перышко. А его нету. А дочь-то у меня меньшая, пуще всех мне её жалко.

Старый старик задумался, а потом и говорит:

- Ин так и быть!

Развязал он заплечный мешок и вынул из него коробочку.

- Спрячь, - говорит,- коробочку, в ней перышко от Фениста- ясна сокола. Да упомни еще: есть у меня один сын; тебе дочь жалко, а мне сына. Ан не хочет мой сын жениться, а уж время ему пришло. Не хочет – неволить нельзя. И сказывает он мне: кто-де попросит у тебя перышко, ты отдай, говорит, - это невеста моя просит.

Сказал свои слова старик- и вдруг нету его, исчез он неизвестно куда: был он или не был!

Остался отец Марьюшки с перышком в руках. Видит он, то перышко, а

оно серое, простое. А купить его нельзя было нигде.

Вспомнил отец, что старый старик ему сказал, и подумал: «Видно, Марьюшке моей судьба такая выходит- не зная, ни выдавши выйти замуж неведомо за кого».

Приехал отец домой, подарил подарки старшим дочерям, а младшей отдал коробочку с серым перышком.

Нарядились старшие сестры и посмеялись над младшей:

- А ты положи свое воробьиное перышко в волоса да и красуйся.

Марьюшка промолчала, а когда в избе легли все спать, она положила перед собой простое, серое перышко Финиста- ясна сокола и стала им любоваться. А потом Марьюшка взяла перышко в свои руки, подержала его при себе, полоскала и нечаянно уронила на пол.

Тотчас ударился кто- то в окно. Окно открылось, и влетел в избу Финист – ясный сокол. Приложился он до пола и обратился в прекрасного молодца. Закрала Марьюшка окно и стала с молодцом разговор разговаривать. А к утру отворила Марьюшка окно, приклонился молодец до полу, обратился молодец в ясного сокола, а сокол оставил по себе простое, серое перышко и улетел в синее небо.

Три ночи привечала Марьюшка сокола. Днем он летал по поднебесью, над полями, над лесами, над горами, над морями, а к ночи прилетал к Марьюшке и делался добрым молодцем.

На четвертую ночь старшие сестры расслышали тихий разговор Марьюшки, услышали они и чужой голос доброго молодца, а наутро спросили младшую сестру:

- С кем это ты, сестрица, ночью беседуешь?

- А я сама с собою говорю, ответила Марьюшка. – Подруг у меня нету, днем я в работе, говорить мне некогда, а ночью я беседую сама с собой.

Послушали старшие сестры младшую, да не поверили ей.

Сказали они батюшке:

- Батюшка, а у Марьи-то нашей суженый есть, она по ночам с ним видится и разговор с ним разговаривает. Мы сами слышали.

А батюшка им в ответ:

- А вы бы не слушали, - говорит. – Чего у нашей Марьюшки суженому не быть? Худого тут нету, девица она пригожая и в пору свою вышла. Придет и вам черед.

- Так Марья-то не по череду суженого своего узнала, - сказала старшая дочь. – Мне бы случилось первее ее замуж выходить.

- Оно правда твоя, - рассудил батюшка. – Так судьба-то не по счету идет. Иная невеста в девках до старости лет сидит, а иная с младости всем людям мила.

Сказал так отец старшим дочерям, а сам подумал: «Иль уж слово старого старика сбывается, что перышко мне подарил? Беды-то нет, да хороший ли человек будет суженым у Марьюшки?»

А у старших дочерей свое желание было. Как стало время на вечер, Марьюшкины сестры вынули ножи из черенков, а ножи воткнули в раму и вокруг него, а кроме ножей воткнули еще туда острые иголки да осколки старого стекла. Марьюшка в то время корову в хлеву убирала и ничего не

видела.

И вот, как стемнело, летит Финист – ясный сокол к Марьюшкиному окну. Долетел он до окна, ударился об острые ножи да об иглы и стекла, бился-бился, всю грудь изранил, а Марьюшка уморилась за день в работе, задремала она, ожидая Финиста – ясна сокола, и не слышала, как бился ее сокол в окно.

Тогда Финист сказал громко:

- Прощай, моя красная девица! Коли нужен я тебе, ты найдешь меня, хоть и далеко я буду! А прежде того, идучи ко мне, ты башмаков железных три пары износишь, трое посохов чугунных о траву подорожную сотрешь, три хлеба каменных изглодаешь.

И услышала Марьюшка сквозь дрему слова Финиста, а встать, пробудиться не могла. А утром пробудилась она, загоревало ее сердце. Посмотрела она в окно, а в окне кровь Финиста на солнце сохнет. Заплакала тогда Марьюшка. Отворила она окно и припала лицом к месту, где была кровь Финиста-сокола. Слезы смыли кровь сокола, а сама Марьюшка словно умылась кровью суженого и стала еще краше.

Пошла Марьюшка к отцу и сказала ему:

- Не брани меня, батюшка, отпусти меня в путь-дорогу дальнюю. Жива буду – свидимся, а помру – на роду, знать, мне было написано.

Жалко было отцу отпускать неведомо куда любимую младшую дочь. А неволить ее, чтоб дома она жила, нельзя. Знал отец: любящее сердце девицы сильнее власти отца и матери. Простился он с любимой дочерью и отпустил ее.

Кузнец сделал Марьюшке три пары башмаков железных и три посоха чугунных, взяла еще Марьюшка три каменных хлеба, поклонилась она батюшке и сестрам, могилу матери навестила и отправилась в путь-дорогу искать желанного Финиста- ясного сокола.

Идет Марьюшка путем-дорогою. Идет она не день, не два, не три дня, идет она долгое время. Шла она и чистым полем, и темным лесом, шла и высокими горами. В полях птицы ей песни пели, темные леса ее привечали, с высоких гор она всем миром любовалась. Шла Марьюшка столько, что одну пару башмаков железных она износила, чугунный посох о дорогу истерла и каменный хлеб изглодала, а путь ее все не кончается и нету Финиста – ясна сокола.

Вдохнула тогда Марьюшка, села на землю, стала она другие железные башмаки обувать – и видит избушку в лесу. А уж ночь наступила.

Подумала Марьюшка: «Пойду в избушке людей спрошу, не видели ли они моего Финиста – ясна сокола?»

Постучалась Марьюшка в избушку. Жила в той избушке одна старуха – добрая или злая, про Марьюшка не знала. Отворила старуха сени – стоит перед ней красная девица.

- Пусти, бабушка, ночевать.
- Входи, голубушка, гостьей будешь. А далеко ли ты идешь, молодая?
- Далеко ли, близко, сама не знаю, бабушка. А ищу я Финиста – ясна сокола. Не слыхала ли ты про него, бабушка?
- Как не слыхать! Я старая, давно на свете живу, я про всех слыхала!

Далеко тебе идти, голубушка.

Наутро хозяйка-старуха разбудила Марьюшку и говорит ей:

- Ступай, милая, теперь к моей средней сестре, она старше меня и ведает больше. Может, она добру тебя научит и скажет, где твой Финист живет. А чтоб ты меня, старую, не забыла, возьми-ка вот серебряное донце да золотое веретенце, станешь кудель прясти – золотая нитка потянется. Береги мой подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет – сама его подари.

Марьюшка взяла подарок, полюбовалась им и сказала хозяйке:

- Благодарствую, бабушка. А куда же мне идти, в какую сторону?
- А я тебе клубочек дам – самокат. Куда клубочек покатится, и ты ступай за ним вослед. А передохнуть задумаешь, сядешь на травку – и клубочек остановится, тебя ожидать будет.

Поклонилась Марьюшка старухе и пошла вослед за клубочком.

Долго ли, коротко ли Марьюшка, пути она не считала, сама себя не жалела, а видит она: леса стоят темные, страшные, в полях трава растет нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы на землях не поют.

Шла Марьюшка все далее, все скорее она спешила. Глядь, опять переобуваться надо: другая пара башмаков железных износилась, и посох чугунный о землю истерся, и каменный хлеб она изглодала.

Села Марьюшка переобуваться. Видит она: черный лес близко, и ночь наступает, а в лесу в одной избушке огонек зажгли в окне.

Клубочек покотился к той избушке. Пошла за ним Марьюшка и постучалась в окошко:

- Хозяева добрые, пустите ночевать!

Вышла на крыльцо избушки старуха, старее той, что прежде привечала Марьюшку.

- Куда идешь, красная девица? Кого ты ищешь на свете?

- Ищу, бабушка, Финиста – ясна сокола.

Была я у одной старушки в лесу, ночь у нее ночевала, она про Финиста слыхала, а не ведает его. Может, сказывала, середняя ее сестра ведает.

Пустила старуха Марьюшку в избу. А наутро разбудила гостью и сказала ей:

- Далеко тебе искать Финиста будет. Ведать я про него ведала, да не знала. А иди ты теперь к нашей старшей сестре, она и знать должна. А чтоб помнила ты обо мне, возьми от меня подарок. По радости он тебе памятью будет, а по нужде помощь окажет.

И дала хозяйка-старуха своей гостье серебряное блюдечко и золотое яичко.

Попросила Марьюшка у старой хозяйки прощения, поклонилась ей и пошла вослед клубочку.

Идет Марьюшка, а земля вокруг нее вовсе чужая стала. Смотрит она: один лес на земле растет, а чистого поля нету. И деревья, чем далее катится клубок, все выше растут. Совсем темно стало: солнца и неба не видно.

А Марьюшка и по темноте все шла и шла, пока железные башмаки ее насквозь не истоптались, а посох о землю не истерся и покуда последний

каменный хлеб она до остатней крошки не изглодала.

Огляделась Марьюшка – как ей быть? Видит она свой клубочек: лежит он под окошком у лесной избушки.

Постучалась Марьюшка в окно избушки:

- Хозяева добрые, укройте меня от темной ночи!

Вышла на крыльцо древняя старушка, самая старшая сестра всех старух.

- Ступай в избу, голубка, - говорит. – Ишь куда как далече пришла! Далее и не живет на земле никто, я крайняя. Тебе в иную сторону завтра с утра надобно путь держать. А чья же ты будешь и куда идешь?

Отвечала ей Марьюшка:

- Я не здешняя, бабушка. А ищу я Финиста – ясна сокола.

Поглядела старшая старуха на Марьюшку и говорит ей:

- Финиста-сокола ищешь? Знаю я, знаю его. Я давно на свете живу, уж так давно, что всех узнала, всех запомнила.

Уложила старуха Марьюшку, а наутро разбудила ее.

- Давно, - говорит, - я добра никому не делала. Одна в лесу живу, все про меня забыли, одна я всех помню. Тебе добро и сделаю: скажу тебе, где твой Финист – ясный сокол живет. А и отыщешь ты его, трудно тебе будет. Финист-сокол теперь женился, он со своей хозяйкой живет. Трудно тебе будет, да сердце у тебя есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет.

Марьюшка сказала в ответ:

- Благодарствую тебе, бабушка, - и поклонилась ей в землю.

- Благодарствовать мне после будешь. А вот тебе подарочек – возьми от меня золотое пялечко да иголочку: ты пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ступай теперь, а что нужно будет делать тебе – пойдешь, сама узнаешь.

Клубочек далее не катился. Вышла на крыльцо старшая старуха и указала Марьюшке, в какую сторону ей надо идти.

Пошла Марьюшка, как была, босая. Подумала: «Как дойду – земля здесь твердая, чужая, к ней привыкнуть нужно».

Прошла она недолго времени. И видит: стоит на поляне богатый двор. А во дворе терем: крыльцо резное, оконца узорчатые. У одного оконца сидит богатая знатная хозяйка и смотрит на Марьюшку: чего, дескать ей надо.

Вспомнила Марьюшка: обуться ей теперь не во что и последний каменный хлеб она изглодала в дороге.

Сказала она хозяйке:

- Здравствуй, хозяйюшка! Не надобно ли вам работницу за хлеб, за одежду-обужу?

- Надобно, - отвечает знатная хозяйка. – А умеешь ли ты печи топить, и воду носить, и обед стряпать?

- Я у батюшки без матушки жила – я все умею.

- А умеешь ты прясть, ткать и вышивать?

Вспомнила Марьюшка о подарках старых бабушек.

- Умею, - говорит.

- Ступай тогда, - хозяйка говорит, - на кухню людскую.

Стала Марьюшка работать и служить на чужом богатом дворе. Руки у Марьюшки честные, усердные – всякое дело ладится у ней.

Хозяйка глядит на Марьюшку да радуется: не было еще у нее такой услужливой, да доброй, да смышленной работницы; и хлеб Марьюшка ест простой, запивает его квасом, а чаю не просит. Похвалилась хозяйка своей дочери:

- Смотри, - говорит, работница какая у нас во дворе – покорная да умелая и на лицо ласковая!

Посмотрела хозяйкина дочь на Марьюшку:

- Фу, - говорит, - пусть она ласковая, а я зато краше ее, и телом белее!

Вечером, как управилась с хозяйскими работами, села Марьюшка прясть. Села она на лавку, достала серебряное донце и золотое веретенце и прядет. Прядет она, из кудели нитка тянется, нитка не простая, а золотая; прядет она, а сама глядит в серебристое донце, и чудится ей, что видит она там Финиста- ясна сокола: смотрит он на нее, как живой на свете. Глядит Марьюшка на него и разговаривает с ним:

- Финист мой, Финист – ясный сокол, зачем ты оставил меня одну, горькую, всю жизнь плакать по тебе? Это сестры мои, разлучницы, кровь твою пролили.

А хозяйкина дочь вошла в ту пору в людскую избу, стоит поодаль, глядит и слушает.

- О ком ты горюешь, девица? – спрашивает она. – И какая у тебя забава в руках?

Марьюшка говорит ей.

- Горюю я о Финисте – ясном соколе. А это я нить пряду, полотенце Финисту буду вышивать – было бы ему чем поутру белое лицо утирать.

- А продай мне свою забаву! – говорит хозяйкина дочь. – Ан Финист-то мух мой, я и сама ему нить спряду.

Посмотрела Марьюшка на хозяйкину дочь, остановила свое золотое веретенце и говорит:

- У меня забавы нету, у меня работа в руках. А серебряное донце-золотое веретенце не продается: мне добрая бабушка его подарила.

Обиделась хозяйская дочь: не хотелось ей золотое веретенце из рук своих упускать.

- Если не продается, - говорит, - давай тогда мену делать: я тебе тоже вещь подарю.

- Подари, - сказала Марьюшка, - дозвожь мне на Финиста – ясна сокола хоть раз одним глазом взглянуть!

Хозяйская дочь подумала и согласилась:

- Изволь, девица, - говорит. – Давай мне твою забаву.

Взяла она у Марьюшки серебряное донце – золотое веретенце, а сама думает: «Покажу я ей Финиста ненадолго, ничего с ним не станется, дам ему сонного зелья, а через это золотое веретенце мы с матушкой вовсе озолотимся!»

К ночи воротился из поднебесья Финист- ясный сокол; обратился он в доброго молодца и сел ужинать в семействе: теща-хозяйка да Финист с

женою.

Хозяйская дочь велела позвать Марьюшку: пусть она служит за столом и на Финиста глядит, как уговор был. Марьюшка явилась: служит она за столом, кушанья подает и с Финиста глаз не сводит. А Финист сидит, словно негу его, - не узнал он Марьюшки: истомилась она путем-дорогою, идучи к нему, и от печали по нем изменилась в лице.

Отужинали хозяева; встал Финист и пошел спать в свою горницу.

Марьюшка и говорит тогда молодой хозяйке:

- Мух во дворе много летает. Пойду-ка я к Финисту в горницу, буду от него мух отгонять, чтоб спать не мешали.

- А пусть ее идет! – сказала старая хозяйка.

Молодая хозяйка опять здесь подумала.

- Ан нет, - говорит, - пусть обождет.

А сама пошла вслед за мужем, дала ему на ночь сонного зелья выпить и воротилась. «Может, - рассудила хозяйская дочь, - у работницы еще какая забава на такую мену есть!»

- Иди теперь, - сказала она Марьюшке. – Иди мух от Финиста отгоняй!

Пришла Марьюшка к Финисту в горницу и позабыла про мух. Видит она: спит ее сердечный друг непробудным сном.

Смотрит на него Марьюшка, не насмотрится. Наклонилась к нему близко, одним дыханием с ним дышит, шепчет ему:

- Проснись, мой Финист – ясный сокол, это я к тебе пришла; я три пары башмаков железных истоптала, три посоха чугунных о дорогу истерла, три хлеба каменных изглодала!

А Финист спит непробудно, он глаз не открывает и не молвит слова в ответ.

Приходит в горницу жена Финиста – хозяйская дочь – и спрашивает:

- Отогнала мух?

- Отогнала, - Марьюшка говорит, - они в окно улетели.

- Ну, иди спать в людскую избу.

На другой день, как поделала Марьюшка всю хозяйскую работу, взяла она серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: покатает вокруг – и новое золотое яичко скатывается с блюдечка; покатает другой раз вокруг – и опять новое золотое яичко скатывается с блюдечка.

Увидела хозяйская дочь.

- Ужли, - говорит, - и такая забава есть у тебя? Продай мне ее, либо я тебе мену, какую хочешь, дам за нее.

Марьюшка говорит ей в ответ:

- Продать не могу, мне добрая бабушка это в подарок дала. И я тебе даром блюдечко с яичком отдам. На-ка, возьми!

Взяла подарок хозяйская дочь и обрадовалась.

- А может, и тебе что нужно, Марьюшка? Проси, чего хочешь.

Марьюшка и просит в ответ:

- А мне самое малое и нужно. Дозволь опять от Финиста мух отгонять, когда ты почивать его уложишь.

- Изволь, - говорит молодая хозяйка.

А сама думает: «Чего с мужем станется от поглядки чужой девицы, да

и спать он будет от зелья, глаз не откроет, а у работницы, может, еще какая забава есть!»

К ночи опять, как было, воротился Финист- ясный сокол из поднебесья, обратился он в доброго молодца и сел за стол ужинать со своим семейством.

Жена Финиста позвала Марьюшку прислуживать за столом, кушанья подавать. Марьюшка кушанья подает, чашки ставит, ложки кладет, а сама глаз с Финиста не сводит. А Финист глядит и не видит ее – не узнает ее его сердце.

Опять, как было, дала хозяйская дочь своему мужу питье с сонным зельем и спать его уложила. А работницу Марьюшку послала к нему и велела ей мух отгонять.

Пришла Марьюшка к Финисту; стала звать его и плакать над ним, думала, нынче он пробудится, взглянет на нее и узнает Марьюшку.

Долго звала его Марьюшка и слезы со своего лица утирала, чтоб они не упали на белое лицо Финиста и не смочили его. А Финист спал, он не пробудился и глаз своих не открыл в ответ.

На третий день Марьюшка справила к вечеру всю хозяйскую работу, села на лавку в людской избе, вынула пялечко и иголочку. Держит она в руках золотое пялечко, а иголочка сама по полотну вышивает. Вышивает Марьюшка, сама приговаривает:

- Вышивайся, вышивайся, мой красный узор, вышивайся для Финиста –ясна сокола, было бы ему на что любоваться!

Молодая хозяйка неподалеку ходила- была; пришла она в людскую избу, увидела в руках у Марьюшки золотое пялечко и иголочку, что сама вышивает. Зашлось у нее сердце завистью и алчностью, и говорит она:

- Ой, Марьюшка, душенька красная девица! Подари мне такую забаву, либо что хочешь в обмен возьми! Золотое веретенце есть и у меня, пряжи я напряду, холстины натку, а золотого пялечка с иголочкой у меня нету – вышивать нечем. Если в обмен не хочешь отдавать, тогда продай! Я цену тебе дам!

- Нельзя! – говорит Марьюшка. – Нельзя золотое пялечко с иголочкой ни продавать, ни в обмен давать. Их мне самая добрая, самая старая бабушка даром дала. И я тебе их даром отдам.

Взяла молодая хозяйка пялечко с иголочкой, а Марьюшке ей дать нечего, она и говорит:

- Приходи, коли хочешь, от мужа моего, Финиста, мух отгонять. Прежде ты сама просилась.

- Приду уж, так и быть, - сказала Марьюшка.

После ужина молодая хозяйка сначала не хотела давать Финисту сонного зелья, а потом раздумалась и добавила того зелья в питье: «Чего ему глядеть на девицу, пусть спит!»

Пошла Марьюшка в горницу к спящему Финисту. Уж не стерпело теперь ее сердце. Припала она к его белой груди и причитывает:

- Проснись-пробудись, Финист мой, ясный сокол! Я всю землю пешей прошла, к тебе идучи! Три посоха чугунных уморились ходить со мной и о землю истерлись, три пары башмаков железных ноги мои износили, три

хлеба каменных я изглодала.

А Финист спит, ничего не чувствует, и не слышит он голоса Марьюшки.

Долго Марьюшка причитала, долго будила Финиста, долго плакала над ним, а не проснулся бы Финист: крепко было зелье жены. Да упала одна горячая слеза Марьюшки на грудь Финиста, а другая слеза упала на его лицо. Одна слеза обожгла сердце Финиста, а другая открыла ему глаза, и он в ту же минуту проснулся.

- Ах, - говорит, - что меня обожгло?

- Финист мой, ясный сокол! – отвечает ему Марьюшка. – Пробудись ко мне, это я пришла! Долго-долго я искала тебя, железо и чугун я о землю истерла. Не стерпели они дороги к тебе, а я стерпела! Третью ночь я зову тебя, а ты спишь, ты не пробуждаешься, ты на голос мой не отвечаешь!

И тут узнал Финист – ясный сокол свою Марьюшку, красную девицу. И так он обрадовался ей, что от радости слова молвить не мог. Прижал он Марьюшку к груди своей белой и поцеловал.

А очнувшись, привыкли к своей радости, он сказал Марьюшке:

- Будь ты моей сизой голубкой, моя верная красная девица!

И в ту же минуту обратился он в сокола, А Марьюшка – в голубку.

Улетели они в ночное поднебесье и всю ночь летели рядом до самого рассвета.

А когда они летели, Марьюшка спросила:

- Сокол, сокол, а куда ты летишь, ведь жена твоя соскучится!

Финист-сокол послушал ее и ответил:

- Я к тебе лечу, красная девица. А кто мужа меняет на веретенце, на блюдечко да на иголочку, той жене мужа не надо и та жена не соскучится.

- Я чего же ты женился на такой жене? – спросила Марьюшка. – Воли твоей не было?

Сокол сказал:

- Воля моя была, да судьбы и любви не было.

И они полетели далее рядом друг с другом.

А на рассвете опустились они на землю. Поглядела Марьюшка вокруг; видит она: дом ее родителя стоит, как прежде был. Захотела она увидеть отца-родителя, и тут же обратилась она в красную девицу. А Финист – ясный сокол ударился о сыру землю и сделался перышком.

Взяла Марьюшка перышко, спрятала его к себе на грудь за пазуху и пришла к отцу.

- Здравствуй, дочь моя меньшая, любимая! Я думал, что тебя и на свете нету. Спасибо, что отца не забыла, домой воротилась. Где была так долго, чего домой не спешила?

- Прости меня, батюшка. Так нужно мне было.

- А нужно так нужно. Спасибо, что нужда прошла.

А случилось это на праздник, и в городе большая ярмарка открылась. Собрался наутро отец на ярмарку ехать, и старшие дочери с ним едут – подарки себе покупать.

Отец и меньшую позвал, Марьюшку.

А Марьюшка:

- Батюшка, - говорит, - я с дороги притомилась, и надеть мне не себя

ничего. На ярмарке, чай, все нарядные будут.

- А я там тебя, Марьюшка, обряжу, - отвечает отец. – На ярмарке, чай, торг большой.

А старшие сестры говорят младшей:

- Надень наши уборы, у нас лишние есть.

- Ах, сестрицы, спасибо вам! – говорит Марьюшка. – Мне ваши платья не по кости! Да мне и дома хорошо.

- Ну, быть по-твоему, - говорит ей отец. – А чего тебе с ярмарки привести, какой подарок? Скажи, отца не обижай!

- Ах, батюшка, ничего мне не надобно: все у меня есть! Недаром я далеко ходила и в дороге утомилась.

Отец со старшими сестрами уехали на ярмарку. В ту же пору Марьюшка вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным добрым молодцем, Финистом, только еще прекраснее, чем он был прежде. Марьюшка удивилась, да от радости ничего не сказала. Тогда сказал ей Финист:

- Не дивись на меня, Марьюшка, это я от твоей любви таким стал.

- Я боюсь тебя! – сказала Марьюшка. – Коли бы ты похуже стал, мне лучше бы, спокойнее было.

- А где родитель твой – батюшка?

- На ярмарку уехал, и сестры с ним старшие.

- А ты чего, Марьюшка моя, не поехала с ними?

- У меня Финист есть, ясный сокол. Мне ничего на ярмарке не надо.

- И мне ничего не надо, - сказал Финист, - я от твоей любви богатым стал.

Обернулся Финист от Марьюшки, свистнул в окошко – сейчас явились платья, уборы и карета золотая. Нарядились они, сели в карету, кони помчали их вихрем.

Приехали они в город на ярмарку, а ярмарка только открылась, все богатые товары и яства горою лежат, а покупатели едут в дороге.

Финист купил на ярмарке все товары, все яства, что было там, и велел их обозами вести в деревню к родителю Марьюшки. Одну только мазь колесную он не купил, а оставил ее на ярмарке.

Он хотел, чтобы все крестьяне, какие приедут на ярмарку, стали гостями на его свадьбе и скорее ехали к нему. А для скорой езды им мазь нужна будет.

Поехали Финист с Марьюшкой домой. Едут они быстро, лошадям воздуха от ветра не хватает.

На половине дороги увидела Марьюшка своего батюшку и старших сестер. Они еще на ярмарку ехали и не доехали. Марьюшка велела им ворочаться ко двору, на свадьбу ее с Финистом – ясным соколом.

А через три дня собрался в гости весь народ, что жил на сто верст в округе; обвенчался тогда Финист с Марьюшкой, и свадьба была богатая.

На той свадьбе дедушки наши и бабушки были, долго они пировали, жениха и невесту величали, с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал; оттого и свадьба кончилась и на пиру гостей не осталось.

Свадьба кончилась, и свадебный пир гости позабыли, а верное, любящее сердце Марьюшки навсегда запомнилось в русской земле.

Вопросы:

1. Кто является главными героями сказки?
2. Какие качества личности красят человека?
3. Какие наказания давали дочери отцу, когда он поехал на базар?
4. Каким образом отец добыл перышко?
5. Как произошла встреча Марьюшки и Финиста ?
6. Какими качествами обладали старшие сестры и сама Марьюшка?
7. Зачем Марьюшка отправилась в путь дорогу?
8. Кто встретился Марьюшке на пути?
9. Чем помогали Марьюшке старушки?
10. Через какие трудности прошла Марьюшка?
11. В кого превратились Финист и Марьюшка?
12. Чем закончилась сказка?

Сказки про детей

Лутонюшка

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутоней занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услышал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слезы стала говорить ему:

- Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке, - я бы его, ведь ушибла поленом-то!

Ну и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря:

- И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..

Кричат оба что ни есть мочи. Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает:

- О чем вы кричите?

Они сказали о чем:

- Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давече сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

- Ну, - сказал Лутоня, - исполать вам!

Потом взял свою шапку в охапку и говорит:

- Прощайте! Если я найду кого глупее вас, вернусь к вам, а не найду – и не ждите меня!

И ушел. Шел, шел и видит: мужики на избу тащат корову.

- Зачем вы тащите корову? – спросил Лутоня.

Они сказали ему:

- Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!

- Ах, дураки набитые! – сказал Лутоня. Взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове.

Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их.

- Нет, - сказал Лутоня, - у меня таких дураков еще много по белу свету!
И пошел дальше. Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они к воротам хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

- Что вы делаете? – спросил Лутоня.

- Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку.

- Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них, хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел, шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидел он: хозяйка – старушка сварила саламату, поставила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

- Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти! – сказал Лутоня.

- Как зачем? – возразила старуха охриплым голосом. – Ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана в погребе.

- Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по маслу!

- И то, родимый!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся, залез на полати и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя далее начнется, а теперь пока вся.

Вопросы:

1. Для чего Лутонюшка отправился по свету бродить?
2. Какие глупые поступки совершали герои встретившиеся ему?
3. Как оценил он их поступки и чему научил их?

Сказки про детей

Снегурушка и лиса

Жил старик со старухой, у них была внучка Снегурушка. Собрались ее подружки идти в лес по ягоды, и пришли ее звать с собой. Старики долго не соглашались, но после многих просьб отпустились Снегурушку и приказали ей не отставать от подруг. Ходя по лесу и собирая ягоды, деревцо за деревцо, кустик за кустик, Снегурушка отстала от подруг. Они аукали ее, аукали, но Снегурушка не слыхала. Уж стало темно, подружки пошли домой. Снегурушка, видя, что она осталась одна, влезла на дерево, слала горько плакать, припеваючи: -«Ау, ау, Снегурушка; ау, ау, голубушка! У дедки, у бабки была внучка Снегурушка; ее девки в лес заманули, заманувши покинули».

Идет медведь и спрашивает:

-«О чем ты, Снегурушка, плачет?»

- «Как мне, батюшка - медведюшка, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка; меня девки в лес заманули, заманувши покинули».

– «Сойди, я тебя отнесу».

– «Нет, я тебя боюсь, ты меня съешь!»

Медведь ушел от нее. Она опять заплакала, припеваючи: -«Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка!..»

Идет волк, спрашивает:

-«О чем ты, Снегурушка, плачешь?»

Она отвечает ему то же, что и медведю.

- «Сойди, я тебя отнесу».

– «Нет, я тебя боюсь, ты меня съешь!»

Волк ушел, а Снегурушка опять заплакала припеваючи:- «Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка!..»

Идет лисица, спрашивает:

-«Что ты, Снегурушка, плачешь?»

- «Как мне, лисонька, не плакать! Меня девки в лес заманули, заманувши покинули».

– «Сойди, я тебя отнесу».

Снегурушка сошла, села на спину к лисице, и та помчалась с нею; прибежала к дому и стала хвостом стучаться в калитку.

-«Кто там?»

Лисица отвечает, что она принесла к старику и старухе их внучку Снегурушку.

- «Ах, ты наша дорогая, такая-сякая, немазаная! Войди к нам в избу. Где нам тебя посадить и чем угостить?»

Принесли молока, яиц, творогу и стали лисицу потчевать за ее услугу. А лисица просит, чтоб в награду дали ей курицу и пустили бы ее в поле. Старики простились с лисицею, посадили в один мешок курицу, а в другой собаку и понесли за нею на указанное место. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, выпустили собаку. Увидя собаку, лисица как припустит в лес – так и ушла.

Вопросы:

1. С кем Снегурочка отказалась идти и почему?

2. Какое отношение у вас вызывают герои этой сказки?

Сказки про детей

Мороз Иванович.

В одном доме жили две девочки – Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка.

Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень вам чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?»

Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать – да и тот надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальет; да еще и какая затейница: коли вода нечиста, так свернет лист бумаги,

наложит в нее угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальет в нее воды, а вода-то, знай, проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да еще рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер – день прошел.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на веревке, а веревка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

- Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведерко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за веревку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

- Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мною и пойдет!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху. Идет она дальше. Перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки: яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

- Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студеной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнет головой – от волос иней сыплется, духом дохнет – валит густой пар.

- А! – сказал он. – Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно ух я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

- Знаю я, зачем ты пришла, - говорит Мороз Иванович, - ты ведерко в мой студенец опустила; отдать тебе ведерко отдам, только ты мне за то три дня послужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, - прибавил Мороз Иванович, - мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звездочками; солнышко на них сияло, и все в доме

блестело, как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби белье полощут: и холодно, и ветер в лицо, и белье замерзает, колом стоит, а делать нечего – работают бедные люди.

- Ничего, - сказал Мороз Иванович, - только снегом пальцы потри, так и отойдут, не ознобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зеленая травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

- Вот ты говоришь, - сказала она, - что ты старик добрый, а зачем ты зеленую травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

- Не выпускаю потому, что еще не время; еще трава в силу не вошла. Осенью крестьяне ее посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы ее захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да еще сам прилег на нее, чтобы снег ветром не разнесло; а вот придет весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выгнет и зерно, а зерно крестьянин соберет да на мельницу отвезет; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечешь.

- Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, - сказала Рукодельница, - зачем ты в колодце-то сидишь?

- Я затем в колодце сижу, что весна подходит, - сказал Мороз Иванович, - мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студеная, хоть посреди самого жаркого лета.

- А зачем ты, Мороз Иванович, - спросила Рукодельница, - зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься?

- А я затем в окошки стучусь, - отвечал Мороз Иванович, - чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить – истопят, а трубу закрыть – не закроют, или и закрыть закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем еще я в окошко стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки, да и дров купить не на что; вот затем я в окошко стучусь, чтоб им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лег почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем все в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и белье выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

- Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделие деньги получают, так вот тебе твое ведерко, а в ведерко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того, вот тебе на память брильянтик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколотла брильянтик, взяла ведерко, пошла опять к колодцу, ухватилась за веревку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидев ее, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку – кукареки!

У Рукодельницы в ведерке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом промолвила:

- Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделие получают! Пойди к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да белье штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старичку работать. Но пяточки ей получить хотелось и брильянтовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за веревку, да и бух прямо ко дну. Смотрит – перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

- Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мною и пойдет!

А Ленивица ему в ответ:

- Да, как бы не так! Мне себя утомлять – лопатку поднимать, да в печку тянуться; захочешь – сам выскочишь.

Идет она далее, перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки: яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

- Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студеной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

- Да, как бы не так! – отвечала Ленивица. – Мне себя утомлять – ручки поднимать, за сучья тянуть.... Успею набрать, как сами попадают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

- Что тебе надобно, девочка? – спросил он.

- Пришла я к тебе, - отвечала Ленивица, - послужить да за работу получить.

- Дельно ты сказала, девочка, - отвечал старик, - за работу деньга следует, только посмотрим, какова еще твоя работа будет. Пойди-ка взбей

мою перину, а потом кушанье изготвь, да платье мое повычини, да белье повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснет».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лег в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень ей было посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас – все по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрешила, да, чтоб большого труда себе не давать, как все было мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да еще кваску подлила, а сама думает:

«Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке все вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертцы не подостлала.

Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

- Хорошо ты готовишь, - заметил он, улыбаясь.- Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тот час и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики обликала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лег отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено да белье не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и белье разбирать; да и тут беда: платье и белье Ленивица нашивала, а как его шьют, о том не спрашивала: взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал, да еще спать ее уложил.

А Ленивице то и любо, думает себе:

«Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича ее домой отпустить да за работу наградить.

- Да какая же была твоя работа? – спросил старичок. – Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

- Да как же! - отвечала Ленивица. – Я ведь у тебя целых три дня жила.

- Знаешь, голубушка, - отвечал старичок, - что я тебе скажу: жить и служить – разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперед и пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку – пребольшой брильянт.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

- Вот, - говорит, - что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький брильянтик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжелый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; в то же время начал таять и брильянт. А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку – кукарекулька,

У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детишки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленьи.

Вопросы:

1. *Почему одну девочку звали Рукодельница, а другую Ленивица?*
2. *Как действовали Рукодельница и Ленивица на пути к Морозу Ивановичу?*
3. *Почему Мороз Иванович по-разному наградил девочек?*
4. *Кто из девочек вам нравится больше и почему?*

Сказки про детей

Смоляной бычок.

Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Танюшка. Сидели они один раз у своего дома, а мимо пастух стадо коров гонит. Коровы всякие: и рыжие, и пестрые, и черные, и белые. А с одной коровой рядом бежал бычок – черненький, маленький. Где припрыгнет, где прискачет. Очень хороший бычок.

Танюшка и говорит:

- Вот бы нам такого теленочка.

Дед думал-думал и придумал: достану для Танюшки теленочка. А где достанет - не сказал.

Вот настала ночь. Бабка легла спать. Танюшка легла спать, кошка легла спать, собака легла спать, куры легли спать, только дедушка не лег. Собрался потихоньку, пошел в лес.

Пришел в лес, наковырял с елок смолы, набрал полное ведро и вернулся домой.

Бабка спит, Танюшка спит, кошка спит, собака спит, куры тоже уснули, один дедушка не спит – теленочка делает. Взял он соломы, сделал из соломы бычка. Взял четыре палки, сделал ноги. Потом приделал головку, рожки, а потом всего смолой вымазал, и вышел у дедушки смоляной бычок, черный бочок. Посмотрел дедушка на бычка – хороший бычок. Только чего-то у него не хватает. Чего же это у него не хватает? Стал дедушка рассматривать – рожки есть, ножки есть, а вот хвоста-то нет! Взял дедушка веревочку, приладил и хвост. Только успел хвост приладить – глядь!- смоляной бычок сам в сарай побежал.

Встали утром Танюшка с бабушкой, вышли во двор, а по двору гуляет смоляной бычок, черный бочок. Обрадовалась Танюшка, нарвала травы,

стала смоляного бычка кормить. А потом повела бычка пасти. Пригнала на крутой бережок, на зеленый лужок, за веревочку привязала, а сама домой пошла. А бычок траву ест, хвостиком размахивает.

Вот выходит из лесу Мишка-медведь. Постоял, постоял, посмотрел туда-сюда – увидел бычка. Стоит бычок к лесу задом, не шелохнется, только шкурка на солнышке блестит.

«Ишь, жирный какой,- думает Мишка-медведь,- съем бычка»

Вот медведь бочком, бочком к бычку подобрался, схватил бычка... да и прилип. А бычок хвостиком взмахнул и пошел домой. «Топ-топ!..» Испугался медведь и просит:

- Смоляной бычок, соломенный бочок, отпусти меня в лес!

А бычок шагает, медведя за собой тащит.

А на крылечке и дедушка, и бабушка, и Танюшка сидят, бычка встречают. Смотрят, а он медведя привел.

- Вот так бычок! – говорит дедушка. – Смотри, какого здоровенного медведя привел. Сошью теперь себе медвежью шубу.

Испугался медведь и просит:

- Дедушка, бабушка, внучка Танюшка, не губите меня, отпустите меня, я вам за это из леса меду принесу.

Выпростал дедушка медвежьи лапы из бычковой спины. Бросился медведь в лес, только его и видели.

Вот на другой день Танюшка опять погнала бычка пасться. Бычок траву ест, хвостиком помахивает. Вот выходит из лесу волчище -серый хвостище. Кругом осмотрелся – увидал бычка. Подкрался волк, зубами щелк, да и вцепился бычку в бок, вцепился да и завяз в смоле. Волк туда, волк сюда, волк и так и этак. Не вырваться серому. Вот и стал он просить бычка:

- Быченька - бычок, смоляной бочок! Отпусти меня в лес!

А бычок будто не слышит, повернулся и идет домой. «Топ-топ!» - и пришел.

Увидел старик волка и говорит:

- Эй! Вот кого сегодня бычок привел! Будет у меня волчья шуба.

Испугался волк: - Ой, старичок, отпусти меня в лес, я тебе за это мешок орехов принесу.

Выпростал дедушка волка – только того и видели.

И назавтра бычок пошел пасться. Ходит по лужку, травку ест, хвостиком мух отгоняет. Вдруг выскочил из лесу зайчик - побегайчик. Смотрит на бычка – удивляется: что это за бычок здесь гуляет? Подбежал к нему, тронул лапкой – и прилип.

-Ай, ай, ай! – заплакал зайчик - побегайчик.

А бычок «топ-топ» - привел его домой.

- Вот молодец, бычок! – говорит дедушка.- Сошью теперь Танюшке рукавички заячьи.

А зайнька просит:

- отпустите меня. Я вам капустки принесу да ленточку красную для Танюшки.

Выпростал старик зайчишкину лапку. Ускакал зайнька.

Вот под вечер сели дедушка, да бабушка, да внучка Танюшка на крыльчке – глядят: бежит медведь к ним на двор, несет целый улей меду – вот вам!

Не успели мед взять, как бежит серый волк, несет мешок орехов – пожалуйте!

Не успели орехи взять, как бежит зайныка – кочан капусты несет да ленточку красную для Танюшки – возьмите скорее! Никто не обманул.

Вопросы:

1. *Расскажите, как дедушка делал бычка?*
2. *Кто прилип к бычку?*
3. *Что принесли звери дедушке из леса?*
4. *Почему они принесли подарки?*

Сказки про животных

Лисичка со скалочкой

Шла лисичка по дорожке, нашла скалочку. Подняла ее и прошла дальше. Пришла в деревню и стучится в избу:

- Стук-стук-стук!

- Кто там?

- Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!

- У нас и без тебя тесно.

- Да я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку.

Ее пустили.

Вот она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку положила под печку. Рано поутру, лисичка встала, сожгла свою скалочку, а потом и спрашивает:

- Где же моя скалочка? Давайте мне за нее курочку!

Мужик – делать нечего! – отдал ей за скалочку курочку.

Взяла лиса курочку, идет и поет:

- Шла лисичка по дорожке,

Нашла скалочку,

За скалочку взяла курочку!

Пришла она в другую деревню:

- Стук-стук-стук!

- Кто там?

- Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать.

- У нас и без тебя тесно.

- Да я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, курочку под печку.

Ее пустили. Лисичка легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, курочку посадила под печку.

Рано утром лисичка встала, схватила курочку, съела, а после и говорит:

- Где же моя курочка? Давайте мне за нее гусочку!

Ничего не поделаешь, пришлось хозяину отдать ей за курочку гусочку. Взяла она гусочку, идет и поет:

- Шла лисичка по дорожке,
Нашла скалочку,
За скалочку взяла курочку,
За курочку взяла гусочку!
Пришла под вечер в третью деревню:
- Стук-стук-стук!
- Кто там?
- Я, лисичка-сестричка! Пустите переночевать!
- Да у нас и без тебя тесно.
- А я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку.

Ее пустили. Вот она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку посадила под печку. Утром, чуть свет, лисичка вскочила, схватила гусочку, съела, да и говорит:

- А где же моя гусочка? Давайте мне за нее девочку!

А мужику девочку жалко отдавать. Посадил он в мешок большую собаку и отдал лисе:

- Бери, лиса, девочку!

Вот взяла лиса мешок, вышла на дорогу и говорит:

- Девочка, пой песни!

А собака в мешке как зарычит! Лисичка испугалась, бросила мешок – да бежать... Собака выскочила – и за ней! Лиса от собаки бежала-бежала да под пенек в нору юркнула. Сидит там и говорит:

- Ушки мой, ушки, что вы делали?

- Мы все слушали да слушали, чтобы собака лисоньку не скушала.

- Ножки мой, ножки, что вы делали?

- Мы все бежали да бежали, что бы собака лисоньку не поймала.

- Глазка мой, глазки, что вы делали?

- Мы все глядели да глядели, что бы собака лисоньку не съела.

- А ты, хвостик, что делал?

- А я все тебе мешал бежать, за пеньки, да за сучки цеплялся.

- А ты все мешал! Ну, стой же, вот я тебя! – И высунула хвост из норы: - Ешь его, собака!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

Вопросы:

1. Какие поступки совершала лиса?

2. Какой была лиса в этой сказке?

3. Чем закончилась сказка и почему?

4. Чему научила вас эта сказка?

Сказки про животных

Жихарка

Далеко – далеко в лесах дремучих стояла избушка малая. А в избушке той жил кот, воробей да человек маленький – удалец-молодец Жихарка.

Кот с воробьем на охоту ходили, а Жихарка оставался домовничать: избу подметал, обед варил, стол накрывал, воробья с котом поджидал.

Прослышала лиса, что Жихарка в доме один хозяйничает. Давно

хотелось ей Жихаркиного мясца ответить. Стала следить она за котом и воробьем. Кот и воробей, когда на охоту уходили, крепко Жихарке наказывали двери запирать. Запирал Жихарка, запирал, а один раз и забыл...

Справил Жихарка все дела, вдруг слышит по лестнице «топ-топ-топ» Лиса идет! Испугался он, со скамейки соскочил, под печку залез и в уголок забился. Подбежала лисичка к печке, лапку в подпечье запустила, Жихарку вытащила, на спину перекинула – да домой.

У как принесла Жихарку в свою избу, скорее бросилась печь топить: побыстрее хочет Жихарку зажарить. Как истопилась печка, взяла лиса лопату и говорит Жихарке:

- Садись на лопату!

А Жихарка хоть и маленький, да удаленький: на лопату сел, ручки, ножки растопырил – в печку-то и нейдет.

- Не так сидишь, - говорит лиса.

- А я по-другому не умею, - говорит Жихарка. – Ты мне, тетенька, покажи, как надо!

Прыгнула лиса на лопату, клубочком свернулась, лапки подобрала, хвостиком укрылась.

А Жихарке только того и надо было!

Он ее в печь скорее, да заслонкой-то и закрыл! А сам со всех ног домой побежал.

А дома уже кот с воробьем горюют. Только вдруг по лесенке, по частым ступенькам, - тук-тук-тук. Жихарка бежит, громко кричит:

- Вот он я!

Обрадовались кот да воробей! С лавки соскочили, ну Жихарку обнимать. За ручки его схватили, по избушке закружили. Уж сколько радости тут было!

Вопросы:

1. Какие отношения были между Жихаркой и воробьем?
2. Охарактеризуйте каждого героя этой сказки?
3. Часто ли вы совершаете такие поступки?

Сказки про животных

Кот, петух и лиса.

Жили-были Петушок и Котик.

Ушел Котик однажды в лес, а Петушку строго наказал:

- Не выглядывай в окошко, а то Лиса утащит.

Ушел Кот, а Лиса пришла и запела:

- Петушок, Петушок,

Золотой гребешок,

Выгляни в окошко,

Дам тебе горошку.

Не стерпел Петушок – выглянул.

Схватила его Лиса, а он как закричит:

- Кот, братик,

Несет меня Лиса

За темные леса!

Спаси меня!

Котик недалеко был, услышал он Петушка, прибежал и отнял у Лисы.
На другой день Кот опять ушел. А Лиса тут как тут.

- Петушок, Петушок,

Золотой гребешок,

Выгляни в окошко,

Дам тебе горошку.

Высунул голову Петушок, Лиса его схватила, он снова закричал:

- Несет меня Лиса

За темные леса,

За высокую гору,

В темную нору.

Услышал Котик, подоспел, у Лисы Петуха отнял.

а третий день Котик говорит:

- Я сегодня далеко уйду, не услышу тебя. Не выглядывай в окошко!

Ушел Кот, а Лиса уже под окошком:

- Петушок, Петушок,

Золотой гребешок,

Выгляни в окошко,

Дам тебе горошку.

Долго крепился Петушок, но не выдержал – выглянул. Лиса его и унесла.

Вернулся Кот, а Петушка нет, как нет. Погоревал он и пошел братика выручать.

Подошел он к Лисицыной избушке, стал играть на гусях и петь песню. Лиса заслушалась, а Петушок от радости закричал «кукареку!».

Подхватил Кот Петуха да бегом домой.

Вопросы:

1. Почему петух попал в трудную ситуацию?

2. Спойте песенку Лисы и Петушка.

3. Часто ли приходите на выручку своим друзьям?

Сказки про животных

Бобовое зернышко.

Жили -были петушок и курочка. Петушок все торопился, все торопился, а курочка знай себе приговаривает:

- Петя, не торопись. Петя, не торопись.

Клевал как – то петушок бобовые зернышки да второпях и подавился. Подавился, не дышит, не слышит, словно мертвый лежит.

Перепугалась курочка, бросилась к хозяйке, кричит:

- Ох, хозяйюшка, дай скорей маслица, петушку горлышко смазать: подавился петушок бобовым зернышком.

- Беги скорей к коровушке, проси у нее молока, а я уже собью маслица.

Бросилась курочка к корове:

- Коровушка, голубушка, дай скорей молока, из молока хозяйюшка собьет маслица, маслицем смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зернышком.

- Ступай скорей к хозяину. Пусть он принесет мне свежей травы.

Бежит курочка к хозяину:

- Хозяин, хозяин! Дай скорей коровушке свежей травы, коровушка даст молочка, из молочка хозяйюшка собьет маслица, маслицем я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зернышком.

- Беги скорей к кузнецу за косой.

Со всех ног бросилась курочка к кузнецу:

- Кузнец, кузнец, дай скорей хозяину хорошую косу. Хозяин даст коровушке травы, коровушка даст молока, хозяйюшка даст мне маслица, я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зернышком.

Кузнец дал хозяину новую косу, хозяин дал коровушке свежей травы, коровушка дала молока, хозяйюшка сбила масла, дала маслица курочке.

Смазала курочка петушку горлышко. Бобовое зернышко проскочило. Петушок вскочил и во все горло закричал: «Ку-ка-ре-ку!».

Вопросы:

1. Как Курочка помогла Петушку?

2. К кому она обращалась за помощью?

3. Какую пословицу можно подобрать к этой сказке

Сказки про животных

Лиса и волк.

Жили себе дед да баба. Дед и говорит бабе:

- Та, баба, пеки пироги, а я запрягу сани, поеду за рыбой.

Наловил дед рыбы полный воз. Едет домой и видит: лисичка свернулась калачиком, лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошел, а лисичка не ворохнетя, лежит как мертвая.

- Вот славная находка! Будет моей старухе воротник на шубу.

Взял дед лису, и положим на воз, а сам пошел впереди.

А лисица улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Пovyбросила всю рыбу и сама потихоньку ушла.

Дед приехал домой и зовет бабу:

- Ну, старуха, знатный воротник привез тебе я на шубу!

Подошла баба к возу: нет на возу ни воротники, ни рыбы. И начала она старика ругать:

- Ах, ты такой-сякой, еще вздумал меня обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да что ты будешь делать!

А лисица тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, села и ест.

Приходит к ней волк:

- Здравствуй, кумушка, хлеб да соль...

- Я ем свое, а ты подальше стой.

- Дай мне рыбки.

- Налови сам, да и ешь.

- Да я не умею.

- Эка! Ведь я же наловила. Ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди и приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика!» Так рыба тебя сама за хвост будет хватать. Как подольше посидишь, так больше наудишь.

Пошел волк на реку, опустил хвост в прорубь, сидит и приговаривает:

- Ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика!

А лисица ходит около волка и приговаривает:

- Ясни, ясни на небе звезды, мерзни, мерзни волчий хвост!

Волк спрашивает лису:

- Что ты, кума, все говоришь

- А я тебе помогаю, рыбку на хвост нагоняю.

А сама опять:

- Ясни, ясни на небе звезды, мерзни, мерзни волчий хвост!

Сидел волк целую ночь у проруби, хвост у него и приморозило. Под утро хотел подняться – не тут-то было. Он и думает: «Эка, сколько рыбы привалило – и не вытащить!»

В это время идет баба с ведрами за водой. Увидела волка и закричала:

- Волк, волк! Бейте его!

Волю – туда-сюда, не может вытащить хвост. Баба бросила ведра и давай его бить коромыслом. Била-била, волк рвался-рвался, оторвал себе хвост и пустился наутек.

«Хорошо же, - думает, - ужо я отплачу тебе, кума!»

А лисичка забралась в избу, где жила эта баба, наелась из квашни теста, голову себе тестом вымазала, выбежала на дорогу, упала и лежит – стонет.

Волк ей навстречу:

- Так вот как ты учишь, кума, рыбу ловить! Смотри, меня всего скололи...

Лиса ему говорит:

- Эх, куманек! У тебя хвоста нет, зато голова цела, а мне голову развили. Смотри: мозг выступил, насили плетусь.

- И то правда, - говорит ей волк. – Где тебе, кума, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Села лисица волку на спину. Он ее и повез.

Вот лисица едет на волке и потихоньку поет:

- Битый небитого везет, битый небитого везет!

- Ты чего, кума, все говоришь?

- Я, куманек, твою боль заговариваю.

И сама опять:

- Битый небитого везет, битый небитого везет!

Вопросы:

1. Какую хитрость проявила Лиса?

2. Как вы объясните выражение «битый небитого везет»?

Павел Петрович Бажов

Медной горы хозяйка

Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За северушкой где-то. День праздничный был, и жарко — страсть. Парун чистый. А оба в горе робыли, на Гумешках то есть. Малахит-руду добывали, лазоревку тоже. Ну, когда и королек с витком попадали и там протча, что подойдет.

Один-то молодой парень был, неженатик, а уж в глазах зеленью отливать стало. Другой постарше. Этот и вовсе изробленный. В глазах зелено, и щеки будто зеленью подернулись. И кашлял завсе тот человек.

В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух легкий. Их, слышь-ко, и разморило. Дошли до Красногорского рудника. Там тогда железну руду добывали. Легли, значит, наши-то на травку под рябиной, да сразу и уснули. Только вдруг молодой,— ровно его кто под бок толкнул,— проснулся. Смотрит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спиной к парню, а по косе видать — девка. Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо — на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Одним словом, артуть-девка. Слышать — лопочет что-то, а по-каковски — неизвестно, и с кем говорит — не видно. Только смешком все. Весело, видно, ей.

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло.

— Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка! Ее одежда-то. Как я сразу не приметил? Отвела глаза косою-то своей.

А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь.

Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить.

«Вот,— думает парень,— беда! Как бы только ноги унести, пока не заметила». От стариков он, вишь, слышал, что Хозяйка эта — малахитница-то — любит над человеком мудровать.

Только подумал так-то, она и оглянулась. Весело на парня глядит, зубы скалит и говорит шуткой:

— Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-от ведь деньги берут. Иди-ка поближе. Поговорим маленько.

Парень испужался, конечно, а виду не оказывает. Крепитя. Хоть она и тайна сила, а все-таки девка. Ну, а он парень — ему, значит, и стыдно перед девкой обробеть.

— Некогда,— говорит,— мне разговаривать. Без того проспали, а траву смотреть пошли.

Она посмеивается, а потом и говорит:

— Будет тебе наигрыш вести. Иди, говорю, дело есть.

Ну, парень видит — делать нечего. Пошел к ней, а она рукой маячит, обойди-де руду-то с другой стороны. Он и обошел и видит — ящерок тут несчисленно. И все, слышь-ко, разные. Одни, например, зеленые, другие голубые, которые в синь впадают, а то как глина либо песок с золотыми крапинками. Одни, как стекло либо слюда, блестят, а другие, как трава поблеклая, а которые опять узорами изукрашены.

Девка смеется.

— Не расступи,— говорит,— мое войско, Степан Петрович. Ты вон какой большой да тяжелый, а они у меня маленьки.— А сама ладошками схлопала, ящерки и разбежались, дорогу дали.

Вот подошел парень поближе, остановился, а она опять в ладошки схлопала, да и говорит, и все смехом:

— Теперь тебе ступить некуда. Раздавишь мою слугу — беда будет.

Он поглядел под ноги, а там и земли незнатко. Все ящерики-то сбились в одно место, — как пол узорчатый под ногами стал. Глядит Степан — батюшки, да ведь это руда медная. Всяких сортов и хорошо отшлифована. И слюдка тут же, и обманка, и блески всякие, кои на малахит походят.

— Ну, теперь признал меня, Степанушко? — спрашивает малахитница, а сама хохочет-заливается. Потом, мало погодя, и говорит:

— Ты не пужайся. Худого тебе не сделаю.

Парню забедно стало, что девка над ним насмехается, еще слова такие говорит. Сильно он осердился, закричал даже:

— Кого мне бояться, коли я в горе роблю!

— Вот и ладно, — отвечает малахитница. — Мне как раз такого и надо, который никого не боится. Завтра, как в гору пускаться, будет тут ваш заводской приказчик, ты ему и скажи, да, смотри, не забудь слов-то:

«Хозяйка, мол, Медной горы заказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Ежели еще будешь эту мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда спущу, что никак ее не добыть».

Сказала это и прищурилась:

— Понял ли, Степанушко? В горе, говоришь, робишь, никого не боишься? Вот и скажи приказчику, как я велела, теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори. Изробленный он человек, что его тревожить да в это дело впутывать. И так вон лазоревке сказала, чтоб она ему маленько пособила. И опять похлопала в ладошки, и все ящерики разбежались. Сама тоже на ноги вскочила, прихватила рукой за камень, подскочила и тоже, как ящерица, побежала по камню-то. Вместо рук-ног — лапы у нее зеленые стали, хвост высунулся, по хребтине до половины черная полоска, голова человечья. Забежала на вершину, оглянувшись говорит:

— Не забудь, Степанушко, как я говорила. Велела, мол, тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Сделаешь по-моему, замуж за тебя выйду! Парень даже сплюнул в горячах.

— Тьфу ты, погань какая! Чтоб я на ящерице женился. А она видит, как он плюется, и хохочет.

— Ладно, — кричит, — потом поговорим. Может, и надумаешь?

И сейчас же за горку, только хвост зеленый мелькнул.

Парень остался один. На руднике тихо. Слышно только, как за грудкой руды другой-то похрапывает. Разбудил его. Сходили на свои покосы, посмотрели траву, к вечеру домой воротились, а у Степана одно на уме: как ему быть? Сказать приказчику такие слова — дело не малое, а он еще, — верно, — душной был — гниль какая-то в нутре у него, сказывают, была. Не сказать — тоже боязно. Она ведь Хозяйка. Какую хошь руду может в обманку перекинуть. Выполняй тогда уроки-то. А хуже того, стыдно перед девкой хвастуном себя оказать.

Думал-думал, насмелился:

— Была не была, сделаю, как она велела.

На другой день поутру, как у спускового барабана народ собрался,

приказчик заводской подошел. Все, конечно, шапки сняли, молчат, а Степан подходит и говорит:

— Видел я вечер Хозяйку Медной горы, и заказывала она тебе сказать. Велит она тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Ежели ты ей эту железную шапку спортишь, так она всю медь на Гумешках туда спустит, что никому не добыть.

У приказчика даже усы затряслись.

— Ты что это? Пьяный али ума решился? Какая хозяйка! Кому ты такие слова говоришь? Да я тебя в горе сгною!

— Воля твоя,— говорит Степан,— а только так мне велено.

— Выпороть его,— кричит приказчик,— да спустить в гору и в забое приковать! А чтобы не издох, давать ему собачьей овсянки и уроки спрашивать без поблажки. Чуть что — драть нещадно!

Ну, конечно, выпороли парня и в гору. Надзиратель руднишный,— тоже собака не последняя,— отвел ему забой — хуже некуда. И мокро тут, и руды доброй нет, давно бы бросить надо. Тут и приковали Степана на длинную цепь, чтобы, значит, работать можно было. Известно, какое время было, крепость. Всяко галились над человеком. Надзиратель еще и говорит:

— Прохладись тут маленько. А уроку с тебя будет чистым малахитом столько-то,— и назначил вовсе несообразно.

Делать нечего. Как отошел надзиратель, стал Степан каелкой помахивать, а парень все-таки проворный был. Глядит— ладно ведь. Так малахит и сыплется, ровно кто его руками подбрасывает. И вода куда-то ушла из забоя. Сухо стало.

«Вот,— думает,— хорошо-то. Вспомнила, видно, обо мне Хозяйка».

Только подумал, вдруг звосияло. Глядит, а Хозяйка тут, перед ним.

— Молодец,— говорит,— Степан Петрович. Можно чести приписать. Не испужался душного козла. Хорошо ему сказал. Пойдем, видно, мое приданое смотреть. Я тоже от своего слова не отпорна.

А сама принахмурилась, ровно ей это нехорошо. Схлопала в ладошки, ящерики набежали, со Степана цепь сняли, а Хозяйка им распорядок дала:

— Урок тут наломайте вдвое. И чтобы на отбор малахит был, шелкового сорту.— Потом Степану говорит: — Ну, женишок, пойдем смотреть мое приданое.

И вот пошли. Она впереди, Степан за ней. Куда она идет — все ей открыто. Как комнаты большие под землей стали, а стены у них разные. То все зеленые, то желтые с золотыми крапинками. На которых опять цветы медные. Синие тоже есть, лазоревые. Одним словом, изукрашено, что и сказать нельзя. И платье на ней — на Хозяйке-то — меняется. То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной осыпью засверкает, либо скрасна-медным станет, потом опять шелком зеленым отливает. Идут-идут, остановилась она.

— Дальше,— говорит,— на многие версты желтяки да серяки с крапинкой пойдут. Что их смотреть? А это вот под самой Красногоркой мы. Тут у меня после Гумешек самое дорогое место.

И видит Степан огромную комнату, а в ней постели, столы,

табуреточки — все из королевской меди. Стены малахитовые с алмазом, а потолок темно-красный под чернетью, а на нем цветки медны.

— Посидим,— говорит,— тут, поговорим. Сели это они на табуреточки, малахитница и спрашивает:

— Видал мое приданое?

— Видал,— говорит Степан.

— Ну, как теперь насчет женитьбы?

А Степан и не знает, как отвечать. У него, слышь-ко, невеста была. Хорошая девушка, сиротка одна. Ну, конечно, против малахитницы где же ей красотой равняться! Простой человек, обыкновенный. Помялся-помялся Степан, да и говорит:

— Приданое у тебя царям впору, а я человек рабочий, простой.

— Ты,— говорит,— друг любезный, не вихляйся. Прямо говори, берешь меня замуж али нет? — И сама вовсе принахмурилась.

Ну, Степан и ответил напрямки:

— Не могу, потому другой обещался.

Молвил так-то и думает: огневается теперь. А она вроде обрадовалась.

— Молодец,— говорит,— Степанушко. За приказчика тебя похвалила, а за это вдвое похвалю. Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменную девку.— А у парня, верно, невесту-то Настей звали.— Вот,— говорит,— тебе подарочек для твоей невесты,—и подает большую малахитовую шкатулку. А там, слышь-ко, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча, что даже не у всякой богатой невесты бывает.

— Как же,— спрашивает парень,— я с эким местом наверх подымусь?

— Об этом не печалься. Все будет устроено, и от приказчика тебя вызволю и жить безбедно будешь со своей молодой женой, только вот тебе мой сказ — обо мне, чур, потом не вспоминай. Это третье тебе мое испытание будет. А теперь давай поешь маленько.

Схлопала опять в ладошки, набежали ящери — полон стол установили. Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и протчим, что по русскому обряду полагается. Потом и говорит:

— Ну, прощай, Степан Петрович, смотри не вспоминай обо мне.— А у самой слезы. Она это руку подставила, а слезы кап-кап и на руке зернышками застывают. Полнехонька горсть.— На-ка вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают. Богатый будешь.— И подает ему.

Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая и трясется маленько.

Степан принял камешки, поклонился низко и спрашивает:

— Куда мне идти? — А сам тоже невеселый стал. Она указала перстом, перед ним и открылся ход, как штольня, и светло в ней, как днем. Пошел Степан по этой штольне,— опять всяких земельных богатств нагледелся и пришел как раз к своему забою. Пришел, штольня и закрылась, и все стало по-старому. Ящерица прибежала, цепь ему на ногу приладила, а шкатулка с подарками вдруг маленькая стала, Степан и спрятал ее за пазуху. Вскоре надзиратель руднишный подошел. Посмеяться ладил, а видит — у Степана по-верх урока наворочено, и малахит отбор, сорт сортом. «Что,— думает,— за

штука! Откуда это?» Полез в забой, осмотрел все, да и говорит:

— В эком-то забое всяк сколь хошь наломает.— И повел Степана в другой забой, а в этот своего племянника поставил.

На другой день стал Степан работать, а малахит так и отлетает, да еще королек с витком попадать стали, а у того — у племянника-то,— скажи на милость, ничего доброго нет, все обальчик да обманка идет. Тут надзиратель и сметил дело. Побежал к приказчику. Так и так.

— Не иначе,— говорит,— Степан душу нечистой силе продал.

Приказчик на это и говорит:

— Это его дело, кому он душу продал, а нам свою выгоду поиметь надо. Пообещай ему, что на волю выпустим, пушай только малахитовую глыбу во сто пуд найдет.

Велел все-таки приказчик расковать Степана и приказ такой дал — на Красногорке работы прекратить.

— Кто,— говорит,— его знает? Может, этот дурак от ума тогда говорил. Да и руда там с медью пошла, только чугуна порча.

Надзиратель объявил Степану, что от его требуется, а тот ответил:

— Кто от воли откажется? Буду стараться, а найду ли — это уж как счастье мое подойдет.

Вскорости нашел им Степан глыбу такую. Выволокли ее наверх. Гордятся — вот-де мы какие, а Степану воли не дали. О глыбе написали барину, тот и приехал из самого, слышь-ко, Сам-Петербурху. Узнал, как дело было, и зовет к себе Степана.

— Вот что,— говорит,— даю тебе свое дворянское слово отпустить тебя на волю, ежели ты мне найдешь такие малахитовые камни, чтобы, значит, из них вырубить столбы не меньше пяти сажен длиной.

Степан отвечает:

— Меня уж раз оплели. Ученый я ноне. Сперва вольную пиши, потом стараться буду, а что выйдет — увидим.

Барин, конечно, закричал, ногами затопал, а Степан одно свое:

— Чуть было не забыл — невесте моей тоже вольную пропиши, а то что это за порядок — сам буду вольный, а жена в крепости.

Барин видит — парень не мягкий. Написал ему актовую бумагу.

— На,— говорит,— только старайся смотри. А Степан все свое:

— Это уж как счастье поищет.

Нашел, конечно, Степан. Что ему, коли он все нутро горы вызнал и сама Хозяйка ему пособляла. Вырубили из этой малахитины столбы, какие им надо, выволокли наверх, и барин их на приклад в самую главную церкву в Сам-Петербурхе отправил. А глыба та, которую Степан сперва нашел, и посеишас в нашем городе, говорят. Как редкость ее берегут.

С той поры Степан на волю вышел, а в Гумешках после того все богатство ровно пропало, много-много лазоревка идет, а больше обманка. О корольке с витком и слыхом не слыхать стало, и малахит ушел, вода долить стала. Так с той поры Гумешки на убыль и пошли, а потом их и вовсе затопило. Говорили, что это Хозяйка огневалась за столбы-то, слышь-ко, что их в церкву поставили. А ей это вовсе ни к чему.

Степан тоже счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завел, дом

обстроил, все как следует. Жить бы ровно да радоваться, а он невеселый стал и здоровьем хезнул. Так на глазах и таял.

Хворый-то придумал дробовичок завести и на охоту повадился. И все, слышь-ко, к Красногорскому руднику ходит, а добычи домой не носит. В осенях ушел так-то, да и с концом. Вот его нет, вот его нет... Куда девался? Сбили, конечно, народ, давай искать. А он, слышь-ко, на руднике у высокого камня мертвый лежит, ровно улыбается, и ружьишечко у него тут же в сторонке валяется, не стрелено из него. Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зеленую видели, да такую большую, каких и вовсе в наших местах не бывало. Сидит будто над покойником, голову подняла, а слезы у ей так и каплют. Как люди ближе подбежали— она на камень, только ее и видели. А как покойника домой привезли да обмывать стали — глядят: у него одна рука накрепко зажата, и чуть видно из нее зернышки зелененькие. Полнехонька горсть. Тут один знающий случился, поглядел сбоку на зернышки и говорит:

— Да ведь это медный изумруд! Редкостный камень, дорогой. Целое богатство тебе, Настасья, осталось. Откуда только у него эти камешки?

Настасья — жена-то его — объясняет, что никогда покойник ни про какие такие камешки не говаривал. Шкатулку вот дарил ей, когда еще женихом был. Большую шкатулку, малахитову. Много в ей добренького, а таких камешков нету. Не видывала.

Стали те камешки из мертвой Степановой руки доставать, а они и рассыпались в пыль. Так и не дознались в ту пору, откуда они у Степана были. Копались потом на Красногорке. Ну, руда и руда, бурая с медным блеском. Потом уж кто-то вызнал, что это у Степана слезы Хозяйки Медной горы были. Не продал их, слышь-ко никому, тайно от своих сохранял, с ними и смерть принял. А?

Вот она, значит, какая Медной горы Хозяйка! Худому с ней встретиться — горе, и доброму — радости мало.

Вопросы:

1. Назовите героев сказки?
2. Как описывается в сказке хозяйка медной горы?
3. Как по другому называли Хозяйку Медной горы?
5. В кого превращалась Хозяйка Медной горы?
6. Кто служил в войске Хозяйки Медной горы?
7. Опишите комнату Хозяйки Медной горы
8. Чем заманивала Хозяйка Степана?
9. Почему Степан отказался жениться на Хозяйке?
10. Какой подарок сделала Хозяйка Насте?
11. Где работал Степан и что добывал?
12. За что Степану дали вольную?
13. Во что превратились камни из малахитовой шкатулки и почему?
14. Какой по характеру был Степан?
15. Что означает вывод этой сказки?
16. Что вы почувствовали, когда прочитали эту сказку?
17. Какие поступки героев вызвали у вас положительные эмоции и отрицательные?

Синюшкин колодец

Жил в нашем заводе парень Илья. Вовсе бобылем остался — всю родню схоронил. И от всех ему наследство досталось.

От отца — руки да плечи, от матери — зубы да речи, от деда Игната — кайла да лопата, от бабки Лукерьи — особый поминок. Об этом и разговор сперва.

Она, видишь, эта бабка, хитрая была — по улицам перья собирала, подушку внучку готовила, да не успела. Как пришло время умирать, позвала бабка Лукерья внука и говорит:

— Гляди-ко, друг Илюшенька, сколь твоя бабка пера накопила! Чуть не полное решето! Да перышки какие! Одно к одному — мелконькие да пестренькие, глядеть любо! Прими в поминок — пригодится!

Как женишься да принесет жена подушку, тебе и не зазорно будет: не в диковинку-де мне — свои перышки есть, еще от бабки остались.

Только ты за этим не гонись, за подушкой-то! Принесет — ладно, не принесет — не тужи. Ходи веселенько, работай крутенько, и на сололке не худо поспишь, сладкий сон увидишь. Как худых думок в голове держать не станешь, так и все у тебя ладно пойдет, гладко покатится. И белый день взвеселит, и темна ноченька приголубит, и красное солнышко обрадует. Ну, а худые думки заведешь, тут хоть в пень головой — все немило станет.

— Про какие,— спрашивает Илья,— ты, бабушка, худые думки сказываешь?

— А это,— отвечает,— про деньги да про богатство. Хуже их нету. Человеку от таких думок одно расстройство да маета напрасная. Чисто да по совести и пера на подушку не наскрести, не то что богатство получить.

— Как же тогда,— спрашивает Илья,— про земельное богатство понимать? Неуж ни за что считаешь? Бывает ведь...

— Бывает-то бывает, только ненадежно дело: комочками приходит, пылью уходит, на человека тоску наводит. Про это и не думай, себя не беспокой! Из земельного богатства, сказывают, одно чисто да крепко. Это когда бабка Синюшка красной девкой обернется да сама своими рученьками человеку подаст. А дает Синюшка богатство гораздому да удалому, да простой душе. Больше никому. Вот ты и попомни, друг Илюшенька, этот мой последний наказ.

Поклонился тут Илья бабке:

— Спасибо тебе, бабка Лукерья, за перья, а пуще того за наставленье. Век его не забуду.

Вскорости умерла бабка... Остался Илюха один-одинешенек, сам большой, сам маленький. Тут, конечно, похоронные старушонки набежали, покойницу обмыть, обрядить, на погост проводить. Они — эти старушонки — тоже не от сладкого житья по покойникам бегают. Одно выпрашивают, другое выглядывают. Живо все бабкино обзаведенье по рукам расхватили. Воротился Илья с могильника, а в избе у него голым-гоলেখонько. Только то и есть, то сам сейчас на спицу повесил: зипун да шапка. Кто-то и бабкиным пером покорыстовался: начисто выгреб из решета. Только три перышка в решетке

зацепились. Одно беленькое, одно черненькое, одно рыженькое.

Пожалел Илья, что не уберег бабкин поминок.

«Надо,— думает,— хоть эти перышки к месту прибрать, а то нехорошо как-то. Бабка от всей души старалась, а мне будто и дела нет».

Подобрал с полу какую-то синюю ниточку, перевязал эти перышки натуго, да и пристроил себе на шапку.

«Тут,— думает,— самое им место. Как надевать либо снимать шапку, так и вспомнишь бабкин наказ. А он, видать, для жизни полезный. Всегда его в памяти держать надо».

Надел потом шапку да зипун и пошел на прииск. Избушку свою и запирать не стал, потому в ней — ничем-ничего. Одно пустое решето, да и то с дороги никто не подберет.

Илья возрастной парень был, давно в женихах считался. На прииске-то он годов шесть либо семь робил. Тогда ведь, при крепости-то, с малолетства людей на работу загоняли. До женитьбы иной, глядишь, больше десятка годов уж на барина отхлещет. И этот Илья, прямо сказать, вырос на прииске.

Места тут он знал вдоль и поперек. Дорога на прииск не близкая. На Гремихе, сказывают, тогда добывали чуть не у Белого камня. Вот Илюха и придумал:

«Пойду-ко я через Зюзельско болотце. Вишь, жарынь какая стоит. Подсохло поди оно,— пустит перебраться. Глядишь, и выгадаю версты три, а то и все четыре...»

Сказано — сделано. Пошел Илья лесом напрямую, как по осеям с прииска и на прииск бегали. Сперва ходко шел, потом намаялся и с пути сбился. По кочкам-то ведь не по прямой дороге. Тебе надо туда, а кочки ведут вовсе не в ту сторону. Скакал-скакал, до поту наскакался. Ну, выбрался в какой-то ложок. Посредине место пониже. Тут трава растет — горчик да метлика. А с боков взгорочки, а на них сосна жаровая. Вовсе, значит, сухое место пошло. Одно плохо — не знает Илья, куда дальше идти. Сколько раз по этим местам бывал, а такого ложочка не видывал.

Вот Илья и пошел серединой, меж взгорочков-то. Шел-шел, видит — на полянке окошко круглое, а в нем вода, как в ключе, только дна не видно. Вода будто чистая, только сверху синенькой тенеткой подернулась и посредине паучок сидит, тоже синий.

Илюха обрадовался воде, отпахнул рукой тенетку и хотел напиться. Тут у него голову и обнесло,— чуть в воду не сунулся и сразу спать захотел.

«Вишь,— думает,— как притомило меня болото. Отдохнуть, видно, надо часок».

Хотел на ноги подняться, а не может. Отполз все-таки сажени две ко взгорочку, шапку под голову, да и растянулся. Глядит,— а из того водяного окошка старушонка вышла. Ростом не больше трех четвертей. Платишко на ней синее, платок на голове синий и сама вся синехонька, да такая тощая, что вот подует ветерок — и разнесет старушонку. Однако глаза у ней молодые, синие да такие большие, будто им тут вовсе и не место.

Уставилась старушонка на парня и руки к нему протянула, а руки все растут да растут. Того и гляди, до головы парню дотянутся. Руки ровно жиденькие, как туман синий, силы в них не видно, и когтей нет, а страшно.

Хотел Илья подалее отползти, да силы вовсе не стало.

«Дай,— думает,— отвернусь,— все не так страшно».

Отвернулся да носом-то как раз в перышки и ткнулся. Тут на Илью почихота нашла. Чихал-чихал, кровь носом пошла, а все конца-краю нет. Только чует — голове-то много легче стало. Подхватил тут Илья шапку и на ноги поднялся. Видит — стоит старушонка на том же месте, от злости трясется. Руки у нее до ног Ильи дотянулись, а выше-то от земли поднять их не может. Смекнул Илья, что у старухи оплошка вышла — сила не берет, прочихался, высморкался, да и говорит с усмешкой:

— Что, взяла, старая? Не по тебе, видно, кусок! Плюнул ей на руки-то, да и пошел дальше. Старушонка тут и заговорила, да звонко так, вовсе молодому:

— погоди, не радуйся! Другой раз придешь — головы не унесешь!

— А я и не приду,— отвечает Илья.

— Ага! Испугался, испугался! — зардовалась старушонка.

Илюхе это за обиду показалось. Остановился он, да и говорит:

— Коли на то пошло, так нарочно приду — воды из твоего колодца вычерпнуть.

Старушонка засмеялась и давай подзадоривать парня:

— Хвастун ты, хвастун! Говорил бы спасибо своей бабке Лукерье, что ноги унес, а он еще похвальноется! Да не родился еще такой человек, чтоб из здешнего колодца воду добыть.

— А вот поглядим, родился ли, не родился,— отвечает Илья.

Старушонка знай свое твердит:

— Пустомеля ты, пустомеля! Тебе ли воду добыть, коли подойти боишься. Пустые твои слова! Разве других людей приведешь. Посмелее себя!

— Этого,— кричит Илья,— от меня не дождешься, чтоб я стал других людей тебе подводить! Слышал поди-ка, какая ты вредная и чем людей обманываешь.

Старушонка одно заладила:

— Не придешь, не придешь! Где тебе! Такому-то! Тогда Илья и говорит:

— Ладно, не то. Как в воскресный день ветер хороший случится, так и жди в гости.

— Ветер тебе на что? — спрашивает старушонка.

— Там видно будет,— отвечает Илья.— Ты только плевков-от с руки смой. Не забудь смотри!

— Тебе,— кричит старушонка,— не все равно, какой рукой тебя на дно потяну? Хоть ты, вижу, и гораздый, а все едино мой будешь. На ветер да бабкины перья не надейся! Не помогут!

Ну, поругались так-то. Пошел Илья дальше, сам дорогу примечает и про себя думает:

«Вот она какая, бабка Синюшка. Ровно еле живая, а глаза девичьи, погубельные, и голос, как у молоденькой,— так и звенит. Поглядел бы, как она красной девкой оборачивается».

Про Синюшку Илья много слышал. На приiske не раз об этом говаривали. Вот, дескать, по глухим болотным местам, а то и по старым шахтам набегали

люди на Синюшку. Где она сидит, тут и богатство положено. Сживи Синюшку с места, — и откроется полный колодец золота да дорогих камней. Тогда и гребни, сколь рука взяла. Многие будто ходили искать, да либо ни с чем воротились, либо с концом загнули.

К вечеру выбрался Илюха на прииск. Смотритель приисковый напустился, конечно, на Илюху:

- Что долго?

Илья объяснил — так и так, бабку Лукерью хоронил. Смотрителю маленько стыдно стало, а все нашел придирку.

— Что это у тебя за перья на шапке? С какой радости нацепил?

— Это, — отвечает Илья, — бабкино наследство. Для памяти его тут пристроил.

Смотритель, да и другие, кто близко случился, давай смеяться над таким наследством, а Илья и говорит:

— Да, может, я эти перья на весь господский прииск не променяю. Потому — не простые они, а наговоренные. Белое вот — на веселый день, черное — на спокойную ночь, а рыженькое — на красное солнышко.

Шутит, конечно. Только тут парень был — Кузька Двоерылко. Он Илюхе-то ровесником, приходился, в одном месяце именинником были, а по всем статьям на Илюху не походил. Он, этот Двоерылко, вовсе со справно двора. По-доброму такому парню и мимо прииска ходить не надо — полегче бы работа дома нашлась. Ну, Кузька давно около золота околачивался, свое смышлял, — не попадет ли штучка хорошая, а унести ее сумею. И верно, насчет того, чтобы чужое в свой карман прибрать, Двоерылко мастак был. Чуть кто не доглядел, — Двоерылко уже унес, и найти не могут. Одним словом, ворина. По этому ремеслу у него и заметка была. Его, вишь, один старатель лопаткой черкнул. Скользом пришлось, а все же зарубка на память осталась — нос до губы пополам развалило. По этой приметке Кузьку и величали Двоерылком.

Этот Кузька крепко завидовал Илюхе. Тот, видишь, парень ядреный да могучий, крутой да веселый, — работа у него и шла податно. Кончил работу — поел да песню запел, а то и в пляс пошел. На артелке ведь и это бывает. Против такого парня где же равняться Двоерылому, коли у него ни силы, ни охоты, да и на уме вовсе другое. Только Кузька по-своему об этом понимал:

«Не иначе, знает Илюшка какую-то словинку, — то он и удачливый, и по работе ему устатка нет».

Как про перышки-то Илья сказал, Кузька и смекнул про себя:

«Вот она — Плюшкина словинка».

Ну, известно, в ту же ночь и украл эти перышки.

На другой день хватился Илья — где перышки? Думает, обронил. Давай искать по прииску-то. Над Ильей подсмеиваться стали:

— Ты в уме ли, парень! Столько ног тут топчется, а ты какие-то махонькие перышки ищешь! В пыль поди их стоптали. Да и на что они тебе?

— Как, — отвечает, — на что, коли это бабкина памятка?

— Памятку, — говорят, — надо в крепком месте либо в голове держать, а не на шапке таскать.

Илья и думает — правду говорят, — и перестал те перышки искать. Того ему и на мысли не пало, что они худыми руками взяты.

У Кузьки своя забота — за Илюхой доглядывать, как у него теперь дело пойдет, без бабкиных перышек. Вот и узорил, что Илья ковш старательский взял да к лесу пошел. Двоерылко за Ильей,— думает, не смывку ли где наладил. Ну, никакой смывки не оказалось, а стал Илья тот ковш на жердинку насаживать. Сажени четыре жердинка. Вовсе для смывки несподручно. К чему бы это? Еще пуще Кузька насторожился.

Дело-то к осени пошло, крепко подувать стало. В субботу, как рабочих с прииска домой отпускали, Илья тоже домой запросился. Смотритель сперва покочевряжился,— ты, дескать, недавно ходил, да и незачем тебе — семейства нет, а хозяйство свое — перышки-то — на прииске потерял. Ну, отпустил. А Кузька разве такой случай пропустит? Он спозаранку к тому месту пробрался, где ковш на жердинке припрятан был. Долго Кузьке ждать-то пришлось, да ведь воровская сноровка известна. Не нами сказано — вор собаку переждет, не то что хозяина. На утре подошел Илья, достал ковш, да и говорит:

— Эх, перышек-то нету! А ветер добрый. С утра так свистит,— к полдню вовсе разгуляется.

Впрямь ветер такой, что в лесу стон стоит. Пошел Илья по своим приметкам, а Двоерылко за ним крадется да радуется:

«Вот они, перышки-то! К богатству, знать-то, дорожку кажут!»

Долгонько пришлось Илье по приметам-то пробираться, а ветер все тише да тише. Как на ложок выйти, так и вовсе тихо стало — ни одна веточка не пошевелинется. Глядит Илья — старушонка у колодца стоит, дожидается и звонко так кричит:

— Вояка пришел! Бабкины перья потерял и на ветре прогадал. Что теперь делать-то станешь? Беги-ко домой да ветра жди! Может, и дождешься!

Сама в сторонке стоит, к Илье рук не тянет, а над колодцем туман, как шапка синяя, густым-густехонько. Илья разбежался да со взгорочка ковшом-то на жердине прямо в ту синюю шапку и сунул да еще кричит:

— Ну-ко, ты, убогая, поберегись! Не зашибить бы ненароком.

Зачерпнул из колодца и чует — тяжело. Еле выволок. Старушонка смеется, молодые зубы кажет.

— Погляжу я, погляжу, как ты ковш до себя дотянешь. Много ли моей водицы испить доведется!

Задорит, значит, парня. Илья видит — верно, тяжело,— вовсе озлился.

— Пей,— кричит,— сама!

Усилился, поднял маленько ковшик, да и норовит опрокинуть на старушонку. Та отодвинулась. Илья за ней. Она дальше. Тут жердинка и переломилась, и вода разлилась. Старушонка опять смеется:

— Ты бы ковшик-то на бревно насадил... Надежнее бы! Илья в ответ грозитя:

— Погоди, убогая! Искупаю еще! Тут старушонка и говорит:

— Ну, ладно. Побаловали — и хватит. Вижу, что ты парень гораздый да удалый. Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь. Всяких богатств тебе покажу. Бери сколько унесешь. Если меня сверху не случится, скажись: «Без ковша пришел» — и все тебе будет.

— Мне,— отвечает Илья — и на то охота поглядеть, как ты красной девкой оборачиваешься.

— По делу видно будет,— усмехнулась старушонка, опять молодые зубы показала.

Двоерылко все это до капельки видел и до слова слышал.

«Надо,— думает,— поскорее на прииск бежать да кошели наготовлять. Как бы только Илюшка меня не опередил!»

Убежал Двоерылко. А Илья взгорочком к дому пошел. Перебрался по кочкам через болотце, домой пришел, а там одна новость — бабкиного решета не стало.

Подивился Илья — кому такое понадобилось? Сходил к своим заводским дружкам, поговорил с тем, с другим и обратно на прииск пошел, только не через болото, а дорогой, как все ходили.

Прошло так дней пяток, а случай тот у Илюхи из головы не выходит — на работе помнится и сну мешать стал. Нет-нет и увидит он те синие глаза, а то и голос звонкий услышит:

«Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь».

Вот Илюха и порешил:

«Схожу. Погляжу хоть, какое богатство бывает. Может, и сама она мне красной девкой покажется».

В ту пору как раз молодой месяц народился, ночи посветлее стали. Вдруг на прииске разговор — Двоерылко потерялся. Сбегали на завод — нету. Смотритель велел по лесу искать — тоже не оказалось. И то сказать, искали — не надсажались. Всяк про себя думал: «От того убытку нет, коли вор потерялся». На том и кончилось.

Как месяц на полный кружок обозначился, Илюха и пошел. Добрался до места. Глядит — никого нет. Илья все же со взгорочка не спустился и тихонько молвил:

— Без ковша пришел.

Только сказал, сейчас старушонка объявилась и ласково говорит:

— Милости просим, гостенек дорогой! Давно поджидаю. Подходи да бери сколько унесешь.

Сама руками-то как крышку над колодцем подняла, а там и открылось богатства всякого. Доверху набито. Илье любопытно на такое богатство поглядеть, а со взгорочка не спускается. Старушонка поторапливать стала.

— Ну, чего стоишь? Бери, говорю, сколько в кошель уйдет.

— Кошеля-то,— отвечает,— у меня нету, да и от бабки Лукерьи я другое слыхал. Будто только то богатство чисто да крепко, какое ты сама человеку подашь.

— Вишь ты, привередник какой! Ему еще подноси! Ну, будь по-твоему!

Как сказала это старушонка, так из колодца синий столб выметнуло. И выходит из этого столба девица-красавица, как царица снаряжена, а ростом до половины доброй сосны. В руках у этой девицы золотой поднос, а на нем груда всякого богатства. Песок золотой, камни дорогие, самородки чуть не по ковриге. Подходит эта девица к Илюхе и с поклоном подает ему поднос.

— Прими-ка, молодец!

Илья на прииске вырос, в золотовеске тоже бывал, знал, как его —

золото-то — весят. Посмотрел на поднос и говорит старушонке:

— Для смеху это придумано. Ни одному человеку не в силу столько поднять.

— Не возьмешь? — спрашивает старушонка.

— И не подумаю,— отвечает Илья.

— Ну, будь по-твоему! Другой подарок дам,— говорит старушонка.

И сейчас же той девицы — с золотым-то подносом — не стало. Из колодца опять синий столб выметнуло. Вышла другая девица. Ростом поменьше. Тоже красавица и наряжена по-купецки. В руках у этой девицы серебряный поднос, на нем гряда богатства. Илья и от этого подноса от-казался, говорит старушонке:

— Не в силу человеку столько поднять, да и не своими руками ты подаешь.

Тут старушонка вовсе по-девичьи рассмеялась.

— Ладно, будь по-твоему! Тебя и себя потешу. Потом, чур, не жалеть.

Ну, жди.

Сказала, и сразу не стало ни той девицы с серебряным подносом, ни самой старушонки. Стоял-стоял Илюха — никого нет. Надоело уж ему ждать-то, тут сбоку и зашуршала трава. Поворотился Илюха в ту сторону. Видит — девчонка подходит. Простая девчонка, в обыкновенный человеческий рост. Годов так восемнадцати. Платьишко на ней синее, платок на голове синий, и на ногах бареточки синие. А пригожа эта девчонка — и сказать нельзя. Глаза звездой, брови дугой, губы — малина, и руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в косе лента синяя.

Подошла девчонка к Илюхе и говорит:

— Прими-ко, мил друг Илюшенька, подарочек от чистого сердца.

И подает ему своими белыми рученьками старое бабки Лукерьи решето с ягодами. Тут тебе и земляника, тут тебе и княженика, и желтая морошка, и черная смородина с голубикой. Ну, всяких сортов ягода. Полнехонько решето. А сверху три перышка. Одно беленькое, одно черненькое, одно рыженькое, натуго синей ниточкой перевязаны.

Принял Илюха решето, а сам как дурак стоит, никак домекнуть не может, откуда эта девчонка появилась, где она осенью всяких ягод набрала. Вот и спрашивает:

— Ты чья, красна девица? Скажись, как тебя звать-величать?

Девчонка усмехнулась и говорит:

— Бабкой Синюшкой люди зовут, а гораздому, да удалому, да простой душе и такой кажусь, какой видишь. Редко только так-то бывает.

Тогда уж Илюха понял, с кем разговор, и спрашивает:

— Перышки-то у тебя откуда?

— Да вот,— отвечает,— Двоерылко за богатством приходил. Сам в колодец угодил и кошели свои утопил, а твои-то перышки выплыли. Простой, видно, ты души парень. Дальше Илья и не знает, о чем говорит И она стоит, молчит, ленту в косе перебирает. Потом промолвила:

— Так-то, мил друг Илюшенька! Синюшка я. Всегда старая, всегда молодая. К здешнему богатству навеки приставлена.

Тут помолчала маленько да спрашивает:

— Ну, нагледелся? Хватит поди, а то как бы во сне не привиделась.

И сама вздохнула, как ножом по сердцу парня полыснула. Все бы отдал, лишь бы она настоящая живая девчонка стала, а ее и вовсе нет.

Долго еще стоял Илья. Синий туман из колодца по всему ложочку пополз, тогда только стал к дому пробираться. На свету уж пришел. Только заходит в избу, а решето с ягодами и потяжелело, дно оборвалось, и на пол самородки да дорогие каменья посыпались.

С таким-то богатством Илья сразу от барина откупился, на волю вышел, дом себе хороший справил, лошадь завел, а вот жениться никак не может. Все та девчонка из памяти не выходит. Сна-покою из-за этого решился. И бабки Лукерья перышки не помогают. Не один раз говаривал:

— Эх, бабка Лукерья, бабка Лукерья! Научила ты, как Синюшкино богатство добыть, а как тоску избыть — не сказала. Видно, сама не знала.

Маялся-маялся так-то и надумал:

«Лучше в тот колодец нырнуть, чем такую муку переносить».

Пошел к Зюзельскому болотцу, а бабкины перышки все же с собой захватил. Тогда ягодная пора пришлась. Землянику таскать стали.

Только подошел Илья к лесу, навстречу ему девичья ар-телка. Человек с десяток, с полными корзинками. Одна девчонка на отшибе идет, годов так восемнадцати. Платишко на ней синее, платок на голове синий. И пригожая — сказать нельзя. Брови — дугой, глаза — звездой, губы — малина, руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в ней лента синяя. Ну, вылитая та. Одна приметочка разнится: на той баретки синие были, а эта вовсе босиком.

Остолбенел Илья. Глядит на девчонку, а она синими-то глазами зырк да зырк и усмежается — зубы кажет. Прочухался маленько Илюха и говорит:

— Как это я тебя никогда не видал?

— Вот, — отвечает, — и погляди, коли охота. На это я проста — копейки не возьму.

— Где, — спрашивает, — ты живешь?

— Ступай, — говорит, — прямо, повороти направо. Тут будет пень большой. Ты разбежись да треснишь башкой. Как искры из глаз посыплются — тут меня и увидишь...

Ну, зубоскальничает, конечно, как по девичьему обряду ведется. Потом сказала — чья такая, по которой улице живет и как зовут.

Все честь честью. А сама глазами так и тянет, так и тянет.

С этой девчонкой Илюха и свою долю нашел. Только ненадолго. Она, вишь, из мраморских была. То ее Илюха и не видал раньше-то. Ну, а про мраморских дело известное. Краше тамошних девок по нашему краю нет, а женись на такой — овдовеешь. С малых лет около камню бьются — чахотка у них.

Илюха и сам долго не зажился. Наглотался, может, от этой, да и от той нездоровья-то. А по Зюзельке вскорости большой прииск открыли.

Илюха, видишь, не потаил, где богатство взял. Ну, рыться по тем местам стали, да и натакались по Зюзельке на богатимое золото.

На моих еще памятях тут хорошо добывали. А колодца того так и не нашли. Туман синий, — то и посейчас на тех местах держится, богатство кажет.

Мы ведь что! Сверху поковыряли маленько, а копни-ко поглубже... Глубокий, говорят, тот Синюшкин колодец. Страсть глубокий. Еще добытчиков ждет.

Вопросы:

1. С какими героями сказки вы познакомились?
2. Какие перышки только и остались в наследство Илье и что они обозначают?
3. Какое богатство дает Синюшка и кому?
4. Где произошла встреча Ильи с Синюшкой?
5. Опишите внешний вид Синюшки.
6. Что спасло Илью от чар Синюшки?
7. Как старуха называла Илью подзадоривая его?
8. Какие легенды ходили про Синюшку?
9. Кто украл у Ильи перышки и зачем?
10. Какое испытание приготовила Синюшка для Ильи?
11. Какие подарки предлагала Синюшка, что он выбрал и во что превратился этот подарок?
12. Нашел ли Илья свое счастье?
13. Чем закончилась сказка?
14. Кто из героев вам понравился и почему?

Павел Петрович Бажов

Серебряное копытце

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей,— не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григория, да и жену его тоже. Оба веселые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдет, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму ее. Только пойдет ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житье у нее. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастет. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья! Да и уговоришь поди-ко.

— И то правда,— отвечает Кокованя,— уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На голбчике, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе

слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подаренка? Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так еще кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет. Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну, как, подаренушка, пойдешь ко мне жить? Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Даренкой зовут?

— Да так,— отвечает,— само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я,— говорит,— вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да все увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет,— отвечает Кокованя.— Простых козлов стре ляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдешь ко мне жить, так все и расскажу,— ответил Кокованя. Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик веселый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку Муренку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это,— отвечает Кокованя,— что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовет. Стала скорей Даренкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трется у ног-то да мурлычет:

— Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

Вот и повел Кокованя сиротку к себе жить.

Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарен-ка да кошка Муренка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житье не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил. Даренка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Муренка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Даренка любила те сказки слушать, а кошка Муренка лежит да мурлычет:

— Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Даренка напомним:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там ГРУДа дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Даренки только и разговору, что об этом козле:

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая.

А Даренка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шерстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Муренки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, а он душной? Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной? Это домашние козлы такие бывают, а лесной козел, он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасется. Даренка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберешь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот, Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Даренка дома, а Кокованя в лес ушел.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Даренке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасется. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Даренка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Даренка опять спрашивает:

— Серебряное копытце в той же стороне пасется?

— Кто его знает. Может, и он там. Даренка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдет, — я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с

тобой буду? Замерзнешь еще!

Только Даренка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею. Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя:

«Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится». Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Даренка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да еще веревку.

«Нельзя ли,— думает,— этой веревкой Серебряное копытце поймать?»

Жаль Даренке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Муренка, с дедом в лес пойдем, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда все расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

— Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Даренкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжился старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повел!

Как стали Кокованя с Даренкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись,— а это Муренка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Муренка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Даренка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Муренка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Даренка, не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Муренка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Даренка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Муренка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадьё сходить, да как Даренку с кошкой в лесу оставить! А Даренка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадьё. Надо ведь солонину домой перевезти. Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна. Как большая рассудила. Только забоишься поди одна-то.

— Чего,— отвечает,— бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Муренка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся все-таки!

Ушел Кокованя. Осталась Даренка с Муренкой. Днем-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Муренка лежит спокойнехонько. Даренка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Даренка поглядеть, а никого нет. Воротилась, да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось. Муренка мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Легла Даренка рядом с кошкой, да и уснула до утра.

Другой день прошел. Не воротился Кокованя. Скучнень-ко стало Даренке, а не плачет. Гладит Муренку да приговаривает:

— Не скучай, Муренушка! Завтра дедо непременно придет.

Муренка свою песенку поет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Даренушка у окошка, полюбовалась на звезды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошел. Испугалась Даренка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом где дверка, а там и свер ху запостукивало. Не громко, будто кто легонький да быстрый ходит. Даренка и думает:

«Не козел ли тот вчерашний прибежал?» И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козел—тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Даренка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся. Повернулся и побежал.

Пришла Даренушка в балаган, рассказывает Муренке:

— Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Муренка знай свою песенку поет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Даренка. Слезки запокапывали. Хотела с Муренкой поговорить, а ее нет. Тут вовсе испугалась Даренушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козел, остановится и давай копытцем бить. Муренка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые,

зеленые, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит — и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Муренка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Муренки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Даренке запросила:
— Не тронь, дедо! Завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб.

Все бы хорошо, да Муренки жалко. Больше ее так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил раз — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются. Видали?

Вопросы:

1. Зачем Кокованя к себе Даренку жить взял?
2. Как он ее назвал при первой встрече?
3. Почему Даренка с ним пошла жить, разве ей со стариком было бы весело?
4. За что любила Даренка свою кошку?
5. Простая ли была эта кошка?
6. Как кошка утешала девочку?
7. Куда делась кошка после того как ее хозяйка с козлом встретилась?
8. Откуда дед знал как выглядел козел?
9. Чем отличался Серебряное копытце от обычных козлов?
10. При каких обстоятельствах козел появился перед Даренкой?
11. Принес ли Серебряное копытце Даренке и деду много богатства?
12. Почему Даренка не велела Коковане собирать все богатства?
13. Почему именно Даренке показался Серебряное копытце, а не кому другому?
14. Вам понравилась Даренка?
15. Какими цветами можно передать характер персонажей?

Павел Петрович Бажов

Хрупкая веточка

У Данилы с Катей,— это которая своего жениха у хозяйки горы вызволила,— ребятишек многонько народилось. Восемь, слышь-ко, человек, и все парнишечки. Мать не раз ревливала: хоть бы одна девчонка на поглядку. А отец знай похохатывает:

— Такое, видно, наше с тобой положенье.

Ребятки здоровеньки росли. Только одному не посчастливилось. То ли с крылечка, то ли еще откуда свалился и себя повредил: горбик у него расти стал. Баушки правили, понятно, да толку не вышло. Так горбатенькому и пришлось на белом свете маяться.

Другие ребяташки,— я так замечал,— злые выходят при таком-то случае, а этот ничего — веселенький рос и на выдумки мастер. Он третьим в семье-то приходился, а все братья слушали его да спрашивали:

— Ты, Митя, как думаешь? По-твоему, Митя, к чему это?

Отец с матерью и те частенько покрикивали:

— Митюшка! Погляди-ка! Ладно на твой глаз?

— Митяйко, не заметил, куда я сапожки поставила?

И то Митюньке далось, что отец смолоду ловко на рожке играл. Этот тоже пикульку смастерит, так она у него ровно сама песню выговаривает.

Данило по своему мастерству все-таки зарабатывал ладно. Ну, и Катя без дела не сживала. Вот, значит, и поднимали семью, за куском в люди не ходили. И об одежонке ребяташкой Катя заботилась. Чтоб всем справа была: пимешки там, шубейки и протча. Летом-то, понятно, и босиком ладно: своя кожа, не куплена. А Митюньке, как он всех жалчее, и сапожешки были. Старшие братья этому не завидовали, а малые сами матери говорили:

— Мамонька, пора поди Мите новые сапожки заводить. Гляди — ему на ногу не лезут, а мне бы как раз пришлись.

Свою, видишь, ребяташкой хитрость имели, как бы поскорее Митины сапожешки себе пристроить. Так у них все гладенько и катилось. Соседки издивовались прямо:

— Что это у Катерины за ребята! Никогда у них и драчишки меж собой не случится.

А это все Митюнька — главная причина. Он в семье-то ровно огонек в лесу: кого развеселит, кого обогреет, кого на думки наведет.

К ремеслу своему Данило не допускал ребяташек до времени.

— Пускай,— говорит,— подрастут сперва. Успеют еще малахитовой-то пыли наглотаться.

Катя тоже с мужем в полном согласье — рано еще за ремесло садить. Да еще придумали поучить ребяташек, чтоб, значит, читать-писать, цифру понимать. Школы по тогдашнему положению не было, и стали старшие-то братья бегать к какой-то мастерице. И Митюнька с ними. Те ребята понятливые, хвалила их мастерица, а этот вовсе на отличку. В те годы помудреному учили, а он с лету берет. Не успеет мастерица показать,— он обмозговал. Братья еще склады толмили, а он уж читал, знай слова лови. Мастерица не раз говаривала:

— Не бывало у меня такого выученика.

Тут отец с матерью возьми и погордись маленько: завели Митюньке сапожки поформеннее. Вот с этих сапожек у них полный переворот жизни и вышел.

В тот год, слышь-ко, барин на заводе жил. Пропикнул, видно, денежки в Сам-Петербурхе, вот и приехал на завод — не выскребу ли, дескать, еще сколь-нибудь.

При таком-то деле, понятно, как денег не найти, ежели с умом распорядиться. Одни приказные да приказчик сколько воровали. Только барин вовсе в эту сторону и глядеть не умел.

Едет это он по улице и углядел — у одной избы трое ребяташек играют, и все в сапогах. Барин им и маячит рукой-то: идите сюда.

Митюньке хоть не приводилось до той поры барина видать, а признал небось. Лошади, вишь, отменные, кучер по форме, коляска под лаком и седок гора-горой, жиром заплыл, еле ворочается, а перед брюхом палку держит с золотым набалдашником.

Митюнька оробел маленько, все-таки ухватил братишек за руки и подвел поближе к коляске, а барин хрипит:

— Чьи такие?

Митюнька, как старший, объясняет спокойненько:

— Камнереза Данилы сыновья. Я вот Митрий, а это мои братики малые.

Барин аж посинел от этого разговору, чуть не задохся, только пристанывает:

— Ох, ох! что делают! что делают! Ох, ох! Потом, видно, провздохался и заревел медведем:

— Это что? А? — А сам палкой-то на ноги ребятам показывает. Малые, понятно, испужались, к воротам кинулись, а Митюнька стоит и никак в толк взять не может, о чем его барин спрашивает.

Тот заладил свое, недоладом орет:

— Это что?

Митюнька вовсе оробел, да и говорит:

— Земля.

Барина тут как параличомхватило, захрипел вовсе:

— Хр-р, хр-р! До чего дошло! До чего дошло! Хр-р, хр-р.

Тут Данило сам из избы выбежал, только барин не стал с ним разговаривать, ткнул кучера набалдашником в шею — поезжай!

Этот барин не твердого ума был. Смолоду за ним такое замечалось, к старости и вовсе несамостоятельной стал. Напустится на человека, а потом и сам объяснить не умеет, что ему надо. Ну, Данило с Катериной и подумали,— может, обойдется дело, забудет про ребятишек, пока домой доедет. Только не тут-то было: не забыл барин ребячьих сапожишек. Первым делом на приказчика насел.

— Ты куда глядишь? У барина башмаков купить не на что, а крепостные своих ребятишек в сапогах водят? Какой ты после этого приказчик? Тот объясняет:

— Вашей, дескать, барской милостью Данило на оброк отпущен и сколько брать с него — тоже указано, а как платит он исправно, я и думал...

— А ты,— кричит,— не думай, а гляди в оба. Вон у него что завелось! Где это видано? Вчетверо ему оброк назначить.

Потом призвал Данилу и сам объяснил ему новый оброк. Данило видит — вовсе несуразица, и говорит:

— Из воли барской уйти не могу, а только оброк такой тоже платить не в силу. Буду работать, как другие, по вашему барскому приказу.

Барину, видать, это не по губе. Денег и без того нехватка,— не до каменной поделки. В пору и ту продать, коя от старых годов осталась. На другую какую работу камнереза поставить тоже не подходит. Ну, и давай рядиться. Сколько все-таки ни отбивался Данило, оброк ему вдвое барин назначил, а не хошь — в гору. Вот куда загнулось!

Понятное дело, худо Данилу с Катей пришлось. Всех прижало, а робятам хуже всего: до возрасту за работу сели. Так и доучиться им не довелось. Митюнька — тот виноватее всех себя считал — сам так и лезет на работу. Помогать, дескать, отцу с матерью буду, а те опять свое думают:

«И так-то он у нас нездоровый, а посади его за малахит — вовсе изведется. Потому — кругом в этом деле худо. Присадочный вар готовить — пыли не продохнешь, щебенку колотить — глаза береги, а олово крепкой водкой на полер разводите — парами задушит».

Думали, думали и придумали отдать Митюньку по гранильному делу учиться.

Глаз, дескать, хваткий, пальцы гибкие и силы большой не надо — самая по нему работа.

Гранильщик, конечно, у них в родстве был. К нему и пристроили, а он рад-радехонек, потому знал — парнишечко смышленный и к работе не ленив.

Гранильщик этот так себе, средненький был, второй, а то и третьей цены камешок делал. Все-таки Митюнька перенял от него, что тот умел. Потом этот мастер и говорит Данилу:

- Надо твоего парнишка в город отправить. Пуцай там дойдет до настоящей точки. Шибко рука у него ловкая.

Так и сделали. У Данилы в городе мало ли знакомства было по каменному-то делу. Нашел кого надо и пристроил Митюньку. Попал он тут к старому мастеру по каменной ягоде. Мода, видишь, была из камней ягоды делать. Виноград там, смородину, малину и протча. И на все установ имелся. Черну, скажем, смородину из агату делали, белу — из дурмашков, клубнику — из сургучной яшмы, княженику — из мелких шерловых шаричков клеили. Одним словом, всякой ягоде свой камень. Для корешков да листочков тоже свой порядок был: кое из офата, кое из малахита либо из орлеца и там еще из какого-нибудь камня.

Митюнька весь этот установ перенять перенял, а нет-нет и придумает по-своему. Мастер сперва ворчал, потом похваливать стал:

— Пожалуй, так-то живее выходит. Напоследок прямо объявил:

— Гляжу я, парень, шибко большое твое дарование к этому делу. Впору мне, старику, у тебя учиться. Вовсе ты мастером стал да еще с выдумкой.

Потом помолчал маленько, да и наказывает:

— Только ты, гляди, ходу ей не давай! Выдумке-то! Как бы за нее руки не отбили. Бывали такие случаи.

Митюнька, известно, молодой — безо внимания к этому. Еще посмеивается:

— Была бы выдумка хорошая. Кто за нее руки отбивать станет?

Так вот и стал Митюха мастером, а еще вовсе молодой: только-только ус пробиваться стал. По заказам он не скучал, всегда у него работы полно. Лавочки по каменному делу смекнули живо, что от этого парня большим барышом пахнет, — один перед другим заказы ему дают, успевай только. Митюха тут и придумал:

— Пойду-ко я домой. Коли мою работу надо, так меня и дома найдут. Дорога недалекая, и груз не велик — материал привезти да поделку забрать.

Так и сделал. Семейные обрадовались, понятно: Митя пришел. Он тоже повеселить всех желает, а самому не сладко. Дома-то чуть не цельная малахитовая мастерская стала. Отец и двое старших братьев за станками в малухе сидят и младшие братья тут же: кто на распиловке, кто на лифовке. У матери на руках долгожданная девчушка- годовушка трепещется, а радости в семье нет. Данило уж вовсе стариком глядит, старшие братья покашливают, да и на малых смотреть весело. Бьются, бьются, а все в барский оброк уходит.

Митюха тут и заподумывал: все, дескать, из-за тех сапожнешек вышло.

Давай скорее свое дело налаживать. Оно хоть мелкое, а станков к нему не один, инструментишко тоже требуется. Мелочь все, а место и ей надо.

Пристроился в избе против окошка и припал к работе, а про себя думает:

«Как бы добиться, чтоб из здешнего камня ягоды точить. Тогда и младших братишек можно было бы к этому делу пристроить».

Думает, думает, а пути не видит. В наших краях, известно, хризолит да малахит больше попадаются. Хризолит тоже дешево не добудешь, да и не подходит он, а малахит только на листочки и то не совсем годится: оправки либо подклейки требует.

Вот раз сидит за работой. Окошко перед станком по летнему времени открыто. В избе никого больше нет. Мать по своим делам куда-то ушла, малыши разбежались, отец со старшими в малухе сидят. Не слышно их. Известно, над малахитом-то песни не запоешь и на разговор не тянет.

Сидит Митюха, обтачивает свои ягоды из купецкого материала, а сам все о том же думает:

«Из какого бы совсем дешевого здешнего камня такую же поделку гнать?»

Вдруг просунулась в окошко какая-то не то женская, не то девичья рука,— с кольцом на пальце и в зарукавье,— и ставит прямо на станок Митюньке большую плитку змеевика, а на ней, как на подносе, соковина дорожная.

Кинулся Митюха к окошку — нет никого, улица пустехонька, ровно никто и не прохаживал.

Что такое? Шутки кто шутит али наважденье какое? Оглядел плитку да соковину и чуть не заскакал от радости: такого материала возами вози, а сделать из него, видать, можно, если со сноровкой выбрать да постараться. Что только?

Стал тут смекать, какая ягода больше подойдет, а сам на то место устоялся, где рука-то была. И вот опять она появилась и кладет на станок репейный листок, а на нем три ягодные веточки: черемуховая, вишневая и спелого-спелого крыжовника.

Тут Митюха не удержался, на улицу выбежал дознаться, кто это над ним шутки строит. Оглядел все — никого, как вымерло. Время — самая жарынь. Кому в эту пору на улице быть?

Постоял-постоял, подошел к окошку, взял со станка листок с веточками и разглядывать стал. Ягоды настоящие, живые, только то диво — откуда вишня взялась. С черемухой просто, крыжовнику тоже в господском саду довольно, а

это откуда, коли в наших краях такая ягода не растет, а будто сейчас сорвана?

Полюбовался так на вишни, а все-таки крыжовник ему милее пришелся и к материалу ровно больше подходит. Только подумал — рука-то его по плечу и погладила:

«Молодец, дескать! Понимаешь дело!»

Тут уж слепому ясно, чья это рука. Митюха в Полевой вырос, сколько-нибудь раз слышал про Хозяйку горы. Вот он и подумал — хоть бы сама показалась. Ну, не вышло! Пожалела, видно, горбатенького парня растревожить своей красотой — не показалась.

Занялся тут Митюха соком да змеевиком. Немало перебрал. Ну, выбрал и сделал со смекалкой. Попотел. Ягодки-то крыжовника сперва половинками обточил, потом внутре-то выемки наладил да еще где надо желобочки прошел, где опять узелочки оставил, склеил половинки да тогда их начисто и обточил. Живая ягодка-то вышла. Листочки тоже тонко из змеевки выточил, а на корешок ухитрился колючки тонехонькие пристроить. Одним словом, сортовая работа. В каждой яголке ровно зернышки видно и листочки живые, даже маленько с изъянами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пятнышки пришлись. Ну, как есть настоящие.

Данило с сыновьями хоть по другому камню работали, а тоже в этом деле понимали. И мать по камню рабатывала. Все налюбоваться не могут на Митюхину работу. И то им диво, что из простого змеевика да дорожного соку такая штука вышла. Мите и самому любо. Ну, как — работа! Тонкость. Ежели кто понимает, конечно.

Из соку да змеевику Митя много потом делал. Семье-то шибко помог. Купцы, видишь, не обегали этой поделки, как за настоящий камень платили, и покупатель в первую голову Митюхину работу выхватывал, потому — на отличку. Митюха, значит, и гнал ягоду. И черемуху делал, и вишню, и спелый крыжовник, а первую веточку не продавал — себе оставил. Посыкался отдать девчонке одной, да все сумленье брало.

Девчонки, видишь, не отворачивались от Митюхина окошка. Он хоть горбатенький, а парень с разговором да выдумкой, и ремесло у него занятное, и не скупой: шаричков для бусов, бывало, горстью давал. Ну, девчонки нет-нет и подбегут, а у этой чаще всех заделье находилось перед окошком — зубами поблестеть, косой поиграть. Митюха и хотел отдать ей свою веточку, да все боялся:

— Еще на смех девчонку поднимут, а то и сама за обиду почтет.

А тот барин, из-за которого поворот жизни случился, все еще на земле пыхтел да отдувался. В том году он дочь свою просватал за какого-то там князя ли купца и придано ей собирал. Полевской приказчик и вздумал подслужаться. Митину-то веточку он видал и тоже, видно, понял, какая это штука. Вот и послал своих охлестов с наказом:

— Если отдавать не будет, отберите силой.

Тем что? Дело привычное. Отобрали у Мити веточку, принесли, а приказчик ее в бархатну коробушечку. Как барин приехал в Полевую, приказчик сейчас:

— Получите, сделайте милость, подарочек для невесты. Подходящая штучка.

Барин поглядел, тоже похвалил сперва-то, потом и спрашивает:

— Из каких камней сделано и сколько камни стоят? Приказчик и отвечает:

— То и удивительно, что из самого простого материала: из змеевику да шлаку.

Тут барин сразу задохся:

— Что? Как? Из шлаку? Моей дочери? Приказчик видит — неладно выходит, на мастера все поворотил:

— Это он, шельмец, мне подсунул да еще насаждал четвергов с неделю, а то бы я разве посмел. Барин знай хрипит:

— Мастера тащи! Тащи мастера!

Приволокли, понятно, Митюху и, понимаешь, узнал ведь его барин:

«Это тот... в сапогах-то который...» С палкой на Митюху кинулся.

— Как ты смел?

Митюха сперва и понять не может, потом раскумекал и прямо говорит:

— Приказчик у меня силом отобрал, пускай он и отвечает.

Только с барином какой разговор, все свое хрипит:

— Я тебе покажу...

Потом схватил со стола веточку, хлоп ее на пол и давай-ко топтать. В пыль, понятно, раздавил.

Тут уж Митюху за живое взяло, затрясло даже. Оно и то сказать,— кому полюбится, коли твою дорожную выдумку диким мясом раздавят.

Митюха схватил баринову палку за тонкий конец да как хряснет набалдашником по лбу, так барин на пол и сел и глаза выкатил.

И вот диво — в комнате приказчик был и прислужников сколько хочешь, а все как окаменели,— Митюха вышел и куда-то девался. Так и найти не могли, а поделку его и потом люди видали. Кто понимающий, те узнавали ее.

И еще заметочка вышла. Та девчонка, которая зубы-то мыла перед Митюхиным окошком, тоже потерялась, и тоже с концом.

Долго искали эту девчонку. Видно, рассудили по-своему-то, что ее найти легче, потому — далеко женщина от своих мест уходить не привычна. На родителей ее наступали:

— Указывай место!

А толку все-таки не добились.

Данилу с сыновьями прижимали, конечно, да, видно, оброку большого пожалели,— отступили. А барин еще сколько-то задыхался, все-таки вскорости его жиром задавило.

Вопросы:

1. О ком рассказывается в сказке?
2. Какой по характеру был Митя?
3. Какая семья была у Мити?
4. Как заботились родители о детях?
5. За что барин обложил Данилу дополнительным оброком?
6. Как Митя решил помочь семье?
7. Чем занимался Митя в городе?
8. Какое чудо явилось Мите?

9. *Какую идею подала Хозяйка Мите?*
10. *Какая поделка была дорога Мите?*
11. *С какой целью у Мите отобрали веточку?*
12. *Чем закончилась сказка?*

Павел Петрович Бажов

Голубая змейка

Росли в нашем заводе два парнишечка по близкому соседству: Ланко Пужанко да Лейка Шапочка.

Кто и за что им такие прозвания придумал, это сказать не умею. Меж собой эти ребята дружно жили. Под стать подобрались. Умишком вровень, силенкой вровень, ростом и годами тоже. И в житье большой различки не было. У Ланка отец рудобоем был, у Лейка на золотых песках горевал, а матери, известно, по хозяйству мытарилась. Ребятам и нечем было друг перед дружкой погордиться.

Одно у них не сходилось: Ланко свое прозвище за обиду считал, а Лейку лестно казалось, что его так ласково зовут – Шапочка. Не раз у матери припрашивал:

-Ты бы, мамонька, сшила мне новую шапку! Слышишь, - люди меня шапочкой зовут, а у меня тятин малахай, да и тот старый.

Дружбе ребячьей это не мешало. Лейка первый в драку лез, коли кто обзовет Ланка Пужанком.

-Какой он тебе Пужанко? Кого испугался?

Так вот и росли парнишечки рядом да ладком. Рассорки, понятно, случались, да не надолго. Промигаться не успеют, опять вместе.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться. От снегу до снегу домой только поесть да поспать прибегут. Мал ли в ту пору у ребят всякого дела: а бабки поиграть, шариком, порыбачить тоже, покупаться, за грибами сбегать, все горочки облазить, пенечки на одной ноге обскакать. Утянутся из дома с утра – ищи их! Только этих ребят не больно искали. Как вечером прибегут домой, так на них поварчивали:

-Пришел, наше шатало! Корми-то его!

Зимой по-другому приходилось. Зим, известно, всякому зверю хвост подождет и людей не обойдет. Ланка с Лейком зима по избам загоняла. Одежонка, видишь, слабая, обувька жиденькая, - не далеко в них ускочишь. Только и хватала тепла из избы в избу перебежать.

Чтоб большим под руку не подвергиваться, забьются оба на палаты, да там и посиживают. Двоим-то все-таки веселее. Когда и поиграют, когда про лето вспоминают, кода просто слушают, о чем большие говорят.

Вот раз сидят этак-то, а к Лейковой сестре Марьюшке подружки набежали. Время к новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься. Близко не пускают, а Марьюшка по-свойски еще подзатыльников надавала.

-Уходи на свое место!

Она, видишь, эта Марьюшка, из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов е было. Девушка будто и вовсе хорошая, да маленько

косоротенькая. Изъян вроде и не велик, а парни все же браковали ее из-за этого. Ну, она и сердилась.

Забились ребята на палаты, пыхтят да помалкивают, а девчонкам весело. Золу сеют, муку по столешнице раскатывают, угли перекидывают, в воде брызгаются. Перемазались все, с визгом хохочут одна над другой, только Марьюшке не весело. Она, видно, изверилась во всякой ворожке, говорит:

-Пустяк это. Одна забава.

Одна подружка на это и скажи:

-По доброму-то ворожить боязно.

-А как? – спрашивает Марьюшка.

Подружка рассказала.

-От бабушки слыхала, - самое правильное гадание будет такое. Надо вечером, как все уснут, свой гребешок на ниточке повесить на поветях, а на другой день, когда еще никто не пробудился, снять этот гребешок, - тут все и увидишь.

Все любопытствуют – как? А девчонка объясняет:

-Коли в гребешке волос окажется – в тот же год замуж выйдешь. Не окажется волоса – нет твоей судьбы. И про то догадать можно, какой волосом муж будет.

Ланко с Лейком заметили этот разговор и то смекнули, что Марьюшка непременно так ворожить станет. А оба в обиде на ее за подзатыльники-то. Ребята и сговорились:

-Подожди! Мы тебе припомним!

Ланко в тот вечер домой ночевать не пошел, у Лейка на полатах остался. Лежат, будто похрапывают, а сами друг дружку кулачками в бока подтыкают: гляди не усни!

Как большие все уснули, ребята слышат – Марьюшка в сенки вышла. Ребята за ней и углядели, как она на повети залезла и в котором месте там возилась. Углядели и скорее в избу. За ними следом Марьюшка прибежала. Дрожит, зубами чакает. То ли ей холодно, то ли боязно. Потом легла, поежилась маленько и, слышно стало, - уснула. Ребятам того и надо. Слезли с полатей, оделись, как пришлось, и тихонько вышли из избы. Что делать, об этом они уже сговорились.

У Лейка, видишь, мерин был, не то чалый, не то бурый, звали его Голубко. Ребята и придумали этого мерина Марьюшкиным гребешком вычесать. На поветях-то ночью боязно, только ребята один перед другим храбрятся. Нашли на поветях гребешок, начесали Голубка шерсти и гребешок на место повесили. После этого в избу пробрались и крепко накрепко заснули. Пробудились позднехонько. Из больших в избе одна Лейкова мать была – у печки топталась.

Пока ребята спали, тут все и случилось. Марьюшка утром поднялась раньше всех и достала свой гребешок. Видит волосу много. Обрадовалась – жених кудрявый будет. Побежала к подружкам похвастаться. Те глядят – что – то не вовсе ладно. Дивятся, какой волос чудной. Ну одного знакомого парня такого не видывали. Потом одна разглядела в гребешке волос от конского хвоста. Подружки и давай хохотать над Марьюшкой.

-У тебя, - говорят, - женихом –то Голубко оказался.

Марьюшке это за большую обиду, она разругалась с подружками, а те знай хохочут. Кличку ей объявили: Голубкова невеста.

Прибежала Марьюшка домой, жалуется матери – вот какое горе приключилось, а ребята с полатей поддразнивают:

-Голубкова невеста, Голубкова невеста!

Марьюшка тут вовсе разревелась, а мать смекнула, чьих это рук дело, закричала на ребят:

-Что вы, бесстыдники, наделали! Без того у нас девку женихи обходят, а вы ее на смех поставили.

Ребята поняли- вовсе неладно вышло, давай перекоряться:

-Это ты придумал!

-Нет, ты!

Марьюшка из этих перекоров тоже поняла, что ребята ей такую шутку подстроили, кричит им:

-Чтоб вам самим голубая змейка привиделась.

Тут опять на Марьюшку мать напустилась:

-Замолчи, дура! Разве можно такое говорить? На весь дом беду накличешь!

Марьюшка в ответ на это свое говорит:

-Мне что до этого! Не глядела бы на белый свет!

Хлопнула дверью, выбежала в ограду и давай там снеговой лопатой Голубка гонять, будто он в чем провинился. Мать вышла, сперва пристрожила девку, потом в избу увела, уговаривать стала. Ребята видят – не до них тут, утянулись к Ланку. Забились там на палаты и посиживают там смирнехонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь? И голубая змейка в головенках застряла. Шепотом спрашивают один у другого:

-Лейко, ты не слыхал про голубую змейку?

-Нет, а ты?

-Тоже не слыхивал.

Шептали, шептали, решили у больших спросить, когда дело маленько призамнется. Так и сделали. Как Марьюшкина обида позабылась, ребята и давай разузнавать про голубую змейку. Кого ни спросят, те отмахиваются:»Не знаю!» - да еще грозятся:

-Возьму вот прут и отвожу обоих! Забудете о таком спрашивать!

Ребятам от этого еще любопытнее стало: что за змейка такая, про которую и спрашивать нельзя?

Нашли-таки случай. По праздничному делу у Лана отец пришел домой порядком выпивши и сел у избушки на завалинке. А ребята знали, что он в такое время поговорить больно охоч. Ланко и подкатился.

-Тятя, ты видал голубую змейку?

Отец, хотя сильно выпивши был, даже отшатнулся, потрезвел и заклятье сделал:

-Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!

Пристрожил ребят, чтоб напередки такого не говорили, а сам все-таки выпивши, поговорить –то ему охота. Посидел так, помолчал, потом и

говорит:

-Пойдемте на бережок. Там свободнее про всякое сказывать.

Пришли на бережок, закурил Ленков отец трубку, оглянулся на все стороны и говорит:

-Так и быть, скажу вам, а то еще беды наделаете своими разговорами. Вот слушайте!

Есть в наших краях маленькая голубая змейка. Ростом не больше четверти и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве лет, так ни одна былинка не прогнется. Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головенку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что не догонишь ее. Когда она этак – то бежит, вправо от нее золотая струя сыплется, а влево черная – пречерная.

Одному увидеть голубую змейку прямо счастье: наверняка верховое золото окажется, где золотая струя прошла. И много его. Поверху большими кусками лежит. Только оно тоже с подводом. Если лишку захватишь да хоть капельку сбросишь, все в простой камень повернется. Второй раз тоже не придешь, потому место сразу забудешь.

Ну, а когда змейка двоим-троим либо целой артели покажется, тогда вовсе черная беда. Все перессорятся и такими ненавистниками друг дружке станут, что до смертоубийства дело дойдет. У меня отец на каторгу ушел из-за этой голубой змейки. Сидели как-то артелью и разговаривали, а она и покажись. Тут у них и пошла неразбериха. Двоих насмерть в драке убили, остальных пятерых на каторгу угнали. И золота никакого не оказалось. Потому вот про голубую змейку и не говорят: боятся, как бы она не показалась при двоих либо при троих. А показаться она везде может: в лесу и в поле, в избе и на улице. Да еще сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать ее все-таки можно. Как идет, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава и та под ней не гнется. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого – черная пыль сыплется.

Наговорил этак – то Ланков отец и наказывает ребятам:

- Смотрите, никому об этом не говорите и вдвоем про голубую змейку вовсе не поминайте. Когда в одиночку случится быть и кругом людей не видно, тогда хоть криком кричи.

- А как ее звать?- спрашивают ребята.

-Этого,- отвечает, - не знаю. А если бы знал, тоже бы не сказал, потому опасное это дело.

На этом разговор и кончился. Ланков отец еще раз настрого наказал ребятам помалкивать и вдвоем про голубую змейку даже не поминать.

Ребята сперва сторожились, один другому напоминал:

-Ты гляди про эту штуку не говори и не думай, как со мной вместе. В одиночку надо.

Только как быть, когда Лейко с Ланко всегда вместе и голубая змейка ни у того, ни у другого с ума не идет? Время к теплу подвинулось. Ручейки побежали. Первая весенняя забава около живой воды повозиться: лодочки пускать, запруды строить, меленки водой крутить. Улица по которой ребята жили, крутиком к пруду спускалась. Весенние ручейки тут скоро сбежали, а

ребята в эту игру не наигрались. Что делать? Они взяли по лопатке, да и побежали на завод. Там, дескать, из лесу еще долго ручейки бежать будут, на любом поиграть можно. Так оно и было. Выбрали ребята подходящее место и давай запруду делать, да поспорили, кто лучше умеет. Решили на деле проверить: каждому в одиночку плотинку сделать. Вот и разошлись по ручью-то. Лейко пониже, Ланко повыше, шагов поди на полсотни. Сперва перекликались.

-У меня, смотри-ко!

-А у меня! Хоть завод строй!

Ну, все-таки работа. Оба крепко занялись, помалкивают, стараются, как лучше сделать. У Лейка привычка была что-нибудь припевать за работой. Он и подбирает разные слова, чтобы всклад вышло:

Эй-ка, эй-ка,

Голубая змейка!

Объявись, покажись!

Колеском покрутись.

Только пропел, видит – на него с горки голубенькое колеско катится. До того легонькое, что сухие былинки под ним не сгибаются. Как ближе подкатилось, Лейко разглядел, это змейка колечком свернулась, головенку вперед уставила, да на хвостике и подскакивает. От змейки в одну сторону золотые искры летят, в другую черные струйки брызжут. Глядит на это Лейко, а Ланко ему кричит:

-Лейко, гляди-ко, вон она - голубая змейка!

Оказалось, что Ланко это же самое видел, только змейка к нему из-под горки поднималась. Как Ланко закричал, так голубая змейка и потерялась куда – то. Сбежались ребята, рассказывают друг другу, хвалятся:

-Я и глазки разглядел!

-А я хвостик видел. Она им упрется и подскочит.

-Думаешь, я не видел? Из колечка чуть высунулся.

Лейко, как он все-таки поживее был, побежал к своему пруду за лопаткой.

-Сейчас, - кричит, - золота добудем!

Прибежал с лопаткой и только хотел ковырнуть землю с той стороны, где золотая струя прошла, Ланко на него налетел.

- Что ты делаешь? Загубишь себя! Тут поди-ка черная беда рассыпана!

Подбежал к Лейку и давай его отталкивать. Тот свое кричит, упирается. Ну и разодрались ребята. Ланку с горки сподручнее, он и отталкивал Лейка подальше, а сам кричит:

-Не пушу в том месте рыться. Себя загубишь. Надо с другой стороны.

Тут опять Лейко набросился:

-Никогда этого не будет! Загинешь там. Сам видел, как в ту сторону черная пыль сыпалась.

Так вот и дрались. Один другого остерегает, а сами тумачи дают. До реву дрались. Потом разбираться стали, да и поняли, в чем штука: видели змейку с разных сторон, потому правая с левой и не сходятся. Подивились ребята.

-Как она нам головы закружила! Обоим навстречу показалась.

Насмеялась над нами, до драки довела, а к месту и не подступишься. В другой раз не прогневайся, не позовем. Умеем, а не позовем!

Решили так, а сами только о том и думают, чтобы еще раз поглядеть на голубую змейку. У каждого на уме и то было: не попытаться ли в одиночку. Ну, боязно, да и перед дружкой как-то нескладно. Недели две, а то и больше все-таки о голубой змейке не разговаривали. Лейко начал:

-А что, если нам еще раз голубую змейку позвать? Только чтоб с одной стороны глядеть.

Ланко добавил:

-И чтоб не драться, а сперва разобраться, нет ли тут обмана какого!

Сговорились так, захватили из дому по кусочку хлеба да по лопатке и пошли на старое место. Весна в том году дружная стояла. Прошлогодную ветошь всю зеленой травой закрыло. Весенние ручейки давно пересохли. Цветов много появилось. Пришли ребята к старым своим запрудам, остановились у Лейковой и начали припевать:

Эй-ка, эй-ка,
Голубая змейка!
Объявись, покажись!
Колеском покрутись.

Стоят, конечно, плечо в плечо, как уговорились. Оба босиком по теплomu времени. Не успели кончить припевку, от Ланковой запруды показалась голубая змейка. По молодой траве скоренько поскакивает. Направо от нее густое облачко золотой искры, налево – такое же густое – черной пыли. Катит змейка прямо на ребят. Они уже разбежаться хотели, да Лейко смекнул, схватил Ланка за пояс, поставил перед собой и шепчет:

-Не гоже на черной стороне оставаться!

Змейка все же их перехитрила, - меж ног у ребят прокатила. У каждого одна штанина золоченой оказалась, другая как дегтем вымазана. Ребята этого не заметили, смотрят, что дальше будет. Голубая змейка докатилась до большого пня и тут куда-то подевалась. Подбежали, видят: пень с одной стороны золотой стал, а с другой черным-чернехонек и тоже твердый, как камень. Около пня дорожка из камней, направо желтые, налево черные.

Ребята, конечно, не знали вескости золотых камней. Ланко сгоряча схватил один и чует – ой, тяжело, не донести такой, а бросить боится. Помнит, что отец говорил: сбросишь хоть капельку, все в простой камень перекинется. Он и кричит Лейку:

-Поменьше выбирай, поменьше! Этот тяжелый!

Лейко послушался, взял поменьше, а он тоже тяжелым показался. Тут он и понял, что у Ланка камень вовсе не под силу, и говорит:

-Брось, а то надорвешься!

Ланко отвечает:

-Если брошу все в простой камень обернется.

-Брось, говорю! – кричит Лейко, а Ланко упирается: нельзя. Ну, опять дракой кончилось. Подрались, наревелись, подошли еще раз посмотреть на пенек да на каменную дорожку, а ничего не оказалось. Пень как пень, а никаких камней, ни золотых, ни простых, вовсе нет. Ребята и судят:

-Обман один эта змейка. Никогда больше думать о ней не будем.

Пришли домой, там им за штаны попало. Матери отмузузили и того и другого, а сами дивятся:

-Как-то им пособит и вымазаться на один лад! Одна штанина в глине, другая – в дегтю! Ухитриться тоже надо!

Ребята после этого вовсе на голубую змейку осердились:

-Не будем о ней говорить!

И слово свое твердо держали. И ни разу с той поры у них разговору о голубой змейке не было. Даже в то место, где ее видели, ходить перестали.

Раз ребята ходили за ягодами. Набрали по полной корзиночке, вышли на покосное место и сели тут отдохнуть. Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано да у кого ягода крупнее. Ни тот, ни другой о голубой змейке и не думал. Только видят – прямо к ним через покосную лужайку идет женщина. Ребята сперва этого в примету не взяли. Мало ли женщин в лесу в эту пору: кто за ягодами, кто по покосным делам. Одно показалось им непривычным: идет, как плывет, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели – ни один цветок, ни одна травинка под ней не согнется. И то углядели, что с правой стороны от нее золотое облачко колышется, а с левой – черное. Ребята и уговорились:

-Отвернемся. Не будем смотреть! А то опять до драки доведет.

Так и сделали. Повернулись спинами к женщине, сидят и глаза зажмурили. Вдруг их подняло. Открыли глаза, видят – сидят на том же месте, только примятая трава поднялась, а кругом два широких обруча, один золотой, другой чернокаменный. Видно, женщина обошла их кругом да из рукавов насыпала. Ребята кинулись бежать, да золотой обруч не пускает: как перешагивать – он поднимается, и поднырнуть тоже не дает. Женщина смеется:

-Из моих кругов никто не выйдет, если сама не уберу.

Тут Лейко с Ланком взмолились:

-Тетенька, мы тебя не звал.

-А я, - отвечает, - сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

-Отпусти, тетенька, мы больше не будем. И без того два раза подрались из-за тебя!

-Не всякая, - говорит, - драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли. Недаром золотым обручем от черной беды вас отгородила. Хочу еще испытать.

Насыпала из правого рукава золотого песка, из левого черной пыли, смешала на ладони, и стала у нее плитка черно-золотого камня. Женщина эту плитку прочертила ногтем, и она распалась на две ровнешенькие половинки. Женщина подала половинки ребятам и говорит:

-Коли который другому хорошее задумает, у того плиточка золотой станет, коли пустяк – выйдет бросовый камешок.

У ребят давно на совести лежало, что они сильно Марьюшку обидели. Она хоть с той поры ничего им не говорила, а ребята видели: стала она вовсе не веселая. Теперь ребята про это и вспомнили, и каждый пожелал:

-Хоть поскорее прозвище Голубкова невеста забылось и вышла бы Марьюшка замуж!

Пожелали так, и плиточки у обоих стали золотые. Женщина улыбнулась.

-Хорошо подумали. Вот вам за это награда.

И подает им по маленькому кожаному кошельку с ременной завязкой.

Тут, говори, - золотой песок. Если большие станут спрашивать, где взяли, скажите прямо: «Голубая змейка дала, да больще ходить за этим не велела». Не посмеет дальше разузнавать.

Поставила женщина обручи на ребро, облокотилась на золотой правой рукой, на черный - левой и покатила по лесной лужайке. Ребята глядят – не женщина это, а голубая змейка, и обручи в пыль перешли. Правый – в золотую, левый – в черную.

Постояли ребята, запрятали свои золотые плиточки по карманам и пошли домой. Только Ланко промолвил:

-Не жирно все-таки отвалила нам золотого песку.

Ланко на это говорит:

-Столько, видно, заслужили.

Дорогой Лейко чувствует – сильно потяжелело у него в кармане. Еле вытащил свой кошелек, до того он вырос. Спрашивает у Ланка.:

- У тебя тоже кошелек вырос?

-Нет, - отвечает, - такой же, как был.

Лейко неловко показаться перед дружкойм, что песку у них не поровну, он и говорит:

-Давай отсыплю тебе.

- Ну что ж, - отвечает, - отсыпь, если не жалко.

Сели ребята близ дороги, развязали свои кошельки, хотели выровнять, да не вышло. Возьмет Лейко из своего кошелька горсточку золотого песку, а он в черную пыль перекинется. Ланко тогда и говорит:

-Может, все – то опять обман.

Взял щепотку из своего кошелька. Песок как песок, настоящий золотой. Высыпал щепотку Лейку в кошелек – перемены не вышло. Тогда Ланко понял: обидела его голубая змейка за то, что пожадничал на даровщину. Сказал об этом Лейку, и кошелек на глазах стал прибывать. Домой пришли оба с полнехонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка велела.

Все, понятно, радуются, а у Лейка в доме еще новость: а к Марьюшке приехали сваты из другого села. Марьюшка веселехонька бегают, и рот у нее в полной исправе. От радости, что ли? Жених, верно, какой – то чубарый волосом, а парень веселый, к ребятам ласковый. Скоренько с ним сдружились.

Голубую змейку с той поры ребята никогда не вызывали. Поняли, что она сама наградой прикатит, если заслужишь, и оба удачливы в своих делах были. Видно, помнила их змейка и черный обруч от них золотым отделяла.

Вопросы:

1. Кто главный герой сказа?

2. Как Ланко и Лейко подшутили над Марьюшкой?

3. Почему им потом стыдно стало?
4. Что рассказал мальчишкам Ланков отец о Голубой змейке?
5. Как произошла первая встреча мальчиков с Голубой змейкой и чем закончилась.
6. Почему мальчики подрались?
7. Что имела в виду Голубая змейка, говоря «Не всякая драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались»?
8. Разве можно по-хорошему драться?
9. Прошли ли испытания мальчики Голубой змейкой?
10. За что обделила Ланко Голубая змейка?
11. Почему потом кошелек его опять «на глазах стал прибывать»?
12. Какая радость ожидала ребят дома?
13. Откуда жених у Марьюшки взялся?
14. Какими чертами характера должен обладать человек, чтобы ему Голубая змейка показала?

Павел Петрович Бажов

Малахитовая шкатулка

У Настасьи, Степановой-то вдовы, шкатулка малахитовая осталась. Со всяким женским прибором. Кольца там, серьги и протча по женскому обряду. Сама Хозяйка Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он еще жениться собирался.

Настасья в сиротстве росла, не привыкла к этому – то богатству, да и не шибко любительница была моды выводить. С первых годов, как жили со Степаном, надевывала, конечно, из этой шкатулки. Только не к душе ей пришлось. Наденет кольцо... Ровно как раз в пору, не жмет, не скатывается, а пойдет в церкву или в гости куда – замается как закованный палец-то, в конце нали посинеет. Серьги навесит – хуже того. Уши так оттянет, что мочки распухнут. А на руку взять – не тяжелее тех, какие Настасья всегда носила. Буски в шесть ли семь рядов только раз и примерила. Как лед кругом шеи – то и не согреваются нисколько. А люди те буски вовсе не показывала. Стыдно было.

- Ишь, скажут, какая царица в Полевой выискалась!

Степан тоже не понуждал жену носить из этой шкатулки. Раз даже как-то сказал:

-Убери-ко куда от греха подальше.

Настасья и поставила шкатулку в самый нижний сундук, где холсты и протча про запас держат

Как Степан умер да камешки у него в мертвой руке оказались, Настасье и причтелось ту шкатулку чужим людям показать. А вот знающий, который про Степановы камешки обсказал, и говорит Настасье потом, как народ схлынул:

-Ты, гляди, не мотни эту шкатулку за пустяк. Больших тысяч она стоит.

Он, этот человек-то, ученый был, тоже из вольных. Ране – то в щегорях ходи, да его отстранили: ослабу-де народу дает. Ну, и винцом не брезговал. Тоже добра кабацка затычка был, не тем будь помянут, покойна головушка. А так во всем правильный. Прошенье написать, пробу смыть, знаки оглядеть - все по совести делал, не как иные прочие, абы на полштофа сорвать. Кому-

кому, а ему всяк поднесет стаканушку праздничным делом. Так он на нашем заводе и до смерти дожил. Около народа питался.

Настасья от мужа слыхала, что этот щегарь правильный и в делах смысленый, даром что к винишку пристрастье поимел. Ну, и послушалась его.

-Ладно, - говорит, -поберегу на черный день.- И поставила шкатулку на старо место.

Схоронили Степана, сорочины отправили честь честью. Настасья – баба в соку да с достатком, стали к ней присватываться. А она, женщина умная, говорит всем одно:

-Хоть золотой второй, а все робятам вотчим.

Ну, отстали по времени.

Степан хорошее обеспечение семье оставил. Дом справный, лошадь, корова, обзаведение полное. Настасья баба работающая, робятишки пословные, охтимнеченьки живут. Год живут, два живут, три живут. Ну, забеднели все-таки. Где же одной женщине с малолетками хозяйство управить! Тоже ведь и копейку добыть где-то надо. На соль хоть. Тут родня и давай Настасье в уши напевать:

-Продай шкатулку-то! На что она тебе? Что впусте добру лежать. Все едино и Танюшка, как вырастет носить не будет. Вон там штучки какие! Только барам и купцам впору покупать. С нашим-то ремьем не наденешь эко место. А люди деньги бы дали. Разоставок тебе.

Однем словом, наговаривают. И покупатель как ворон на кости, налетел. Из купцов все. Кто сто рублей дает, кто двести.

-Робят –де твоих жалеем, по вдовьему положению снисхождение делаем.

Ну, оболванить ладят бабу, да не на ту попали.

Настасья хорошо запомнила, что ей старый щегарь говорил, не продает за такой пустяк. Тоже и жалко. Как не как женихово подарение, мужнина память. А пуще того девчонка у нее младшенькая слезами улилась, просит:

-Мамонька не продавай! Мамонька, не продавай! Лучше я в люди пойду, а тятину память побереги.

От Степана, вишь осталось трое ребятишек-то. Двое парнишечки. Робята как робята, а эта, как говорится, ни в мать ни в отца. Еще при Степановой бытности, как вовсе маленькая была, на эту девчонку дивовались. Не то что девки-бабы, а и мужики Степану говорили:

-Не иначе это у тебя, Степан, из кистей выпало. В кого только зародилась! Сама черненькая да басенька, а глазки зелененьки. На наших девчонок будто и вовсе не походит.

Степан пошутит, бывало:

-Это не диво, что черненька. Отец-то ведь с малых лет в земле скыркался. А что глазки зеленые – тоже дивить не приходилось. Мало ли я малахиту барину Турчанинову набил. Вот памятка мне и осталась.

Так эту девчоночку Памяткой и звал. «Ну-ка ты, Памятка моя!»И когда случилось ей что покупать, так завсегда голубенького либо зеленого принесет.

Вот и росла та девчоночка на примете у людей. Ровно и всамделе

гарусинка из праздничного пояса выпала- далеко ее видно. И хоть она не шибко к чужим людям ластилась, а всяк ей _ Танюшка да Танюшка. Самые завидущие бабешки и те любовались. Ну как – красота! Всякому мило. Одна мать повздыхивала:

-Красота – то красота, да не наша. Ровно кто подменил мне девчонку.

По Степану шибко эта девчоночка убивалась. Чисто уревелась вся, с лица похудела, одни глаза остались. Мать и придумала дать Танюшке ту шкатулку малахитову – пуцай – де позабавится. Хоть маленька, а девчоночка, - с малых лет им лестно на себя-то навздевать. Танюшка и занялась разбирать эти штучки. И вот диво – которую примеряет, та и о ней. Мать – то иное и не знала к чему, а эта все знает. Да еще и говорит:

-Мамонька, сколь хорошо тятино – то подаренье! Тепло о т него, будто на пригревенке сидишь, да еще кто тебя мягким гладит.

Настасья сама нашивала, помнит, как у нее пальцы затекали, уши болели, шея не мола согреться. Вот и думает: «Неспроста это. Ой, неспроста!»- да поскорее шкатулку – то опять в сундук. Только Танюшка с той поры нет-нет и запросит:

-Мамонька, дай поиграть тятиным подарением!

Настасья когда и пристрожит, ну, материнское сердце – пожалеет, достанет шкатулку, только накажет:

-Не изломай чего!

Потом, когда подросла Танюшка, она сама стала шкатулку доставать. Уедет мать со старшими парнишечками на покос или еще куда, Танюшка останется домовничать. Сперва, конечно, управит, что мать наказывала. Ну, чашки-ложки перемыть, скатерку стряхнуть, в избе-сенях веничком подмахнуть, куричешкам корму дать, в печке поглядеть. Справит все поскорее, да за шкатулку. Из верхних –то сундуков к тому времени один остался, да и тот легонький стал. Танюшка сдвинет его на табуреточку, достанет шкатулку и перебирает камешки, любитесь, на себя примеряет.

Раз к ней и забрался хитник. Толи он в ограде с позаранку прихоронился, то ли потом незаметно где пролез, только из суседей никто не видал, чтобы он по улице проходил. Человек не знамый, а по делу видать – кто – то навел его, весь порядок обсказал.

Как Настасья уехала, Танюшка побегала много-мало по хозяйству и забралась в избу поиграть отцовскими камешками. Надела наголовник, серьги навесила. В это время пых в избу этот хитник. Танюшка оглянулась – на пороге мужик незнакомый, с топором. И топор – то ихний. В сенках, в уголочке стоял. Только что Танюшка его переставляла, как в сенках мела. Испугалась Танюшка, сидит, как замерла, а мужик сойкнул, топор выронил и обеими руками глаза захватил, как обожгло их. Стонет-кричит:

-Ой, батюшки, ослеп я! Ой, ослеп! – а сам глаза трет

Танюшка видит – неладно с человеком, стала спрашивать:

-Ты как, дяденька, к нам зашел, пошто топор взял?

А тот знай стонет да глаза свои трет. Танюшка его и пожалела – зачерпнула ковшик воды, хотела подать, а мужик так и шарахнулся спиной к двери.

-Ой, не подходи!- Так в сенках и сидел и двери завалил, чтобы

Танюшка ненароком не выскочила. А она нашла ход – выбежала через окошко и к соседям. Ну, пришли. Стали спрашивать, что за человек, каким случаем? Тот промигался маленько, объясняет – проходящий – де, милостинку хотел попросить, да что-то попритчилось.

-Как солнце ударило. Думал – вовсе ослепну. От жары, что ли.

Про топор и камешки Танюшка соседям не сказала. Те и думают:

«Пустяжное дело. Может сама же забыла ворота запереть, вот проходящий и зашел, а тут с ним и случилось что-то. Мало ли бывает».

До Настасьи все-таки проходящего напустили. Когда она с сыновьями приехала, этот человек ей рассказал, что соседям рассказал. Настасья видит – все в сохранности, вязаться не стала. Ушел тот человек, и соседи тоже.

Тогда Танюшка матери и выложила, как дело было. Тут Настасья и поняла, что за шкатулкой приходил, да взять – то ее, видно, не просто. А сама думает:

«Оберегать – то ее все-таки покрепче надо».

Взяла да потихоньку от Танюшки и других робят зарыла ту шкатулку в голбец.

Уехали опять все семейные. Танюшка хватилась шкатулки, а ее быть бывало. Горько это показалось Танюшке, а тут вдруг теплом ее опажнуло. Что за штука? Откуда? Оглянулась, а из-под полу свет. Танюшка испугалась – не пожар ли? Заглянула в голбец, там в одном уголке свет. Схватила ведро, плеснуть хотела – только ведь огня- то нет и дымом не пахнет. Покопалась в том месте, видит – шкатулка. Открыла, а камни-то ровно еще краше стали. Так и горят разными огоньками, и светло от них, как при солнышке. Танюшка и в избу не потащила шкатулку. Тут в голбце и наигралась досыта.

Так с той поры и повелось. Мать думает: «Вот хорошо спрятала, никто не знает», - а дочь, как домовничать, так и урвет часок поиграть дорогим отцовским подарением. Насчет продажи Настасья и говорить родне не давала.

-По миру впору придет – тогда продам.

Хоть круто ей приходилось, - а укрепились. Так еще сколько –то годов перемогались, дальше на поправу пошло. Старшие ребята стали зарабатывать маленько, да и Танюшка не сложа руки сидела. Она, слыш-ко, научилась шелками да бисером шить. И так научилась, что само-лучшие барские мастерицы руками хлопали – откуда узоры берет, где шелка достает?

А тоже случаем вышло. Приходит к ним женщина. Небольшого росту, чернявая, в Настасьиных уж годах, а востроглазая, и, по всему видать, шмыгало такое, что только держись. На спине холщевая котомочка, в руке черемуховый бодожок, вроде как странница. Просится у Настасьи:

- Нельзя ли, хозяйюшка, у тебя денек – другой отдохнуть? Ноженьки не несут, а идти не близко.

Настасья сперва подумала, не подслана ли опять за шкатулкой, потом все-таки пустила.

-Места не жалко. Не пролежишь поди и с собой не унесешь. Только вот кусок – то у нас сиротский. Утром – лучок с кваском, вечером квасок с

лучком, вся и перемена. Отощать не боишься, так милости просим, живи сколь надо.

А странница уж бодожок свой поставила, котомку на припечье положила и обуточки снимает. Настасье это не по нраву пришлось, а смолчала.

«Ишь неочесливая! Приветить ее не успели, а она нако – обутки сняла и котомочку развязала.»

Женщина и верно котомочку расстегнула манит к себе Танюшку.

-Иди-ко, дитятко, погляди на мое рукоделье. Коли поглянется, и тебя выучу... Видать, цепкий глазок –от на это будет.

Танюшка подошла, а женщина и подает ей ширинку маленькую, концы шелком шиты. И такой –то, слыш-ко, жаркий узор на той ширинке, что ровно в избе светлее и теплее стало.

Танюшка так глазами и впилась, а женщина посмеивается.

Поглянулось, знать, доченька, мое рукодельице? Хочешь – выучу?

Хочу, - говорит.

Настасья так и взъелась:

-И думать забудь! Соли купить не на что, а ты придумала шелками шить! Припасы –то поди-ко денег стоят.

Про то не беспокойся, хозяйюшка, - говорит странница. – Будет понятие у доченьки – будут и припасы. За твою хлеб соль оставлю ей – надолго хватит. А дальше сама увидишь. За наше-то мастерство денежки платят. Не даром работу отдаем. Кусок имеем.

Тут Настасье уступить пришлось.

-Коли припасов уделишь, так о чем не поучиться. Пущай поучится, сколь понятия хватит. Спасибо тебе скажу.

Вот эта женщина и занялась Танюшку учить. Скорехонько Танюшка все переняла, будто раньше которое знала. Да вот еще что, Танюшка не то что к чужим, к своим неласковая была, а к этой женщине так и льнет, так и льнет. Настасья скося а поглядывала:

«Нашла себе новую родню. К матери не подойдет, а к бродяжке прилипла!»

А та еще ровно дразнит, все Танюшку дитятком да доченькой зове, а крещеное имя ни разочку не помянула. Танюшка видит, что мать в обиде, а не может себя сдержат. До того, слыш-ко, вверилась этой женщине, что ведь рассказала ей про шкатулку-то!

-Есть, - говорит, - у нас дорогая тятинка памятка – шкатулка малахитова. Вот где каменя! Век бы на них глядела.

-Мне покажешь, доченька? – спрашивает женщина. Танюшка даже не подумала, что это неладно.

-Покажу, - говорит, - когда дома никого из семейных не будет.

Как вывернулся такой часок, Танюшка и позвала ту женщину в голбец. Достала Танюшка шкатулку, показывает, а женщина поглядела маленько, да и говорит:

-Надень -ко на себя – виднее будет.

Ну Танюшка, - не того слова, - стала надевать, а та знай похваливает:

-Ладно, доченька, ладно! Капельку только поправить надо.

Подошла поближе, да и давай пальцем в камешки тыкать. Который заденет – тот и загорится по другому. Танюшке иное видно, иное – нет. После этого женщина и говорит:

-Встань-ко, доченька, пряменько.

Танюшка встала, а женщина и давай ее потихоньку гладить по волосам, по спине. Всю огладила, а сама наставляет:

-Заставлю тебя повернуться, так ты, смотри, на меня не оглядывайся. Вперед гляди, примечай, что будет, а ничего не говори. Ну, поворачивайся!

Повернулась Танюшка – перед ней помещение, какого она отрядясь не видывала. Не то церква, не то что. Потолки высоченные на столбах из чистого малахиту. Стены тоже в рост человека малахитом выложены, а по верхнему карнизу малахитовый узор прошел. Прямо перед Танюшкой, как вот в зеркале, стоит красавица, про каких только в сказках сказывают. Волосы, как ночь, а глаза зеленые. И вся – то она изукрашена дорогими камнями, а платье на ней из зеленого бархату с переливом. И так это платье сшито, как вот у цариц на картинках. На чем только держится. Со стыда бы наши заводские сгорели на людях такое надеть, а эта зеленоглазая стоит себе спокойнешенько, будто так и надо. Народу в то помещении полно. По-городски одеты, и все в золоте да заслугах. У кого спереду навешано, у кого сзади нашито, а у кого и со всех сторон. Видать, самое вышнее начальство. И бабы ихние тут же. Тоже голоруки, гологруды, камнями увешаны. Только где им до зеленоглазой! Ни одна в подметки не годится.

В ряд с зеленоглазой какой-то белобрысенький. Глаза враскос, уши пенечками, как есть заяц. А одежда на нем – уму помраченье. Этому золота – то мало показалось, так он, слышь – ко, на обо. Камни насадил. Да такие сильные, что, может, в десять лет один такой найдут. Сразу видать – заводчик это. Лопочет тот заяц зеленоглазой – о, а она хоть бы бровью повела, будто его вовсе нет.

Танюшка глядит на эту барыню, дивится на нее и только тут заметила:

-Ведь каменья – то на ней тятины! – Сойкала Танюшка, и ничего не стало.

А женщина та посмеивается:

-Не доглядела, доченька! Не тужи, по времени доглядишь.

Танюшка, конечно, спрашивается где это такое помещенье?

-А это, - говорит, - царский дворец. Та самая палата, коя здешним малахитом изукрашена. Твой покойный отец его добывал-то.

-А это кто в тятиных уборах и какой это с ней заяц?

-Ну, этого не скажу, сама скоро узнаешь

В тот же день, как пришла Настасья домой, эта женщина собираться в дорогу стала. Покланялась низенько хозяйке, подала Танюшке узелок с шелками да бисером, потом достала пуговку махонькую. То ли она из стекла, то ли из дурмашка на простую грань обделана.

Подает Танюшке, да и говорит:

-Прими – ка, доченька, от меня памятку. Как что забудешь по работе либо трудный случай подойдет, погляди на эту пуговку. Тут тебе ответ будет.

Сказала так – то и ушла. Только ее и видели.

С той поры Танюшка и стала мастерицей, а уж в годы входить стала,

вовсе невестой глядит. Заводские парни о Настасьины окошки глаза обмозолили, а подступить к Танюшке боятся. Вишь, неласковая она, невеселая, да и за крепостного где же вольная пойдет. Кому охота петлю надевать?

В барском доме тоже проведали про Танюшку из-за мастерства – то ее. Подсылать к ней стали. Лакея помоложе да поладнее оденут по-городски, часы с цепкой дадут и пошлют к Танюшке, будто за делом каким. Думают, не обзарится ли девка на экого молодца. Тогда ее обратять можно. Толку все –таки не выходило. Скажет Танюшка что по делу, а другие разговоры того лакея безо внимания. Надоест, так еще надсмешку подстроит:

-Ступай-ко, любезный, ступай! Ждут ведь. Боятся поди, как бы у тебя часы потом не изошли и цепка не помедела. Вишь, без привычки то как ты их мозолишь

Ну, лакею или другому барскому службе эти слова, как собаке кипяток.

Бежит как ошпаренный, фырчит про себя:

-Разве это девка? Статуй каменный, зеленоглазый! Таковую ли найдем!

Фырчит так –то а самого уж захлестнула. Которого пошлют, забыть не может Танюшкину красоту. Как привороженного к тому месту тянет – хоть мимо пройти, в окошко поглядеть. По праздникам чуть не всему заводскому холостяжнику дело на той улице. Дорогу у самых окошек проторили, а Танюшка и не глядит.

Суседки уж стали Настасью корить:

-Что это у тебя Татьяна шибко высоко себя повела? Подружек у ней нет, на парней глядеть не хочет. Царевича-королевича ждет аль в Христовы невесты ладится?

Настасья на эти покоры только вздыхает:

-Ой, бабоньки, и сама не ведаю. И так-то у меня девка мудреная была, а колдунья эта проходящая в конец ее извела. Станешь с ней говорить, а она уставится на свою колдовскую пуговку и молчит. Так бы и выбросила эту проклятую пуговку, да по делу она ей в пользу. Как шелка переменить или что, так в пуговку глядит. Казала и мне, да у меня, видно глаза тупы стали, не вижу. Налупила бы девку, да, вишь, она у нас старательница. Почитай, ее работой только и живем. Думаю-думаю так –то, и зареву. Ну, тогда она скажет:»Мамонька, ведь знаю я, что тут моей судьбы нет. Только никого и не привечаю и на игрища не хожу. Что зря людей в тоску вгонять? А что под окошком сижу, так работа моя того требует. За что на меня приходишь? Что я худого сделала?» Вот и ответ ей!

Ну, жить все-таки ладно стали. Танюшкино рукоделие на моду пошло. Не то, что в заводе аль в нашем городе, по другим местам про него узнали, заказы посылают и деньги платят немалые. Доброму мужику впору столько – то заработать. Только тут беда их и пристигла – пожар случился. А ночью дело было. Пригон, завозня, лошадь, корова, снасть всяка – все сгорело. С тем только и остались, в чем выскочили. Шкатулку, однако, Настасья выхватила, успела-таки. На другой день и говорит:

-Видно, край пришел – придется продать шкатулку.

Сыновья в один голос:

- Продавай, мамонька. Не продешеви только.

Танюшка украдкой на пуговку поглядела, а там зеленоглазая маячит – пущай продают. Горько стало Танюшке, ч что поделаешь? Все равно уйдет отцова памятка этой зеленоглазой. Вздохнула и говорит:

-Продавать, так продавать. -И даже не стала на прощанье те камни глядеть И то сказать – у соседей приютились, где тут раскладываться.

Придумали так – продать то, а купцы уж тут как тут. Кто, может, сам и поджог-то подстроил, чтобы шкатулкой завладеть. Тоже ведь народишко-то-ноготок, доцарапается! Видят – робята подросли – больше дают. Пятьсот там, семьсот, один до тысячи дошел. По заводу деньги не малые, можно на них обзавестись. Ну, Настасья запросила все-таки две тысячи. Ходят, значит, к ней, рядятся. Накидывают помаленьку, а сами друг у друга таятся, сговориться меж собой е могут. Вишь, кусок – то такой – ни одному отступить не охота. Пока они так – то ходили, в Полевую и приехал новый приказчик.

Когда ведь они - приказчики-то – подолгу сидят, а в те годы им какой –то перевод случился. Душного козла, который при Степане был, старый барин на Крылатовско за вонь отставил. Потом был Жареный Зад. Рабочие его на болванку посадили. Тут заступил Северьян Убойца. Этого опять Хозяйка Медной горы в пусту породу перекинула. Там еще двое ли, трое каких то были, а потом и приехал этот.

Он, сказывают, из чужестранных земель был, на всяких языках будто говорил, а по-русски похуже. Чисто –то выговаривал одно –пороть. Свысока так, с растяжкой – пароть! Его Паротей и прозвали.

На деле этот Паротя не шибко худой был. Он хоть кричал, а вовсе народ на пожарну не гонял. Тамошним охлестышам вовсе и дела не стало. Вздохнул маленько народ при этом Пароте.

Тут, вишь, штука – то в чем. Старый барин к той поре вовсе утлый стал, еле ногами перебирал. Он и придумал сына женить на какой –то там графине ли, что ли. Ну, а у этого молодого барина была поллюбовница, и он к ней большую приверженность имел. Как делу быть? Неловко все-таки. Что новые сватовья скажут? Вот старый барин и стал сговаривать женщину – сынову – то поллюбовницу – за музыканта. У барина же этот музыкант служил. Робятишек на музыках обучал и так разговору чужестранному, как ведется по ихнему положено.

-Чем, - говорит, - тебе так – то жить на худой славе, выходи-ко ты замуж. Приданым тебя оделю, а мужа приказчиком в Полевую пошлю. Там дело направлено, пущай только построже народ держит. Хватит поди на это толку, что хоть и музыкант. А ты с ним лучше лучшего проживешь в Полевой – то. Первый человек, можно сказать, будешь. Почет тебе, уважение от всякого. Чем плохо? Бабочка сговорная оказалась. То ли она в рассорке с молодым барином была, толи хитрость поимела.

-Давно, - говорит, об этом мечтанье имела, да сказать не насмелмлась.

Ну, музыкант, конечно, сперва уперся:

-Не желаю, - шибко про нее худа слава, потаскуха вроде.

Только барин – старичонко хитрой. Недаром заводы нажил. Живо обломал этого музыканта. Припугнул чем, али улестил, либо подпоил – ихнее дело, только вскорости свадьбу справили, и молодые поехали в

Полевую. Так вот Паротя и появился в нашем заводе. Недолго только прожил, а так – что зря говорить – человек не вредный. Потом, как Полторы Хари вместо его заступил – из своих заводских, так жалели даже этого Паротю.

Приехал с женой Паротя как раз в ту пору, как купцы Настасью обхаживали. Паротина баба тоже видная была. Белая да румяная – одним словом, любовница. Небось худу – то бы не взял барин. Тоже поди выбирал! Вот эта Паротина жена и прослышала – шкатулку продают. Дай-ко, думает, посмотрю, может, всамделе стоящее что». Живехонько снарядилась и прикатила к Настасье. Им ведь лошадки – то заводские завсегда готовы!

- Ну-ко, - говорит, - милая, покажи, какие - такие камешки продаешь?

Настасья достала шкатулку, показывает. У Паротиной бабы и глаза заблестели. Она, слыш-ко, в Сам-Петербурхе воспитывалась, в заграницах разных с молодым барином бывала, толк в этих нарядах имела. «Что же это, думает, такое? У самой царицы эдаких украшений нет, а тут нако – в Полевой, у погорельцев! Как бы только не сорвалась покупочка».

- Сколько, - спрашивает, - просишь?

Настасья говорит:

-Две тысячи охота взять.

-Ну, милая, собирайся! Поедем ко мне со шкатулкой. Там деньги с полна получишь.

Настасья, однако, на это не подалась.

-У нас, - говорит, - такого обычая нет, чтобы хлеб за брюхом ходил. Принесешь деньги – шкатулка твоя. Барыня видит – вон какая женщина, - живо скрутилась за деньгами, а сама наказывает:

-Ты уж, милая, не продавай шкатулку.

Настасья отвечает:

-Это будь в надеже. От своего слова не отступлюсь. До вечера ждать буду, а дальше моя воля.

Уехала Паротина жена, а купцы – то и набежали все разом. Они, вишь, следили. Спрашивают:

-Ну, как!

-Запродала,- отвечает Настасья.

-За сколь?

-За две, как назначила.

- Что ты, - кричат, - ума решилась али что? В чужие руки отдаешь? – И давай – ко цену набавлять.

Ну, Настасья на эту удочку не клюнула.

- Это, - говорит, - вам привышно дело в словах вертеться, а мне не доводилось. Обнадежила женщину, и разговору конец!

Паротина баба крутехонько обернулась. Привезла деньги, передала из ручки в ручку, подхватила шкатулку и айда домой. Только на порог, а навстречу Танюшка. Она, вишь, куда-то ходила, и вся эта продажа без нее была. Видит – барыня какая – то и со шкатулкой. Уставилась на нее Танюшка – дескать, не та ведь, какую тогда видела. А Паротина жена пуще того воззрилась.

- Что за наваждение? Чья такая? – спрашивает.

-Дочерью люди зовут, - отвечает Настасья.- Самая как есть наследница шкатулки-то, кою ты купила. Не продала бы, кабы не край пришел. С малолетства любила этими уборами играть. Играет да нахваливает – как – де от них тепло да хорошо. Да что об этом говорить! Что с возу пало – то пропало!

-Напрасно, милая так думаешь, - говорит Паротина баба. –Найду я местечко этим камням. – А про себя думает: «Хорошо, что эта зеленоглазая силы своей не чует. Покажись такая в Сам-Петербурге, царями бы вертела. Надо, - мой – то Турчанинов ее не увидал».

С тем и разошлись.

Паротина жена, как приехала домой, похвасталась:

-Теперь, друг любезный, я не то что тобой, и Турчаниновым не понуждаюсь. Чуть что – до свидания! Уеду в Сан-Петербург – либо, того лучше, в зарницу, продам шкатулочку и таких-то мужей, как ты, две дюжины куплю, коли надобность случится.

Похвасталась, а показать на себе новокупку все-таки охота. Ну как – женщина! Подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила.- Ой,ой, что такое! – Терпенья нет – крутит и дерет волосы –то. Еле выпростала. А найдется. Серьги надела – чуть мочки не разорвало. Палец в перстень сунула – заковало, еле с мылом стащила. Муж посмеивается: не таким, видно, носить!

А она думает:

«Что за штука? Надо в город ехать, мастеру показать. Подгонит как надо, только бы камни не подменил».

Сказано — сделано. На другой день с утра укатила. На заводской-то тройке ведь недалеко. Узнала, какой самый надежный мастер — и к нему. Мастер старый-престарый, а по своему делу дока. Оглядел шкатулку, спрашивает, у кого куплено. Барыня рассказала, что знала. Оглядел еще раз мастер шкатулку, а на камни и не взглянул даже.

— Не возьмусь,— говорит,— что хошь давайте. Не здешних это мастеров работа. Нам несподручно с ними тягаться.

Барыня, конечно, не поняла, в чем тут закорючка, фыркнула и побежала к другим мастерам. Только все как сговорились: оглядят шкатулку, полюбуются, а на камни не смотрят и от работы наотрез отказываются. Барыня тогда на хитрости пошла, говорит, что эту шкатулку из Сам-Петербурга привезла. Там все и делали. Ну, мастер, которому она это плела, только рассмеялся.

— Знаю,— говорит,— в каком месте шкатулка делана, и про мастера много наслышан. Тягаться с ним всем нашим не по плечу. На одного кого тот мастер подгоняет, другому не подойдет, что хошь делай.

Барыня и тут не поняла всего-то, только то и уразумела — неладно дело, боятся кого-то мастера. Припомнила, что старая хозяйка сказывала, будто дочь любила эти уборы на себя надевать.

«Не по этой ли зеленоглазой подгонялись? Вот беда-то!»

Потом опять переводит в уме:

«Да мне-то что! Продам какой ни есть богатой дуре. Пушай мается, а денежки у меня будут!» С этим и уехала в Полевою.

Приехала, а там новость: весточку получили — старый барин приказал долго жить. Хитренько с Паротей-то он устроил, а смерть его перехитрила — взяла и стукнула. Сына так и не успел женить, и он теперь полным хозяином стал. Через малое время Паротина жена получила писемышко. Так и так, моя любезная, по вешней воде приеду на заводах показаться и тебя увезу, а музыканта твоего куда-нибудь законопатим. Паротя про это как-то узнал, шум-крик поднял. Обидно, вишь, ему перед народом-то. Как-никак приказчик, а тут вон что — жену отбирают. Сильно выпивать стал. Со служащими, конечно. Они рады стараться на даровщинку-то. Вот раз пировали. Кто-то из этих запивох и похвастан:

— Выросла-де у нас в заводе красавица, другую такую не скоро сыщешь.

Паротя и спрашивает:

— Чья такая? В котором месте живет? Ну, ему рассказали и про шкатулку помянули — в этой-де семье ваша жена шкатулку покупала. Паротя и говорит:

— Поглядеть бы.

А у запивох и заделье нашлось.

— Хоть сейчас пойдем — освидетельствовать, ладно ли они новую избу поставили. Семья хоть из вольных, а на заводской земле живут. В случае чего и прижать можно.

Пошли двое ли трое с этим Паротей. Цепь притащили, давай промер делать, не зарезалась ли Настасья в чужую усадьбу, выходят ли вершки меж столбами. Подыскиваются, одним словом. Потом заходят в избу, а Танюшка как раз одна была. Глянул на нее Паротя и слова потерял. Ну, ни в каких землях такой красоты не видывал. Стоит как дурак, а она сидит — помалкивает, будто ее дело не касается. Потом отошел малость Паротя, стал спрашивать:

— Что поделываете? Танюшка говорит:

— По заказу шью,— и работу свою показала.

— Мне,— говорит Паротя,— можно заказ сделать?

— Отчего же нет, коли в цене сойдемся.

— Можете,— спрашивает опять Паротя,— мне с себя патрет шелками вышить?

Танюшка потихоньку на пуговку поглядела, а там зеленоглазая ей знак подает — бери заказ! — и на себя пальцем указывает. Танюшка и отвечает:

— Свой патрет не буду, а есть у меня на примете женщина одна в дорогих каменьях, в царицыном платье, эту вышить могу. Только недешево будет стоять такая работа.

— Об этом,— говорит,— не сумлевайтесь, хоть сто, хоть двести рублей заплачу, лишь бы сходственность с вами была.

— В лице,— отвечает,— сходственность будет, а одежда другая.

Срядились за сто рублей. Танюшка и срок назначила — через месяц. Только Паротя нет-нет и забежит, будто о заказе узнать, а у самого вовсе не то на уме. Тоже обахму-рило его, а Танюшка ровно и вовсе не замечает. Скажет два-три слова, и весь разговор. Запивохи-то Паротины под-

смеиваться над ним стали:

— Тут-де не отломится. Зря сапоги треплешь!

Ну вот, вышила Танюшка тот патрет. Глядит Паротя — фу ты, боже мой! да ведь это она самая и есть, одеждой да камнями изукрашенная! Подает, конечно, три сотенных билета, только Танюшка два-то не взяла.

— Не привышны,— говорит,— мы подарки-то принимать. Трудами кормимся.

Прибежал Паротя домой, любуется на патрет, а от жены впопых держит. Пировать меньше стал, в заводское дело вникать мало-мало начал.

Весной приехал на заводы молодой барин. В Полевую прикатил. Народ согнали, молебен отслужили, и потом в господском доме тонцы-звонцы пошли. Народу тоже две бочки вина выкатили — помянуть старого, проздравить нового барина. Затравку, значит, сделали. На это все Турчаниновы мастера были. Как зальешь господскую чарку десятком своих, так и невесть какой праздник покажется, а на поверку выйдет — последние копейки умыл и вовсе ни к чему. На другой день народ на работу, а в господском доме опять пировля. Да так и пошло. Поспят сколько да опять за гулянку. Ну, там, на лодках катаются, на лошадях в лес ездят, на музыках бренчат, да мало ли. А Паротя все время пьяной. Нарочно к нему барин самых залихватских питухов поставил — накачивай до отказа! Ну, те и стараются новому барину подслужиться.

Паротя хоть пьяной, а чует, к чему дело клонится. Ему перед гостями неловко. Он и говорит за столом, при всех:

— Это мне безо внимания, что барин Турчанинов хочет у меня жену увести. Пуцай повезет! Мне такую не надо. У меня вот кто есть! — Да и достает из кармана тот шелковый патрет. Все так и ахнули, а Паротина баба и рот закрыть не может. Барин тоже въелся глазами-то. Любопытно ему стало.

— Кто такая? — спрашивает. Паротя знай похохатывает:

— Полон стол золота насыпь — и то не скажу!

Ну, а как не скажешь, коли заводские сразу Танюшку признали. Один перед другим стараются — барину объясняют. Паротина баба руками-ногами:

— Что вы! Что вы! Околесицу этаку городите! Откуда у заводской девки платье такое да еще камения дорогие? А патрет этот муж из-за границы привез. Еще до свадьбы мне показывал. Теперь с пьяных глаз мало ли что сплетет. Себя скоро помнить не будет. Ишь опух весь!

Паротя видит, что жене шибко не мило, он и давай чех-востить:

— Страмина ты, страмина! Что ты косоцветки плетешь, барину в глаза песком бросаешь! Какой я тебе патрет показывал? Здесь мне его шили. Та самая девушка, про которую они вон и говорят. Насчет платья — лгать не буду — не знаю. Платье какое хошь надеть можно. А камни у них были. Теперь у тебя в шкапу заперты. Сама же их купила за две тысячи, да надеть не смогла. Видно, не подходит корове черкасско седло. Весь завод про покупку-то знает!

Барин, как услышал по камни, так сейчас же:

— Ну-ко, покажи!

Он, слышь-ко, малоумненький был, мотоватый. Одним словом, наследник. К камням-то сильное пристрастие имел. Щегольнуть ему было

нечем,— как говорится, ни росту, ни голосу,— так хоть камнями. Где ни прослышит про хороший камень, сейчас купить ладится. И толк в камнях знал, даром что не шибко умный.

Паротина баба видит — делать нечего,— принесла шкатулку. Барин взглянул и сразу:

— Сколько?

Та и бухнула вовсе неслыханно. Барин рядиться. На половине сошлись, и заемную бумагу барин подписал:

не было, вишь, денег-то с собой. Поставил барин перед собой шкатулку на стол, да и говорит:

— Позовите-ко эту девку, про которую разговор.

Сбегали за Танюшкой. Она ничего, сразу пошла,—думала, заказ какой большой. Приходит в комнату, а там народу полно и посредине тот самый заяц, которого она тогда видела. Перед этим зайцем шкатулка — отцово подаренье. Танюшка сразу признала барины и спрашивает:

— Зачем звали?

Барин и слова сказать не может. Уставился на нее, да и все. Потом все-таки нашел разговор:

— Ваши камни?

— Были наши, теперь вон ихние,— и показала на Паротину жену.

— Мои теперь,— похвалился барин.

— Это дело ваше.

— А хошь подарю обратно?

— Отдаривать нечем.

— Ну, а примерить на себя ты их можешь? Взглянуть мне охота, как эти камни на человеке придутся.

— Это,— отвечает Танюшка,—можно.

Взяла шкатулку, разобрала уборы,— привычно дело, и живо их к месту пристроила. Барин глядит и только ахает. Ах да ах, больше и речей нет. Танюшка постояла в уборе-то и спрашивает:

— Поглядели? Будет? Мне ведь не от простой поры тут стоять — работа есть.

Барин тут при всех и говорит:

— Выходи за меня замуж. Согласна? Танюшка только усмехнулась:

— Не под стать бы ровно барину такое говорить.— Сняла уборы и ушла. Только барин не отстаёт. На другой день свататься приехал. Просит-молит Настасью-то: отдай за меня дочь.

Настасья говорит:

— Я с нее воли не снимаю, как она хочет, а по-моему — будто не подходит.

Танюшка слушала-слушала, да и молвит:

— Вот что, не то... Слышала я, будто в царском дворце есть палата, малахитом тягиной добычи обделанная. Вот если ты в этой палате царицу мне покажешь— тогда выйду за тебя замуж.

Барин, конечно, на все согласен. Сейчас же в Сам-Петербург стал собираться и Танюшку с собой зовет — лошадей, говорит, тебе предоставлю. А Танюшка отвечает:

— По нашему-то обряду и к венцу на жениховых лошадях невеста не ездит, а мы ведь еще никто. Потом уж об этом говорить будем, как ты свое обещанье выполнишь.

— Когда же,— спрашивает,— ты в Сам-Петербурхе будешь?

— К покрову,— говорит,— непременно буду. Об этом не сумлевайся, а пока уезжай отсюда.

Барин уехал, Паротину жену, конечно, не взял, не глядит даже на нее. Как домой в Сам-Петербурх-от приехал, давай по всему городу славить про камни и про свою невесту. Многим шкатулку-то показывал. Ну, сильно залюбопытствовали невесту посмотреть. К осеням-то барин квартиру Танюшке приготовил, платьев всяких навез, обую, а она весточку и прислала,— тут она, живет у такой-то вдовы на самой окраине.

Барин, конечно, сейчас же туда:

— Что вы! Мысленное ли дело тут проживать? Квартерка приготовлена, первый сорт! А Танюшка отвечает:

— Мне и тут хорошо.

Слух про камень да турчаниновску невесту и до царицы дошел. Она и говорит:

— Пущай-ко Турчанинов покажет мне свою невесту. Что-то много про нее врут.

Барин к Танюшке,— дескать, приготовиться надо. Наряд такой сшить, чтобы во дворец можно, камни из малахитовой шкатулки надеть. Танюшка отвечает:

— О наряде не твоя печаль, а камни возьму на подержанье. Да смотри не вздумай за мной лошадей посылать. На своих буду. Жди только меня у крылечка, во дворце-то.

Барин думает,—откуда у ней лошади! Где платье дворцовское? — а спрашивать все-таки не насмелился.

Вот стали во дворец собираться. На лошадях все подъезжают, в шелках да бархатах. Турчанинов-барин спозаранку у крыльца вертится — невесту свою поджидает. Другим тоже любопытно на нее поглядеть,— тут же остановились. А Танюшка надела камень, подвязалась платочком позаводски, шубейку свою накинула и идет себе потихонечку. Ну, народ — откуда такая? — валом за ней валит. Подошла Танюшка ко дворцу, а царские лакеи не пускают — не дозволено, говорят, заводским-то. Турчанинов-барин издаля Танюшку завидел, только ему перед своими-то стыдно, что его невеста пешком да еще в экой шубейке, он взял да и спрятался. Танюшка тут распахнула шубейку, лакеи глядят — платье-то! У царицы такого нет! — сразу пустили. А как Танюшка сняла платочек да шубейку, все кругом сахнули:

— Чья такая? Каких земель царица? А барин Турчанинов тут как тут.

— Моя невеста,— говорит.

Танюшка эдак строго на него поглядела.

— Это еще вперед поглядим! Пошто ты меня обманул — у крылечка не дождался?

Барин туда-сюда,— оплошка-де вышла. Извини, пожалуйста.

Пошли они в палаты царские, куда было велено. Глядит Танюшка —

не то место. Еще строже спросила Турчанинова-барина:

— Это еще что за обман? Сказано тебе, что в той палате, которая малахитом тягиной работы обделана! — И пошла по дворцу-то, как дома. А сенаторы, генералы и протчи за ней.

— Что, дескать, такое? Видно, туда велено.

Народу набралось полным-полно, и все глаз с Танюшки не сводят, а она стала к самой малахитовой стенке и ждет. Турчанинов, конечно, тут же. Лопочет ей, что ведь неладно, не в этом помещенье царица дожидаться велела. А Танюшка стоит спокойнешенько, хоть бы бровью повела, будто барина вовсе нет.

Царица вышла в комнату-то, куда назначено. Глядит — никого нет. Царицыны наушницы и доводят — турчанинов-ска невеста всех в малахитову палату увела. Царица поворчала, конечно,— что за самовольство! Запотопывала ногами-то. Осердилась, значит, маленько. Приходит царица в палату малахитову. Все ей кланяются, а Танюшка стоит — не шевельнется.

Царица и кричит:

— Ну-ко, показывайте мне эту самовольницу — турчаниновску невесту!

Танюшка это услышала, вовсе брови свела, говорит барину:

— Это еще что придумал! Я велела мне царицу показать, а ты подстроил меня ей показывать. Опять обман! Видеть тебя больше не хочу! Получи свои камни!

С этим словом прислонилась к стенке малахитовой и растаяла. Только и осталось, что на стенке камни сверкают, как прилипли к тем местам, где голова была, шея, руки.

Все, конечно, перепугались, а царица в беспамятстве на пол брякнула. Засуетились, поднимать стали. Потом, когда суматоха поулеглась, приятели и говорят Турчанинову:

— Подбери хоть камни-то! Живо разворуют. Не како-нибудь место — дворец! Тут цену знают!

Турчанинов и давай хватать те каменья. Какой схватит, тот у него и свернется в капельку. Ина капля чистая, как вот слеза, ина желтая, а то опять, как кровь, густая. Так ничего и не собрал. Глядит— на полу пуговка валяется. Из бутылочного стекла, на простую грань. Вовсе пустяковая. С горя он и схватил ее. Только взял в руку, а в этой пуговке, как в большом зеркале, зеленоглазая красавица в малахитовом платье, вся дорогими каменьями изукрашенная, хохочет-заливается:

— Эх ты, полоумный косой заяц! Тебе ли меня взять! Разве ты мне пара?

Барин после этого и последний умишко потерял, а пуговку не бросил. Нет-нет и поглядит в нее, а там все одно: стоит зеленоглазая, хохочет и обидные слова говорит. С горя барин давай-ко пировать, долгов наделал, чуть при нем наши-то заводы с молотка не пошли.

А Паротя, как его отстранили, по кабакам пошел. До ремков пропился, а патрет тот шелковый берег. Куда этот патрет потом девался — никому не известно.

Не поживилась и Паротина жена: поди-ко получи по заемной бумаге, коли все железо и медь заложены!

Про Танюшку с той поры в нашем заводе ни слуху ни духу. Как не было.

Погоревала, конечно, Настасья, да тоже не от силы. Танюшка-то, вишь, хоть радетьница для семьи была, а все Настасье как чужая.

И то сказать, парни у Настасьи к тому времени выросли. Женились оба. Внучата пошли. Народу в избе гус-тенько стало. Знай поворачивайся — за тем догляди, другому подай... До скуки ли тут!

Холостяжник — тот дольше не забывал. Все под Настасьиными окошками топтался. Поджидали, не появится ли У окошечка Танюшка, да так и не дождались.

Потом, конечно, оженились, а нет-нет и помянут: — Вот-де какая у нас в заводе девка была! Другой такой в жизни не увидишь.

Да еще и после этого случаю замечочка вышла. Сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали.

Вопросы:

1. Назовите героев этой сказки.
2. Как шкатулка попала к Танюшке?
3. Опишите Танюшку.
4. Как вы думаете, почему украшения матери были не в пору, а Танюшке как раз?
5. Какому рукоделию научила странница Танюшку?
6. Как вы думаете, кем была эта странница?
7. Какой подарок она оставила Танюшке?
8. Почему Настасье пришлось продать шкатулку?
9. Как Танюшка оказалась во дворце царицы?
10. Чем закончилась сказка?
11. На кого из героев сказки вам хотелось бы походить?

Павел Петрович Бажов

Огневушка – Поскакушка

Сидели раз старатели круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечко. Лет так восьми. Не больше. Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришелся. В артельке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало. Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

- Ложился бы ты, Тюньша, спать!

Парнишечку охота послушать.

- Погоди, тятенька! Я маленечко еще посижу.

Ну вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели все сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонькая. Вроде кукленки, а живая. Волосенки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке

платочек, тоже сголуба.

Поглядела девчонка веселыми глазками, блеснула зубенками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да ловко выходит, что и сказать нельзя. У старателей дух захватило. Глядят – не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по уголькам круги давала, потом, - видно, ей тесно стало, - пошире пошла. Старатели отодвигаются, дорогу дают, а девчонка, как круг пройдет, так и подрастет маленько. Старатели дальше отодвинутся. Она еще круг даст и опять подрастет. Когда вовсе далеко отодвинулись, девчонка по промежуткам в охват людей пошла, - с петлями у ней круги стали. Потом и вовсе за людей вышла и опять ровненько закружилась, а сама уж ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубенками блеснула, платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало.

Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал:

«Вон до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило... Неведомо что померещится с устатку – то!»

Один Федюнька этого не подумал и спрашивает у отца:

- Тятя, это кто?

Отец отвечает:

- Филин, кому больше-то? Неуж не слышал, как он ухает.

- Да не про филина я! Его-то поди-ко знаю и ни капельки не боюсь. Ты мне про девчонку скажи.

- Про какую девчонку?

- А вот которая на углях плясала. Еще ты и все отодвигались, как она широким кругом пошла.

Тут отец и другие старатели давай доспрашивать Федюньку, что он видел. Парнишечко рассказал. Один старатель еще спросил:

- Ну-ко, скажи, какого она росту была?

- Сперва-то не больше моей ладошки, а под конец чуть не с меня стала.

Старатель тогда и говорит:

- А ведь я, Тюньша, точь-в-точь такое же диво видел.

Федюнькин отец и еще один старатель это же сказали. Один дед Ефим трубочку сосет и помалкивает. Старатели приступить к нему стали:

- Ты, дедко Ефим, что скажешь?

- А то и скажу, что это же видел, да думал – померещилось мне, а выходит – и впрямь Огневушка-Поскакушка приходила.

- Какая Поскакушка?

Дедко Ефим тогда и объяснил:

- Слышал, дескать, от стариков, что есть такой знак на золоте – вроде маленькой девчонки, которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное, и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг, а дальше все меньше и меньше и на нет сойдет. Выроешь эту редьку золотого песку – и больше на том месте делать нечего. Только вот забыл, в котором месте редьку искать:

то ли где Поскакушка вывернет, то ли где она в землю уйдет.

Старатели и говорят:

- Это дело в наших руках. Завтра пробьем дудку сперва на месте костерка, а потом под сосной испробуем. Тогда и увидим, пустяшный твой разговор или всамделе на пользу есть.

С этим и спать легли. Федюнька тоже калачиком свернулся, а сам думает:

«Над чем это филин хохотал?»

Хотел у дедка Ефима спросить, да он уже похрапывать принялся.

Проснулся Федюнька на другой день поздненько и видит – на вчерашнем огневище большая дудка вырыта, а старатели стоят у четырех больших сосен и все говорят одно:

- На этом самом месте в землю ушла.

Федюнька закричал:

- Что вы! Что вы, дяденьки! Забыли, видно! Вовсе Поскакушка под этой вот сосной остановилась... Тут и ножкой притопнула.

На старателей тут сомнение пришло.

- Пятый пробудился – пятое место говорит. Был бы десятый – десятое бы указал. Пустое, видать дело. Бросить надо.

Все-таки на местах испытали, а удачи не вышло. Дедко Ефим и говорит Федюньке:

- Обманное, видно, твое счастье.

Федюньке это нелюбо показалось. Он и говорит:

- Это, дедо, филин помешал. Он наше счастье обухал да обхохотал.

Дед Ефим свое говорит:

- Филин тут – не причина.

- А вот и причина!

- Нет, не причина!

- А вот и причина!

Спорят так-то вовсе без толку, а другие старатели над ними, да над собой смеются:

- Старый да малый, оба не знают, а мы, дураки, их слушаем да дни теряем.

С той поры старика прозвали Ефим Золотая редька, а Федюньку – Тюнькой Поскакушкой.

Ребятишки заводские узнали, проходу не дают. Как увидят на улице, так и заведут:

- Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Про девчонку скажи! Скажи про девчонку!

Старику от прозвища какая беда? Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Ну, а Федюньке, по малолетству, обидно показалось. Он и дрался, и ругался, и ревел не раз, а ребятишки пуще того дразнят. Хоть домой с прииска не ходи. Тут еще перемена жизни у Федюньки вышла. Отец-то у него на второй женился. Мачеха попалась, прямо сказать, медведица. Федюньку и вовсе от дома отшибло.

Дедко Ефим тоже не часто домой с прииска бегал. Намается за неделю, ему и неохота идти, старые ноги колотить. Да и не к кому было.

Один жил.

Вот у них и повелось. Как суббота, старатели домой, а дедко Ефим с Федюнькой на приiske останутся.

Что делать-то? Разговаривают о том, о другом. Дедко Ефим рассказывал побывальщины разные, учил Федюньку, по каким логам золото искать и протча тако. Случалось, и про Поскакушку вспомнят. И все у них гладко да дружно. В одном стговориться не могут. Федюнька говорит, что филин всей неудаче причина, а дедко Ефим говорит – вовсе не причина.

Раз так-то заспорили. Дело еще на свету было, при солнышке. У балагана все-таки огонек был – от комаров куруево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят – в дыму появилась махонькая девчонка. Точь-в-точь такая же, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже. Поглядела веселыми глазками, зубенками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

Сперва круги маленькие давала, потом больше да больше, и сама подрастать стала. Балаган на пути пришелся, только это ей не помеха. Идет, будто балагана и нет. Кружилась-кружилась, а как ростом с Федюньку стала, так и остановилась у большой сосны. Усмехнулась, ножкой притопнула, платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился:

- Откуда филину быть, коли солнышко еще не закатилось?

- Видишь вот! Опять филин наше счастье спугнул. Поскакушка –то, может, от этого филина и убежала.

- А ты разве видел Поскакушку?

- А ты разве не видел?

Начали они тут другу дружку расспрашивать, кто что видел. Все сошлось, только место, где девчонка в землю ушла, у разных сосен указывают.

Как до этого договорились, так дедко Ефим и вздохнул:

- О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка.

Только сказал, а из-под дерна по балагану дым повалил. Кинулись, а там жердник под деревом затлел. По счастью, вода близко была. Живо залили. Все в сохранности осталось. Одне дедовы рукавицы обгорели. Схватил Федюнька рукавицы и видит – дырки на них, как следочки от маленьких ног. Показал это чудо дедке Ефиму и спрашивает:

- Это, по-твоему, тоже думка?

Ну, Ефиму податься некуда, сознался:

- Правда твоя, Тюньша. Знак верный – Поскакушка была. Придется, видно, завтра опять ямы бить – счастье пытаться.

В воскресенье и занялись этим с утра. Три ямы вырыли – ничего не нашли. Дедко Ефим жаловаться стал:

- Наше-то счастье – людям смех.

Федюнька опять вину на филина кладет:

- Это он, пучеглазый, наше счастье обухал да обхохотал! Вот бы его палкой!

В понедельник старатели прибежали из заводу. Видят, свежие ямы у

самого балагана. Сразу догадались, в чем дело. Сменяются на стариком –то:

- Редька редьку искал...

Потом увидели, что в балагане пожар начинался, давай их ругать обоих. Федюнькин отец на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял:

- Постыдился бы ты мальчонку сторожить! Без того он у тебя боится домой ходить. Задразнили да загрызли парнишка. Да и какая его вина? Я поди-ко оставался, - с меня и спрашивай, коли у тебя урон какой случился. Золу, видно из трубки высыпал с огоньком – вот и загорелось. Моя оплошка – мой и ответ.

Отчитал так-то Федюнькиного отца, потом и говорит парнишку, как никого из больших близко не было:

- Эх, Тюньша, Тюньша! Смеется на нами Поскакушка. Другой раз случится увидеть, так ей в глаза надо плюнуть. Пусть людей с пути не сбивает да на смех не ставит!

Федюнька свое заладил:

- Дедо, она не со зла. Филин ей вредит.

- Твое дело, - говорит Ефим, - а только я больше ямы бить не стану. Побаловался – и хватит. Немолодые мои годы – за Поскакушкой скакать.

Ну, разворчался старик, а Федюньке все Поскакушки жаль.

- Ты, дедо, не сердись на нее! Вон она какая веселая да хорошая. Счастье бы нам открыла, кабы не филин.

Про филина дедко Ефим промолчал, а на Поскакушку все ворчит:

- То-то она счастье тебе открыла! Хоть домой не ходи.

Сколько ни ворчал дедко Ефим, а Федюнька свое:

- А как она, дедо, ловко пляшет!

- Пляшет-то ловко, да нам от этого ни жарко ни холодно и глядеть неохота.

- А я бы хоть сейчас поглядел! – вздохнул Федюнька. Топом и спрашивает: - А ты, дедо, отворишься? И поглядеть тебе не любо?

- Как не любо? – проговорился дедко, да спохватился и давай опять сторожить Федюньку: - Ох и упорный ты парнишко! Ох и упорный! Что в голову попало, то и засело! Будешь вот, что мое же дело, - всю жизнь мыкаться, за счастьем гоняться, а его, может, вовсе и нету.

- Как нету, коли я своими глазами видел.

- Ну, как знаешь, я тебе не попутчик! Набегался. Ноги заболели.

Поспорили, а дружбу вести не перестали. Дедко Ефим по работе сноровлял Федюньке, показывал, а в свободный час о всяких случаях рассказывал. Учил, значит, как жить-то надо. И самые веселые у них те дни были, как они вдвоем на прииске оставались.

Зима загнала старателей по домам. Рассовал их приказчик по работам, куда пришлось, а Федюнька по малолетству дома остался. Только ему дома-то несладко. Тут еще новая беда пришла: отца на заводе покалечило. В больничную казарму его унесли. Ни жив, ни мертв лежит. Мачеха и вовсе медведицей стала, - загрызла Федюньку. Терпел он, терпел, да и говорит:

- Пойду, не то, я к дедку Ефиму жить.

А мачехе что?

- Провались ты, - кричит, - хоть к Поскакушке своей.

Надел тут Федюня пимишки, шубейку-ветродуйку покромкой покрепче затянул. Хотел отцовскую шапку надеть, да мачеха не дала. Натянул тогда свою, из которой давно вырос, и пошел.

На улице первым делом парнишки налетели, дразниться стали:

- Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Скажи про девчонку!

Федюнька знай идет своей дорогой. Только и сказал:

- Эх вы! Несмышлениши!

Ребятам что-то стыдно стало. Они уже вовсе по-доброму спрашивают:

- Ты куда это?

- К дедку Ефиму.

- К Золотой редьке?

- Кому Редька – мне дедко.

- Далеко ведь! Еще заблудишься.

- Знаю поди-ко дорогу.

- Ну, замерзнешь. Вишь, стужа какая, а у тебя и рукавиц нет.

- Рукавиц нет, да руки есть, и рукава не отпали. Засуну руки в рукава – только и дела. Не догадались!

Ребятам занятно показалось, как Федюнька разговаривает, они и стали спрашивать по-хорошему:

- Тюньша! Ты правда Поскакушку в огне видел?

- И в огне видел, и в дыму видел. Может, еще где увижу, да рассказывать недосуг, - сказал Федюнька, да и зашагал дальше.

Дедко Ефим то ли в Косом Броду, то ли в Северной жил. На самом выезде, сказывают, избушка стояла. Еще перед окошком сосна бортевая росла. Далеконько все-таки, а время холодное – самая середина зимы. Подзамерз наш Федюнюшка. Ну, дошагал все-таки. Только ему за дверную скобку взяться, вдруг слышит:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

Оглянулся – на дороге снежок крутится, а в нем чуть метлесит клубочек, и похож тот клубочек на Поскакушку. Побежал Федюня поближе разглядеть, а клубочек уж далеко. Федюня за ним, он того дальше. Бежал-бежал за клубочком, да и забрался в незнакомое место. Глядит – пустопесье какое-то, а кругом лес густой. Посредине пустопесья береза старая, будто и вовсе не живая. Снегу около нее намело гора горой. Клубочек подкатился к этой березе да вокруг нее и кружится.

Федюнька в азарте-то не поглядел, что тут и тропочки нет, полез по цельному снегу.

«Сколько, - думает, - бежал, неуж спятиться!»

Добрался-таки до березы, а клубочек и рассыпался. Снеговой пылью Федюньке в глаза брызнул.

Чуть не заревел от обиды Федюнька. Вдруг у самой его ноги снег воронкой до земли протаял. Видит Федюнька – на дне-то воронки Поскакушка. Веселенько поглядела, усмехнулась ласково, платочком махнула и пошла плясать, а снег-от от нее бегом побежал. Где ей ножку

поставить, там трава зеленая да цветы лесные.

Обошла круг – тепло Федюньке стало, а Поскакушка шире да шире круг берет, сама подрастает, и полянка в снегу все больше да больше. На березе уж листочки зашумели, Поскакушка того больше старается, припевать стала:

У меня тепло!

У меня светло!

Красно летичко!

А сама волчком да волчком – сарафанчик пузырем.

Когда ростом с Федюньку выровнялась, полянка в снегу вовсе большая стала, а на березе птички запели. Жарынь как в самый горячий день летом. У Федюньки с носу пот каплет. Шапчонку свою Федюнька давно снял, хотел и шубенку сбросить. Поскакушка и говорит:

- Ты, парень, побереги тепло-то! Лучше о том подумай, как назад выберешься!

Федюнька на это и отвечает:

- Сама завела – сама выведешь!

Девчонка смеется:

- Ловкий какой! А если мне недосуг?

- Найдешь время! Я подожду!

Девчонка тогда и говорит:

- Возьми-ко лучше лопатку. Она тебя в снегу согреет и домой выведет.

Поглядел Федюнька – у березы лопатка старая валяется. Изоржавела вся, и черенок расколотый.

Взял Федюнька лопатку, а Поскакушка наказывает:

- Гляди, из рук не выпусти! Крепче держи! Да дорогу-то примечай! Назад тебя лопата не поведет. А ведь придешь весной-то?

- А как же? Непременно прибежим с дедком Ефимом. Как весна – так мы и тут. Ты тоже приходи поплясать.

- Не время мне. Сам уж пляши, а дедко Ефим пусть притопывает!

- Какая у тебя работа?

- Не видишь? Зимой лето делаю да таких, как ты, работничков забавляю. Думаешь - легко?

Сама засмеялась, вернулась волчком и платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

И девчонки нет, и полянки нет, и береза стоит голым-голешенька, как неживая. На вершине филин сидит. Кричать – не кричит, а башкой ворочает. Вокруг березы снегу намело гора горой. В снегу чуть не по горло провалился Федюнька и лопаткой на филина машет. От Поскакушкина лета только то и осталось, что черенок у Федюньки в руках вовсе теплый, даже горячий. А рукам тепло – и всему телу весело.

Потянула тут лопата Федюньку и сразу из снега выволокла. Сперва Федюнька чуть не выпустил лопату из рук, потом наловчился, и дело гладко пошло. Где пешком за лопатой идет, где волоком тащится. Забавно это Федюньке, а приметки ставить не забывает. Это ему тоже легонько далось. Чуть подумает засечку сделать, лопатка сейчас тюк-тюк – и две

ровнешенькие зарубочки готовы.

Привела лопатка Федюню к деду Ефиму затемно. Рассказал Федюнька про случай, а старик не верит. Тогда Федюнька и говорит:

- Посмотри вон лопатку-то! В сенках она поставлена.

Принес дедко Ефим лопатку, да и углядел – по ржавчине –то золотые таракашки посажены. Целых шесть штук.

Тут дедко поверил маленько и спрашивает:

- А место найдешь?

- Как, - отвечает, - не найти, коли дорога замечена.

На другой день дедко Ефим раздобыл лыжи у знакомого охотника.

Сходили честь честью. По зарубкам-то ловко до места добрались. Вовсе повеселел дедко Ефим. Сдал он золотых таракашков тайному купцу, и прожили ту зиму безбедно.

Как весна пришла, побежали к старой березе. Ну и что? С первой лопатки такой песок пошел, что хоть не промывай, а прямо руками золотины выбирай. Дедко Ефим даже поплясал на радостях.

Прихранить богатство не сумели, конечно. Федюнька – малолеток, а Ефим хоть старик, а тоже простота.

Народ со всех сторон кинулся. Потом, понятно, всех согнали начисто, и барин за себя это место перевел. Недаром, видно, филин башкой-то ворочал.

Все-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули маленько из первого ковшичка. Годов с пяток в достатке пожили. Вспоминали Поскакушку:

- Еще бы показалась разок!

Ну, не случилось больше. А прииск тот и посейчас зовется Поскакушинский.

Вопросы:

1. Почему героя сказки звали Огневушка-Поскакушка и с чем это связано?
2. Почему Федюнька Огневушку защищает, а дедка Ефим ее ругает и за что?
3. Как встреча с Поскакушкой повлияла на Федюнькину жизнь?
4. Получил ли Федюнька свою награду?
5. При каких обстоятельствах это произошло?
6. За что наградила Огневушка Федюньку, а не кого-то другого?
7. Вы хотели бы встретиться с Огневушкой-Поскакушкой?
8. Какие цвета можно подобрать при изображении Огневушки?

Дмитрий Мамин – Сибиряк

Сказка про храброго зайца - длинные уши – косые глаза – короткий хвост.

Родился зайчик в лесу и всего боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнет птица, упадет с дерева снега – у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год, а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

- Никого я не боюсь! – крикнул он на весь лес. – Вот не боюсь нисколько, и все тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи – все слушают, как хвастается заяц Длинные Уши – Косые Глаза – Короткий Хвост, - слушают и своим собственным ушам не верят. Не было еще, чтобы заяц не боялся никого.

- Эй ты, Косой Глаз, ты и волка не боишься?

-И волка не боюсь, и лисицы, и медведя – никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочка передними лапками, засмеялись добрые старушки – зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов.

Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной!.. И всем вдруг сделалось весело.

Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

- Да что тут долго говорить!- кричал расхрабрившийся окончательно заяц. – Ежели мне попадется волк, так я его сам съем...

Ах, какой смешной заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк- тут как тут.

Ходил он, ходил по лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусит!» - как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого волка, поминают. Сейчас же остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко пошел волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше- хвастун – заяц Косые Глаза – Длинные Уши- Короткий Хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя – то я и съем!» - подумал серый волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью.

А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего.

Кончилось тем, что хвастун- заяц взобрался на пенек, уселся на задние лапки и заговорил:

- Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я...я...я...

Тут язык у хвастуна точно примерз. Заяц увидел глядевшего на него волка.

Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальшелучилось совсем необыкновенная вещь.

Заяц – хвастун подпрыгнулкверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся еще раз в воздухе и потом задал такого стрекоча, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему все казалось, что волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилил бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А волк в это время бежал в другую сторону. Когда заяц упал на него,

ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный.

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался а пенек, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

-А ловко напугал волка наш заяц! – решили все.- Если бы не он, так не уйти бы нам живыми. Да где же он, наш бесстрашный заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили – нет нигде храброго зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец – таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

- Молодец, Косой! – закричали все зайцы в один голос. – Ай да Косой!.. Ловко ты напугал старого волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

-А вы как думали! Эх вы, трусы!..

С этого дня храбрый заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Вопросы:

1.Почему заяц решил стать храбрым?

2.Как хвастался заяц?

3.Чем закончилась встреча зайца с волком?

4.Какой на самом деле был по характеру заяц?

Дмитрий Мамин – Сибиряк

Притча о молочке, овсяной кашке и сером котике Мурке.

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту на кухне горшочек с молоком и глиняную кастрюльку с овсяной кашей, так и начнется. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

- Я – Молочко...

- А я – овсяная Кашка...

Сначала разговор идет тихонько, шепотом, а потом Кашка и Молочко начинают постепенно горячиться.

- Я – Молочко!

- А я – овсяная Кашка!

Кашку прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

- А я все-таки овсяная Кашка...пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль – какая –то овсяная каша! Молочко начинало горячиться, поднималось пеной и старалось вылезти из своего горшочка. Чуть кухарка недосмотрит, глядит – Молочко и полилось на горячую плиту.

- Ах, уж это мне Молочко! – жаловалась каждый раз кухарка.- Чуть-чуть не досмотришь, - оно и убежит.

- Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер! – оправдывалось Молочко. – Я и само не радо, когда сержусь. А тут еще Кашка постоянно хвастается: я – Кашка, я – Кашка, я – Кашка... Сидит у себя в кастрюльке и ворчит; ну, я и рассержусь.

Дело иногда доходило до того, что и Кашка убегала из кастрюльки, несмотря на свою крышку, - так и поползет на плиту, а сама все повторяет:

- А я Кашка! Кашка! Кашка... шшш!

Правда, что это случалось не часто, но все-таки случалось, и кухарка в отчаянии повторяло который раз:

- Уж эта мне Кашка!.. И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно!..

Кухарка вообще довольно часто волновалась. Да и было достаточно разных причин для такого волнения... Например, чего стоил один кот Мурка! Заметьте, это был очень красивый кот, и кухарка его очень любила. Каждое утро начиналось с того, что Мурка ходил по пятам за кухаркой и мяукал таким жалобным голосом, что, кажется, не выдержало бы каменное сердце.

- Вот-то ненасытная утроба! – удивлялась кухарка, отгоняя кота. – Сколько вчера ты одной печенки съел?

- Так ведь то было вчера! – удивлялся, в свою очередь, Мурка. – А сегодня я опять хочу есть... Мяу-у!..

- Ловил бы мышей и ел, лентяй.

- Да, хорошо бы это говорить, а попробовала бы сама поймать хоть одну мышь, - оправдывался Мурка. – Впрочем, кажется, я достаточно стараюсь... Например, на прошлой неделе кто поймал мышонка? А от кого у меня по всему носу царапина? Вот какую было крысу поймал, а она сама мне в нос вцепилась... Ведь это только легко говорить: лови мышей!

Наевшись печенки, Мурка усаживался где-нибудь у печки, где было потеплее, закрывал глаза и сладко дремал.

- Видишь, до чего наелся! – удивлялась кухарка. – И глаза зажмурил, лежебок... И все подавай ему мяса!

- Ведь я же не монах, чтобы не есть мяса, - оправдывался Мурка, открывая всего один глаз. – Потом я и рыбки люблю покушать... Даже очень приятно съесть рыбку. Я до сих пор не могу сказать, что лучше: печенка или рыба. Из вежливости я ем то и другое... Если бы я был человеком, то непременно был бы рыбаком или разносчиком, который нам носит печенку. Я кормил бы до отвала всех котов на свете и сам бы был всегда сыт...

Наевшись, Мурка любил заняться разными посторонними предметами, для собственного развлечения. Отчего, например, не посидеть часика два на окне, где висела клетка со скворцом? Очень приятно посмотреть, как прыгает глупая птица.

- Я тебя знаю, старый плут! – кричит Скворец сверху.- Нечего смотреть на меня...

- А если мне хочется познакомиться с тобой?

- Знаю я, как ты знакомишься... Кто недавно съел настоящего, живого воробышка? У, противный!

- Нисколько не противный, - даже наоборот. Меня все любят... Иди ко мне, я сказочку расскажу.

- Ах, плут... Нечего сказать, хороший сказочник! Я видел, как ты рассказывал свои сказочки жареному цыпленку, которого стащил в кухне. Хорош!

- Как знаешь, а я для твоего же удовольствия говорю. Что касается жареного цыпленка, то я его действительно съел; но ведь он уже никуда все равно не годился.

Между прочим, Мурка каждое утро садился у топившейся плиты и терпеливо слушал, как ссорятся Молочко и Кашка. Он никак не мог понять, в чем тут дело, и только моргал.

- Я – Молочко.

- Я – Кашка! Кашка-Кашка-кашшшш...

- Нет, не понимаю! Решительно ничего не понимаю,- говорил Мурка. – Из-за чего сердятся? Например, если я буду повторять: я-кот, я-кот, кот, кот... Разве кому-нибудь будет обидно? Нет, не понимаю... Впрочем, должен сознаться, что я предпочитаю молочко, особенно когда оно не сердится.

Как-то Молочко и Кашка особенно горячо ссорились; ссорились до того, что наполовину вылились на плиту, причем подняли ужасный чад. Прибежала кухарка и только всплеснула руками.

- Ну, что я теперь буду делать? – жаловалась она, отставляя с плиты Молочко и Кашку.- Нельзя отвернуться...

Отставив Молочко и Кашку, кухарка ушла на рынок за провизией. Мурка этим сейчас же воспользовался. Он подсел к Молочку, подул на него и проговорил:

- Пожалуйста, не сердитесь, Молочко...

Молочко заметно начало успокаиваться. Мурка обошел его кругом, еще раз подул, расправил усы и проговорил совсем ласково:

- Вот что, господа... Ссориться вообще нехорошо. Да. Выберите меня мировым судьей, и я сейчас же разберу ваше дело...

Сидевший в щели черный Таракан даже поперхнулся от смеха: «Вот так мировой судья... Ха-ха! Ах, старый плут, что только и придумает!..» Но Молочко и Кашка были рады, что их ссору, наконец, разберут. Они сами даже не умели рассказать, в чем дело и из-за чего они спорили.

- Хорошо, хорошо, я все разберу, - говорил кот Мурка.- Я уж не покривлю душой... Ну, начнем с Молочка.

Он обошел несколько раз горшочек с Молочком, попробовал его лапкой, подул на Молочко сверху и начал лакать.

- Батюшки! Караул! – закричал Таракан.- Он все молоко вылакает, а подумают на меня.

Когда вернулась с рынка кухарка и хватилась молока, - горшочек был пуст. Кот Мурка спал у самой печки сладким сном как ни в чем не бывало.

- Ах ты, негодный! – бранила его кухарка, хватая за ухо.- Кто выпил молоко, сказывай?

Как ни было больно, но Мурка притворился, что ничего не понимает и не умеет говорить. Когда его выбросили за дверь, он встряхнулся, облизал помятую шерсть, расправил хвост и проговорил:

- Если бы я был кухаркой, то все коты с утра до ночи только бы и делали, что пили молоко. Впрочем, я не сержусь на свою кухарку, потому что

она этого не понимает...

Вопросы:

1. *О чем постоянно спорили Молочко и овсяная Кашка в притче?*
2. *Как серый котик Мурка разрешил их спор?*
3. *Похож ли Мурка на знакомых вам кошек?*
4. *Покажите чувство удовольствия.*

Дмитрий Мамин – Сибиряк

**Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и про
мохнатого Мишу – короткий хвост.**

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович – длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

- Ох, батюшки!.. ой, караул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

- Что случилось?.. Что вы орете?

А комары летают, жужжат, пищат, - ничего разобрать нельзя.

- Ой, батюшки!.. Пришел в наше болото медведь и завалился спать. Как лег в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров, какдохнул – проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передалил...

Комар Комарович – длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

- Эй, вы, перестаньте пищать! – крикнул он. – Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орете только напрасно...

Еще сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили испокон века, развалился и носом сопит, только свист идет, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да еще спит так сладко!

- Эй, дядя, ты это куда забрался? – закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз – никого не видно, открыл другой глаз – едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

- Тебе что нужно, приятель? – заворчал Миша и тоже начал сердиться. Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

- Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

- Да что тебе нужно, негодная тварь? – зарычал он.

- Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на все болото:

- Ловко я напугал мохнатого Мишку... В другой раз не придет.

Подивились комары и спрашивают:

- Ну, а сейчас-то медведь где?

- А я не знаю, братцы... Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдет. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не окошел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда еще в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили – выгнать медведя из болота.

- Пусть идет к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Еще отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится – сам уйдет; но на нее все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

- Идем, братцы! – кричал больше всех Комар Комарович. – Мы ему покажем... да!..

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самым страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

- Ну, я так и говорил: умер, бедняга со страху! – хвастался Комар Комарович. Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище...

- Что, взял, дядя? – пищал Комар Комарович. – А я тебя все-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рев. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Все ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, – ведь вот тут, над самым ухом, вьется, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку, – давай кататься по траве, чтобы передавить все комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только еще больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох, – вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

- Пойдите, вот я вам задам!.. – ревел он так, что за пять верст слышно было. – Я вам покажу штуку...я...я...я...

Отступили было комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

- Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Все носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся, да как сорвется с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

- Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Еще тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

- Я тебя съем... я тебя съем... съем...съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

- Охота вам, Михайло Иваныч, беспокоить себя напрасно?.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

- И то не стоит, - обрадовался медведь.- Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я...я...

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович – длинный нос летит за ним, летит и кричит:

- Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит, - ведь болото-то осталось за нами!»

Вопросы:

1. Зачем понадобилось комарам в сказке медведя из болота выгонять?
2. Почему больше всех старался Комар-Комарович?
3. Как отнесся медведь к угрозе Комара съесть его вместе с шубой?
4. От чего медведь сбежал с болота?
5. Почему комары победили Мишу- большого, сильного, мохнатого?
6. Изобразите жестами и мимикой Мишку и Комара.

Дмитрий Мамин – Сибиряк

Медведко

- Барин, хотите вы взять медвежонка? – предлагал мне мой кучер Андрей.

- А где он?

- Да у соседей. Им знакомые охотники подарили. Славный такой медвежонок, всего недель трех. Забавный зверь, одним словом.

- Зачем же соседи отдают, если он славный?

- Кто их знает. Я видел медвежонка: не больше рукавицы. И так смешно переваливает.

Я жил на Урале, в уездном городе. Квартира была большая. Отчего же и не взять медвежонка? В самом деле, зверь забавный. Пусть поживет, а там увидим, что с ним делать.

Сказано – сделано. Андрей отправился к соседям и через полчаса принес крошечного медвежонка, который действительно был не больше его рукавицы, с той разницей, что эта живая рукавица так забавно ходила на своих четырех ногах и еще забавнее таращила такие милые синие глазенки.

За медвежонком пришла целая толпа уличных ребятишек, так что пришлось затворить ворота. Попав в комнаты, медвежонок нимало не смутился, а напротив, почувствовал себя очень свободно, точно пришел домой. Он спокойно все осмотрел, обошел вокруг стен, все обнюхал, кое- что попробовал своей черной лапкой и, кажется, нашел, что все в порядке.

Мои гимназисты натащили ему молока, булок, сухарей. Медвежонок принимал все как должное и, усевшись в уголке на задние лапы, приготовился закусить. Он делал все с необыкновенной комичной важностью.

- Медведко, хочешь молочка?

- Медведко, вот сухарики.

- Медведко!...

Пока происходила вся эта суета, в комнату незаметно вошла моя охотничья собака, старый рыжий сеттер. Собака сразу почуяла присутствие какого-то неизвестного зверя, вытянулась, оцетинилась, и не успели мы оглянуться, как она уже сделала стойку над маленьким гостем. Нужно было видеть картину: медвежонок забился в уголок, присел на задние лапки и смотрел на медленно подходившую собаку такими злыми глазенками.

Собака была старая, опытная, и поэтому она не бросилась сразу, а долго смотрела с удивлением своими большими глазами на непрошенного гостя, - эти комнаты она считала своими, а тут вдруг забрался неизвестный зверь, засел в угол и смотрит на нее как ни в чем не бывало.

Я видел, как сеттер начал дрожать от волнения, и приготовился схватить его. Если бы он бросился на малютку медвежонка! Но вышло совсем другое, чего никто не ожидал. Собака посмотрела на меня, точно спрашивая согласия, и подвигалась вперед медленными, рассчитанными шагами. До медвежонка оставалось всего каких -нибудь пол-аршина, но собака не решалась сделать последнего шага, а только еще сильнее вытянулась и сильно потянула в себя воздух: она желала, по собачьей привычке, сначала обнюхать неизвестного врага.

Но именно в этот критический момент маленький гость размахнулся и мгновенно ударил собаку правой лапой прямо по морде. Вероятно удар был очень силен, потому что собака отскочила и завизжала.

- Вот так молодец Медведко! - одобрили гимназисты. - Такой маленький и нечего не боится...

Собака была сконфужена и незаметно скрылась на кухню.

Медвежонок преспокойно съел молоко и булку, а потом забрался ко мне на колени, свернулся клубочком и замурлыкал как котенок.

- Ах, какой он милый! - повторили гимназисты в один голос. - Мы его оставим у нас жить... Он такой маленький и нечего не может сделать...

- Что ж, пусть его поживет, - согласился я, любуясь притихшим зверьком.

Да и как было не любоваться! Он так мило мурлыкал, так доверчиво лизал своим черным языком мои руки и кончил тем, что заснул у меня на руках, как маленький ребенок.

Медвежонок поселился у меня и в течение целого дня забавлял публику, как больших, так и маленьких.

Он так забавно кувыркался, все желал видеть и везде лез. Особенно его занимали двери. Подковыляет, запустит лапу и начинает отворять. Если дверь не отворялась, он начинал забавно сердиться, ворчал и принимался грызть дерево своими острыми, как белыми гвоздиками, зубами.

Меня поражала необыкновенная подвижность этого маленького увальня и его сила. В течение этого дня он обошел решительно весь дом, и, кажется, не оставалось такой вещи, которой он не осмотрел бы, не понюхал и не полизал.

Наступила ночь. Я оставил медвежонка у себя в комнате. Он свернулся клубочком на ковре и сейчас же заснул.

Убедившись, что он успокоился, я загасил лампу и тоже приготовился

спать. Не прошло четверти часа. Как я стал засыпать, но в самый интересный момент мой сон был нарушен: медвежонок пристроился к двери в столовую и упорно хотел ее отворить. Я оттащил его раз и уложил на старое место. Не прошло и получаса, как повторилась та же история. Пришлось вставать и укладывать упрямого зверя во второй раз. Через полчаса – то же... Наконец мне это надоело, да спать хотелось. Я отворил дверь кабинета и пустил медвежонок в столовую. Все наружные двери и окна были заперты, следовательно, беспокоиться было нечего.

Но мне и в этот раз не привелось уснуть. Медвежонок забрался в буфет и загремел тарелками. Пришлось вставать и вытаскивать его из буфета, причем медвежонок ужасно рассердился, заворчал, начал вертеть головой и пытался укусить меня за руку. Я взял его за шиворот и отнес в гостиную. Эта возня начинала мне надоедать, да и вставать на другой день нужно было рано. Впрочем, я скоро уснул, забыв о маленьком госте.

Прошел может быть какой-нибудь час, как страшный шум в гостиной заставил меня вскочить. В первую минуту я не мог сообразить, что такое случилось, и только потом все сделалось ясно: медвежонок разодрался с собакой, которая спала на своем обычном месте в передней.

- Ну и зверина! – удивился кучер Андрей, разнимая воевавших.

- Куда его мы теперь денем? – думал я вслух. – Он никому не даст спать всю ночь.

- А к емназистам, посоветовал Андрей. – Они его весьма даже уважают. Ну и пусть спит опять у них.

Медвежонок был помещен в комнате гимназистов, которые были очень рады маленькому квартиранту.

Было уже два часа ночи, когда весь дом успокоился.

Я был очень рад, что избавился от беспокойного гостя и мог заснуть. Но не прошло и часа, как все повскакивали от страшного шума в комнате гимназистов. Там происходило что – то невероятное... Когда я прибежал в эту комнату и зажег спичку, все объяснилось.

Посреди комнаты стоял письменный стол, покрытый клеенкой. Медвежонок по ножке стола добрался до клеенки, ухватил ее зубами, уперся лапами в ножку и принялся тащить что было мочи. Тащил, тащил, пока не стащил всю клеенку, вместе с ней – лампу, две чернильницы, графин с водой и вообще все, что было разложено на столе. В результате – разбитая лампа, разбитый графин, разлитые по полу чернила, а виновник всего скандала забрался в самый дальний угол; оттуда сверкали только одни глаза, как два уголька.

Его пробовали взять, но он отчаянно защищался и даже успел укусить одного гимназиста.

- Что мы будем делать с этим разбойником! – взмолился я. – Это все ты. Андрей виноват.

- Что же я, барин, сделал? – оправдывался кучер. – Я только сказал про медвежонок, а взяли- то вы. И емназисты даже весьма его одобряли.

Словом медвежонок не дал спать всю ночь.

Следующий день принес новые испытания. Дело было летнее, двери оставались незапертыми, и он незаметно прокрался во двор, где ужасно

испугал корову. Кончилось тем, что медвежонок поймал цыпленка и задавила его. Поднялся целый бунт. Особенно негодовала кухарка, жалевшая цыпленка. Она накинулась на кучера, и дело чуть не дошло до драки.

На следующую ночь, во избежание недоразумений, беспокойный гость был заперт в чулан, где нечего не было, кроме ларя с мукой. Каково же было негодование кухарки, когда на следующее утро она нашла медвежонка в ларе: он отворил тяжелую крышку и спал самым мирным образом прямо в муке. Огорченная кухарка даже расплакалась и стала требовать расчета.

Житья нет от поганого зверя, - объясняла она. - Теперь к корове подойти нельзя, цыплят надо запирать.... муку бросить... Нет, пожалуйста, барин, расчет.

Признаться сказать, я очень раскаивался, что взял медвежонка, и очень был рад, когда нашелся знакомый, который его взял.

- Помилуйте, какой милый зверь! - восхищался он. - Дети будут рады. Для них - это настоящий праздник. Право, какой милый.

- Да, милый... - соглашался я.

Мы все вздохнули свободно, когда наконец избавились от этого милого зверя и когда весь дом пришел в прежний порядок.

Но наше счастье продолжалось недолго, потому что мой знакомый возвратил медвежонка на другой же день. Милый зверь накуролесил на новом месте еще больше, чем у меня. Забрался в экипаж, заложенный молодой лошастью, зарычал. Лошадь, конечно, бросилась стемглав и сломала экипаж. Мы попробовали вернуть медвежонка на первое место, откуда принес его мой кучер, но там отказались принять его наотрез.

- Что же мы будем с ним делать? - взмолился я, обращаясь к кучеру. - Я готов даже заплатить, только бы избавиться.

На наше счастье, нашелся какой-то охотник, который взял его с удовольствием.

О дальнейшей судьбе Медведка знаю только то, что он околел месяца через два.

Вопросы:

1. *Опишите медвежонка*
2. *Как проказничал медвежонка?*
3. *Как вы понимаете смысл выражения «мы в ответе за того, кого приручили»?*
4. *Какие впечатления вы испытываете от этого рассказа?*

Евгений Пермяк

Торопливый ножик.

Строгал Митя палочку, строгал да бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

- Как же это так? - спрашивает Митю отец.

- Ножик плохой, - отвечает Митя, - косо строгает.

- Да нет, - говорит отец, - ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

- А как? - спрашивает Митя.

- А вот так, - сказал отец.

Взял палочку да принялся ее строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и тоже стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился: то вкривь, то вкось норовил вильнуть, да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

Вопросы:

1. *О ком говорится в рассказе?*
2. *Кто помог Мите научить ножик терпению?*
3. *Какими качествами нужно обладать, чтобы стать настоящим мастером?*
4. *Каким был ножик в начале рассказа и в конце?*

Евгений Пермяк

Чужая калитка.

Алеша Хомутов рос мальчиком старательным, заботливым и работающим. Его очень любили в семье, но больше всех Алешу любил дедушка, любил и, как мог, помогал ему расти хорошим человеком. Не баловал дед внука, но и не отказывал в том, в чем можно не отказать.

Попросит Алеша научить его ловушки на хорьков ставить – пожалуйста. Трудно ли деду показать, как эти ловушки ставятся! Дрова пилить вздумает Алеша – милости просим! Дед за одну ручку пилы держится, внук – за другую. Помучится парень, да научится.

Так и во всем... Красить ли крылечко задумает малец, огурцы ли на окошке в ящике выращивать – дедушка ни в чем не отказывал. Одного только от внука требовал:

- Коли берешься за дело – доведи его до конца. А если видишь, что дело тебе не по рукам, - подожди, когда вырастешь.

Вот так и жил Алеша. Всех в своей большой семье радовал и сам радовался, настоящим человеком себя чувствовал, и другие его таким же называли.

Хорошо на свете жить, когда тебя люди хвалят, когда все тебе удается. Даже в пасмурный день на душе светло и весело. Но как-то и с удачливым Алешей случилось такое, что пришлось призадуматься...

А все началось с того, что пошел он с дедом в лес тетеревов добывать. А дорога в лес шла через садовый питомник, где выращивались молодые деревца. Питомник был хорошо отгорожен. Потому что и стадо может забрести да повытоптать саженцы. И лосей теперь столько развелось, что они даже в село, как домой, приходят. А уж про зайцев и говорить нечего – обгложут кору молодых яблонек или груш и – конец.

Пришел Алеша с дедом к питомнику и видит, что калитка открыта. Хлопает калитка по ветру. Щеколда у калитки оторвалась. Заметил это Алеша и говорит дедушке, как взрослый:

- Хозяева тоже мне... Пустое дело на три шурупа щеколду привернуть, а не хотят... Потому что чужая щеколда и ничья эта калитка...

- Что говорить, Алешенька, - поддержал дедушка разговор, - и петли бы у калитки не худо сальцем смазать, а то, того и гляди, переест их ржа, и

калитка на землю свалится...

- И свалится, - подтвердил Алеша, - она и так еле-еле держится. Плохо, дедушка, быть чужой калиткой...

- Да уж куда хуже быть чужой калиткой, - опять согласился с внуком дед, - то ли дело наша калиточка. И синей красочкой она тобой покрашена, и петельки чистым нутряным сальцем смазаны, и щеколда у нее «трень-брень», как музыка... свое оно и есть свое.

Тут дед посмотрел на внука, улыбнулся чему-то и дальше зашагал. Прошли они сколько-то – может, километр, может два – и решили на скамейке посидеть на лесной просеке.

- А чья, дедушка, эта скамья? – вдруг спросил Алеша.

- Ничья, - ответил дед, - чужая. Какой-то человек взял да и вкопал два столбика да прибил к ним доску. Вот и получилась скамья. Кому надо – отдыхай. Никто этого человека не знает, а все спасибо ему говорят... Только скоро эта скамейка тоже, никак, кончится. Столбики у нее подопрели. Ну, так ведь чужая скамья, и никому до нее нет дела. Не то, что наша у ворот, ухоженная да покрашенная...

Тут дед снова посмотрел на Алешу, потрепал его за розовую щечку и опять улыбнулся чему-то.

В этот день они добыли трех тетеревов. Из них двух Алеша выследил. Дома шуму-гаму было выше потолка.

- Вот так охотник растет у нас! – нахваливает Алешу мать. – Подстрелить тетерева всякий может, а выследить его редкий умеет.

Веселый был ужин в этот воскресный вечер, но Алеша почему-то молчал и о чем-то думал.

- Устал, наверно, милый сын? – спросил Алешу отец.

- А может, с дедом не поладил? – спросила бабушка.

- Да нет, нет, - отмахнулся Алеша, - не устал и поладил с дедушкой. Очень даже поладил.

Прошла неделя, а может быть, и две. Опять старого да малого послали в лес. Зайца нашпиговать решили.

Отправились дед с внуком по первому снегу на охоту. Опять пошли через садовый питомник. Глядит дед и глазам не верит. У чужой калитки не только щеколда на хорошие шурупы привернута, не только ее петли белым салом смазаны, но и краска на калитке, как небо в мае месяце.

- Алеша, ты погляди, - указывает дед, - никак, у чужой калитки родня нашлась.

- Наверно, - отвечает Алеша и дальше идет.

Шли они опять по старой дороге и на просеку вышли. Добрались до скамейки, где в прошлый раз отдыхали, а скамейки не узнать. Столбики новые вкопаны, доска той же синей краской покрашена, что и калитка, да еще спинка у скамьи появилась.

- Вот тебе и на, - удивляется дед, - у ничьей скамейки хозяин нашелся. Омолодил скамеечку, а спасибо сказать некому. Знай бы я этого человека, в пояс бы ему поклонился и руку бы ему пожал.

Тут дед снова заглянул в Алешины глаза и спросил:

- А ты не знаешь, как звать этого мастера, Алексей?

- Нет, - ответил Алеша, - я не знаю его, дедушка. Знаю только, что весной наши ребята хотят школьную изгородь подновлять. Совсем покосилась. Она тоже чужая, а – наша.

- Это хорошо, - сказал дед.

- А что хорошо? – спросил Алеша.

- Хорошо, что ты мастера не знаешь, который скамью починил и чужую калитку за свою посчитал... А что касаясь школьной изгороди, - сказал дед, разводя руками, - я даже слов подобрать не могу... Видно, приходит, Алеша, такое время, когда все оказывается свое и наше...

Дед опять заглянул внуку в глаза.

За лесом в это время поднялось позднее зимнее солнце. Оно осветило дым далекого завода. Алеша залюбовался золотистым, окрашенным солнцем дымом. Дед заметил это и снова заговорил:

- А завод-то, Алеша, который дымит, тоже чужим кажется, если глядеть на него не подумавши... А он ведь наш, как и вся наша земля и все, что на ней есть.

Вопросы:

1. *О ком говорится в рассказе?*
2. *Какими чертами характера обладал Алеша?*
3. *Кто был наставником у Алеши?*
4. *В чем бы вы хотели походить на Алешу?*
5. *Как вы думаете, кто починил калитку и скамейку?*
6. *Как вы относитесь к чужим вещам?*

Евгений Пермяк

Колосок.

У агронома в колхозе «Ленинские искры» подрастал сын Славик. Когда мальчику исполнилось шесть лет, он заявил отцу:

- Папа, я тоже хочу быть агрономом. Я тоже, как ты, хочу выращивать хорошую пшеницу.

- Это очень приятно, - согласился отец. – Давай я отведу тебе поле.

И агроном отвел своему сыну поле в палисаднике перед окнами дома, где они жили. Поле мальчику показалось очень небольшим. Оно было в один метр длиной и в один метр шириной – квадратный метр.

- Это не беда, - сказал отец. – И на этом поле можно вырастить знаменитую пшеницу.

Вскоре мальчику было показано, как нужно рыхлить землю, на какую глубину засеять маленькую пашню пшеничным зерном и как нужно за ней ухаживать.

Когда появились всходы, Славик очень обрадовался. Он тщательно пропалывал их, а когда земля подсыхала, поливал свое крошечное поле из маленькой лейки.

Пришло время убирать урожай. Славик вместе с отцом срезал колосья, а затем занялся молотью. Молотили дома, на столе. Молотили карандашом, выбивая из каждого колоска зерна.

Зерен оказалось много. Ими можно было засеять всю землю палисадника.

Но отец сказал:

- Давай посеем только лучшие зерна.

И Славик стал отбирать только лучшие зерна пшеницы – самые большие, самые пузатенькие. Нелегко было перебрать весь урожай. Не один час потратил Славик в долгие зимние вечера на сортировку зерна. Лучшие взял для семян, а остальные скормил уткам.

Пришла весна. Весной Славик снова перебрал отобранные семена и вместе с отцом взрыхлил и удобрил свое маленькое поле. Теперь уже отец работал меньше и меньше указывал.

Весело зазеленели всходы. Выше поднялись стебли. И понятно почему: поле было засеяно лучшими из лучших семенами. А когда появились большие колосья и стали наливаться тяжелым зерном, Славик часами просиживал у своего поля. Он не мог дождаться урожая. Очень ему хотелось узнать, каким будет на этот год зерно.

Но однажды пошел дождь с крупным градом. И Славик заплакал. Он боялся, что град погубит урожай, а поле закрыть было нечем. Но бабушка бросила через окно большой отцовский зонт, и мальчик раскрыл его над полем. Град больно хлестал Славика, потому что сам-то он был не под зонтом. Он держал зонт на вытянутой руке над своим полем. Из глаз Славика катились слезы. Но Славик не уступил граду, не ушел с поля.

- Ты настоящий мужчина, - сказал ему отец.- Только так и можно было защитить дорогие семена.

Чудесный урожай собрал Славик на вторую осень.

Теперь он уже знал, как нужно подсушить колосья, как их обмолотить, легонечко постукивая по ним карандашиком. Не дожидаясь совета отца, Славик отобрал самые крупные зерна. Их нельзя было сравнить с прошлогодними. Те были куда мельче и легче.

На третий год Славик засеял поле самостоятельно. Он хорошо удобрил землю. Хорошо взрыхлил и засеял два квадратных метра. Он переходил уже во второй класс, и ему было под силу справиться с таким опытным полем. И он справился. К тому же ему помогал школьный товарищ.

Намолотив осенью достаточно пшеницы, мальчик пригласил сортировать зерна друзей из своего класса, и те предложили Славику засеять большое поле.

Сказано – сделано. Весной ребята огородили большое поле в школьном саду – поле в десять метров длиной и в два метра шириной.

Славика ребята избрали главным агрономом и слушались его во всем. Кропотливо рыхлили землю и пололи сорняки.

Летом пшеница заколосилась еще лучше, чем в прошлые годы. Заколосилась так, что на нее обратили внимание старые колхозники. Какая это была радость!

Однажды председатель колхоза сказал шутливо Славику:

- Товарищ главный агроном, продай колхозу урожай на семена.

Славик покраснел. Ему показалось, что председатель смеется над его полем. А председатель и не смеялся. Осенью он пришел на обмолот урожая. Урожай теперь молотили почти всем классом Славика. Молотили в тридцать два карандаша.

- Давайте, молодые семеноводы, засеем этим хорошим зерном большое

поле. Вместе, - предложил председатель.

Ребята согласились. И вот наступил пятый год. Ребята вышли на сев вместе с колхозниками. И вскоре был снят пятый урожай. Теперь его уже нельзя было обмолотить даже тысячей карандашей. Молотили на току, по старинке, ударяя колосьями по плетеному коробу. Боялись повредить зерна.

На шестой год было засеяно огромное поле. А на седьмой и восьмой новым, чистосортным пшеничным зерном засеивались поля соседних колхозов. За ним приезжали издалека. Но всех неммыслимо было оделить семенами этого нового, урожайного сорта пшеницы. Давали семян по горсти, по две. Приезжие благодарили и за это.

...Когда я приехал в колхоз «Ленинские искры», мне показали эту отличную пшеницу и сказали:

- Это новый сорт пшеницы. Называется этот сорт «славка».

Тогда я спросил, почему так называется эта пшеница и откуда взялось это название. Может быть, от слова «слава» или «славная»?

- Да нет, нет, - ответил председатель.- Она так называется от имени Вячеслав, которого в детстве звали Славиком, а попросту – Славкой. Я познакомлю вас с ним.

И меня познакомили с высоким голубоглазым застенчивым юношей. Он был очень смущен, когда я его стал расспрашивать о пшенице, а потом рассказал историю этой пшеницы, начиная с первого урожая в палисаднике.

Вопросы:

1. О ком говорится в этом рассказе?
2. Какая мечта была у Славы?
3. Как Слава шел к своей мечте?
4. Кто помогал Славе выращивать пшеницу?
5. Каких результатов добился Слава?
6. В честь кого был назван новый сорт пшеницы?
7. Каким характером обладал Славик?
8. Какие качества характера нужны, чтобы добиться своей цели?

Валерий Лысов

Стихи детям

День уходит на закат,
Тени длинные лежат.
Папы, мамы в детский сад
За детишками спешат
Следом сторож,
Он не будет
Как все люди ночью спать.
Он, наверно, очень любит
Здесь игрушками играть.

Вот уже почти неделю
Дождик слезы льет в окно,
Я проснулась еле-еле
И всплакнула заодно
Потом глянула на тучи

А за ними все светло,
Вот чуть – чуть
Солнца лучик
Лег на мокрое стекло.

Воскресенье, воскресенье
В детский садик не шагать,
Вот везенье, так везенье -
Можно долго не вставать
Только яркий свет мешает,
Мама шепчет: «Как же быть?
Солнце лучики ломает,
Если шторы не открыть».
Тут уж некуда деваться,
Обижаться мне нельзя,
Встал и стал я одеваться –
Мы ведь с солнышком друзья.

Осень, что ты за растрепа,
Вот опять не прибралась.
Все на улице в подтеках,
На дороге лужи, грязь.
Как всё это надоело,
Скучный день и снова спать.
И совсем это не дело –
Понемножечку гулять.
А наутро, что за радость-
За окошком чистота.
За ночь всё само убралось.
Выпал снег – вот красота.

Слезки, слезки, вас не звали,
А вы взяли набежали.
Не хочу я вовсе плакать,
А вы капать, капать, капать.
Слезки, слезки, вас не звали
Вы прибежали.
Все же я остановлюсь,
Хоть сквозь слезы –
Улыбнусь!

Брызги солнца желтой стайкой,
Ароматы спелых трав.
Улыбается лужайка,
В хоровод цветов понав.
Я в кружок веселый встала,
Обомлев от красоты.

А когда букет набрала,
Потускнели вдруг цветы.

Литература

1. Бажов П.П. Уральские сказы/ Сост., вступ. ст. и примеч. Налепина А.Л. – М.: Сов. Россия, 1987.
2. Лысов В.Л. Про грибы и про цветочки, и хорошие денечки: Стихи для детей.- Екатеринбург: Полиграфист,2001.
3. Литература Урала: Книга для чтения в нач. шк./ Сост. Литовская М.А., Созина Е.К. – Екатеринбург: Изд – во Дом учителя, 1997.
4. Пермьяк Е.А. Торопливый ножик: Рассказы. М.: Дет.лит., 1980.
5. Сказки народов Урала. Сост. Сизарева Т.А. – Екатеринбург: Изд- во Старые Новости. 1990г.
6. Хрестоматия для дошкольников 6-7 лет. Пособие для воспитателей детского сада и родителей. /Сост. Ильчук Н.П. и др. – 1-е издание. М., АСТ 1997г

Иллюстрация к удмуртской сказке «Охотник и змея»

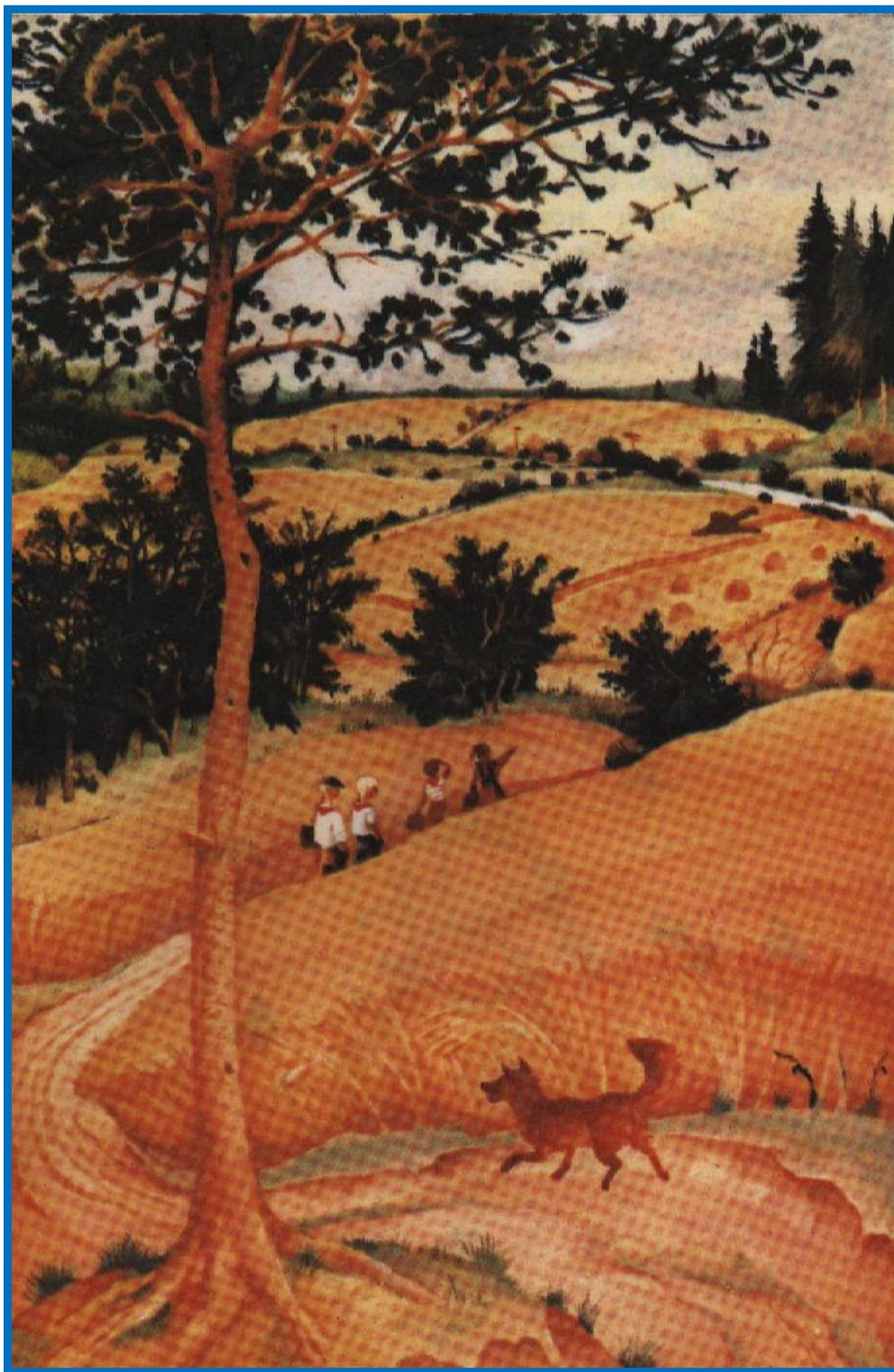

Иллюстрация к произведению Е. Пермяка «Колосок»

Иллюстрация к русской народной сказке «*Мороз Иванович*»

Иллюстрация к русской народной сказке «Лягушка-царевна»

Иллюстрация к русской народной сказке «Лиса и волк»

Иллюстрация к русской народной сказке «Лисичка со скалочкой»

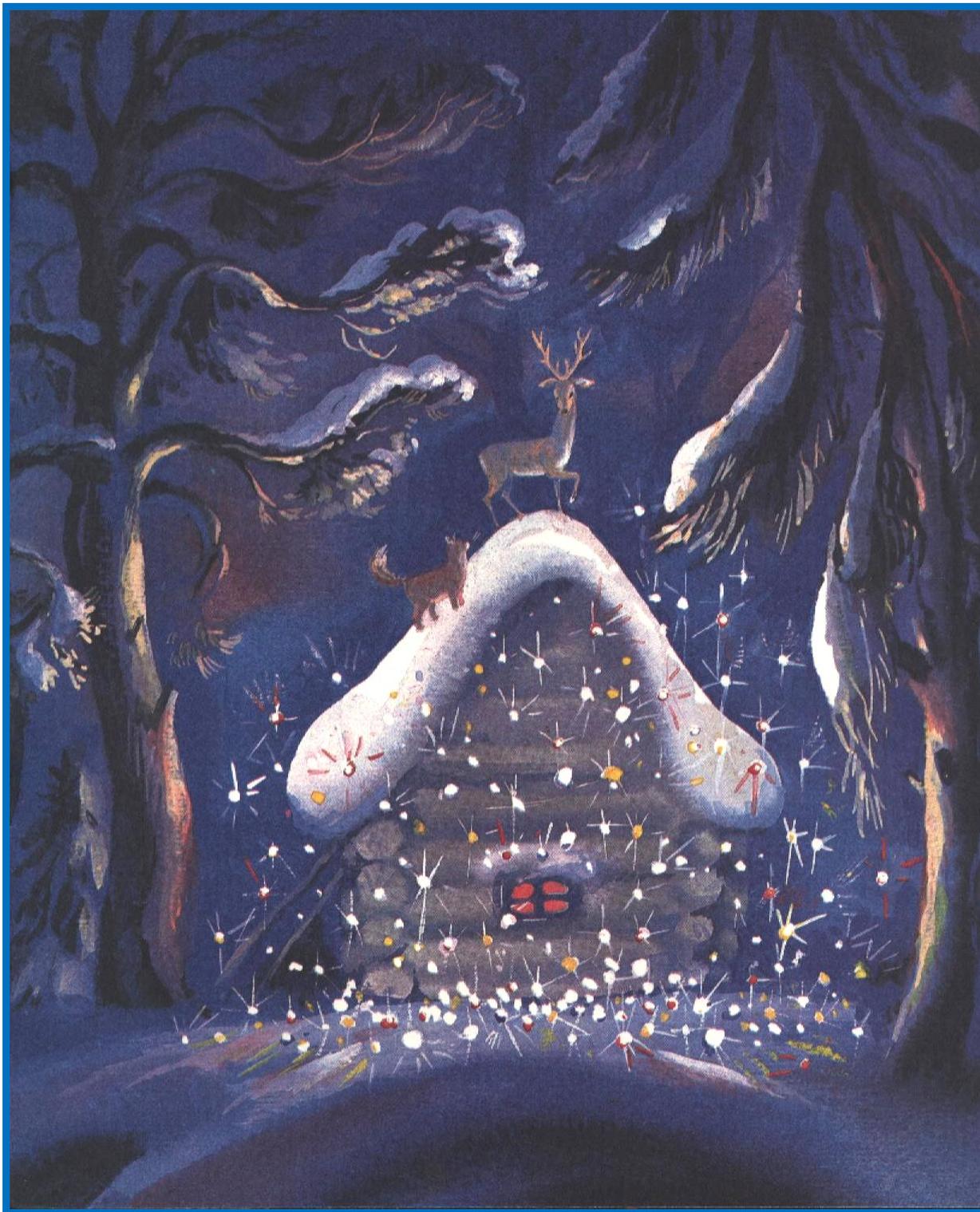

Иллюстрация к сказке П.П. Бажова «Серебряное копытце»

Иллюстрация к русской народной сказке «*Лутонюшка*»

Иллюстрация к произведению Д. Мамина -Сибиряка «Притча о молочке, овсяной кашке и сером котике Мурке»

Иллюстрация к русской народной сказке «Бобовое зернышко»

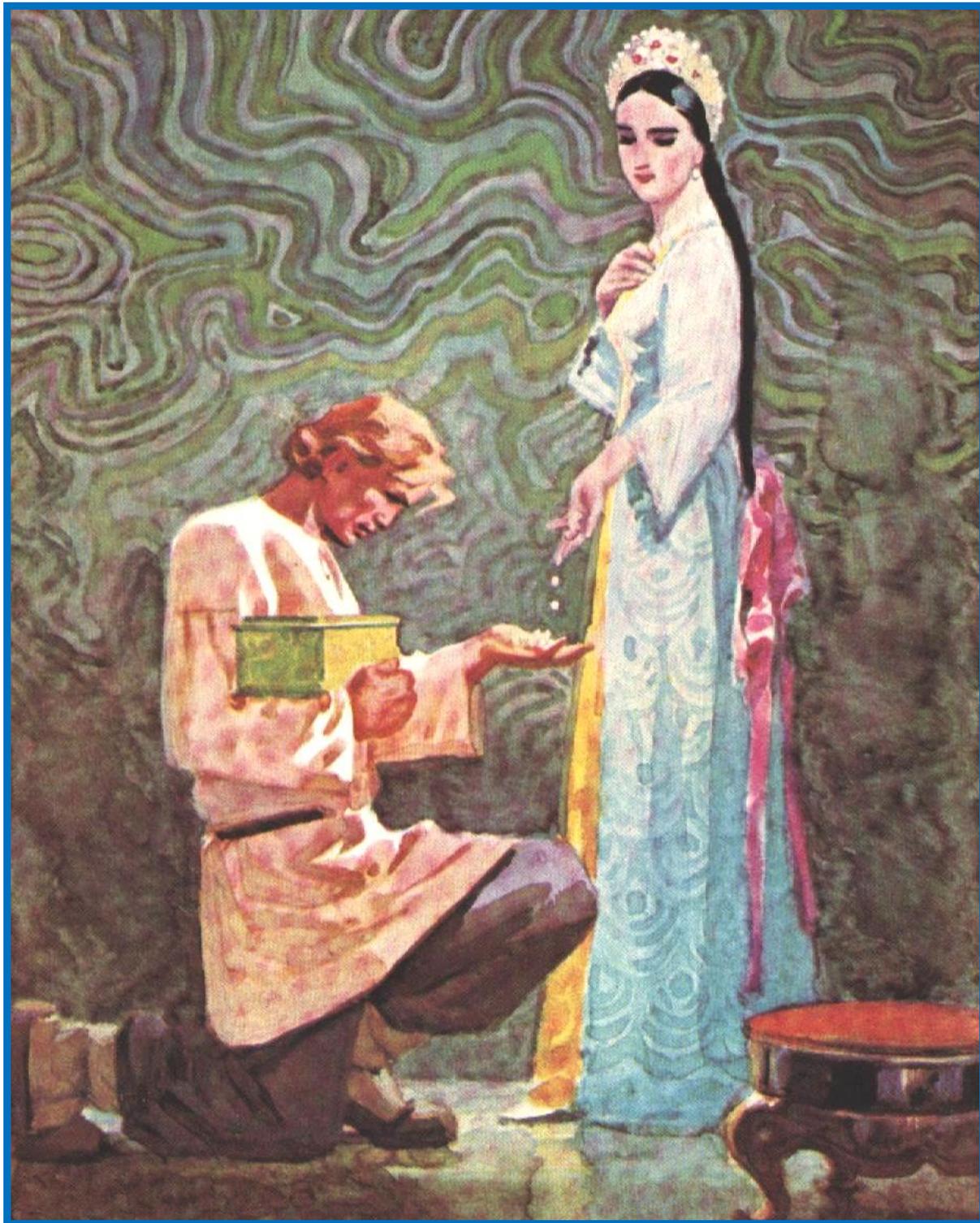

Иллюстрация к сказке П.П. Бажова «*Медной горы хозяйка*»

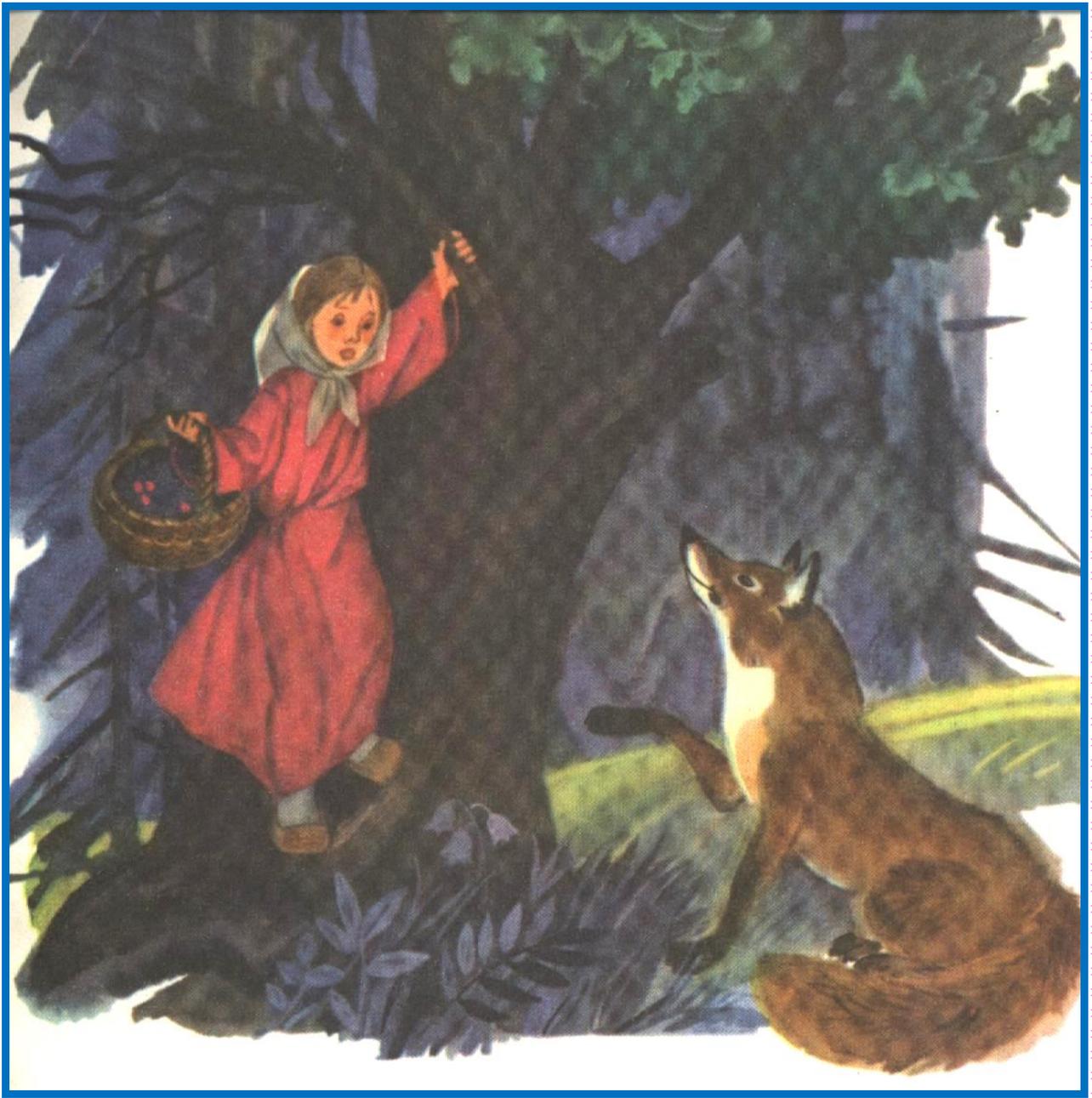

Иллюстрация к русской народной сказке «Снегурушка и лиса»

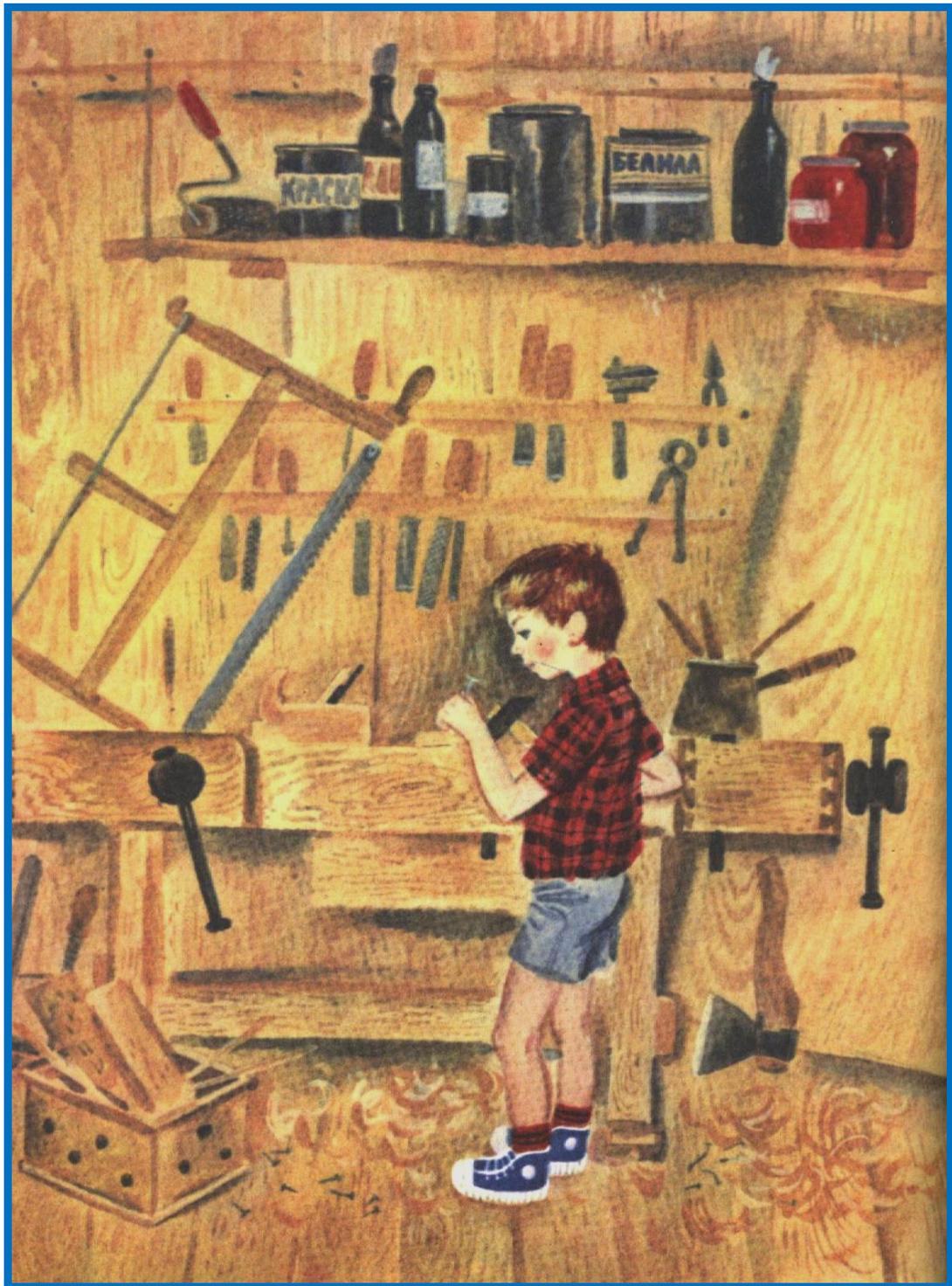

Иллюстрация к произведению Е. Пермяка «*Чужая калитка*»

Иллюстрация к русской народной сказке «Кот, петух и лиса»

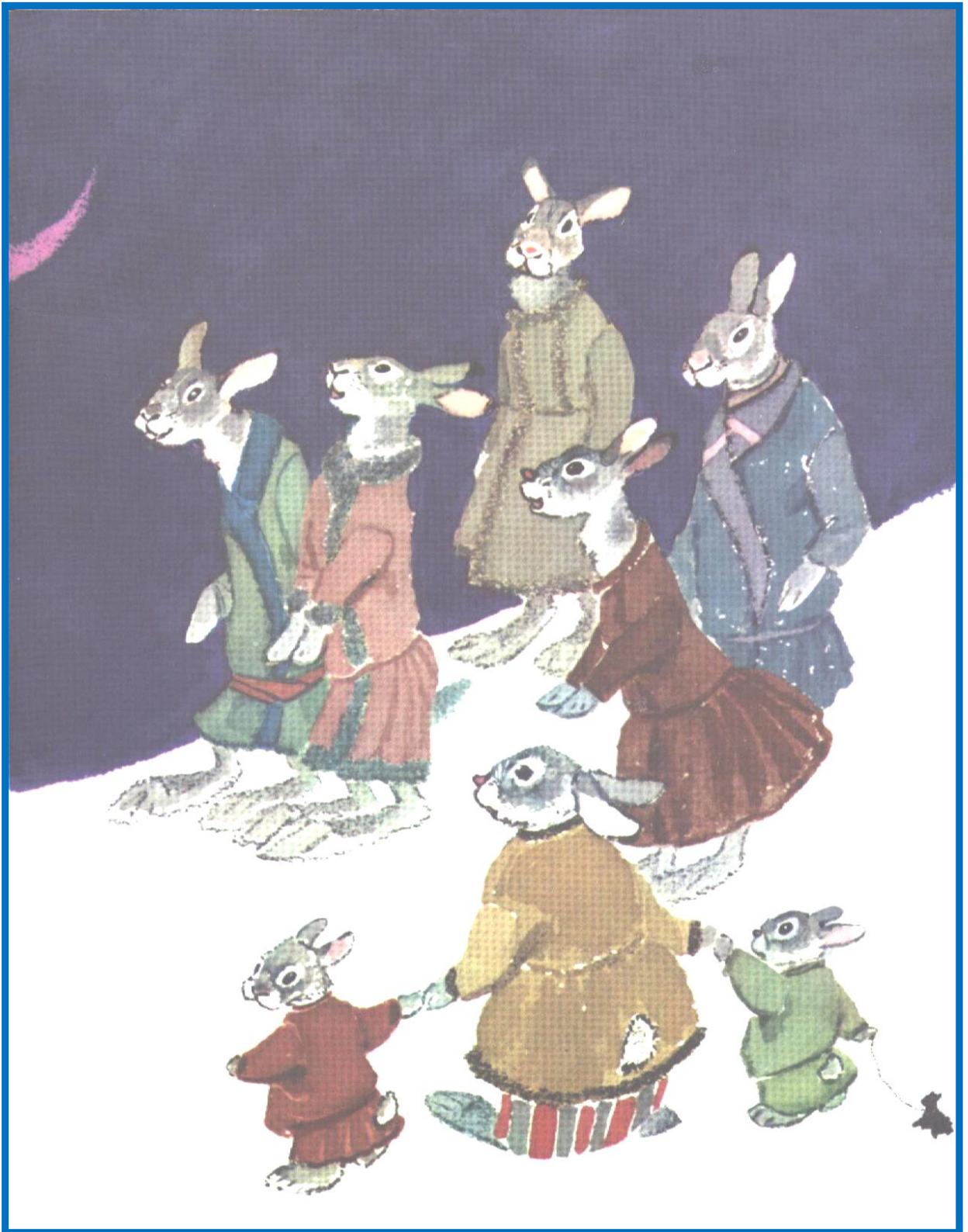

Иллюстрация к произведению Д. Мамина -Сибиряка «Сказка про храброго зайца - длинные уши – косые глаза – короткий хвост».

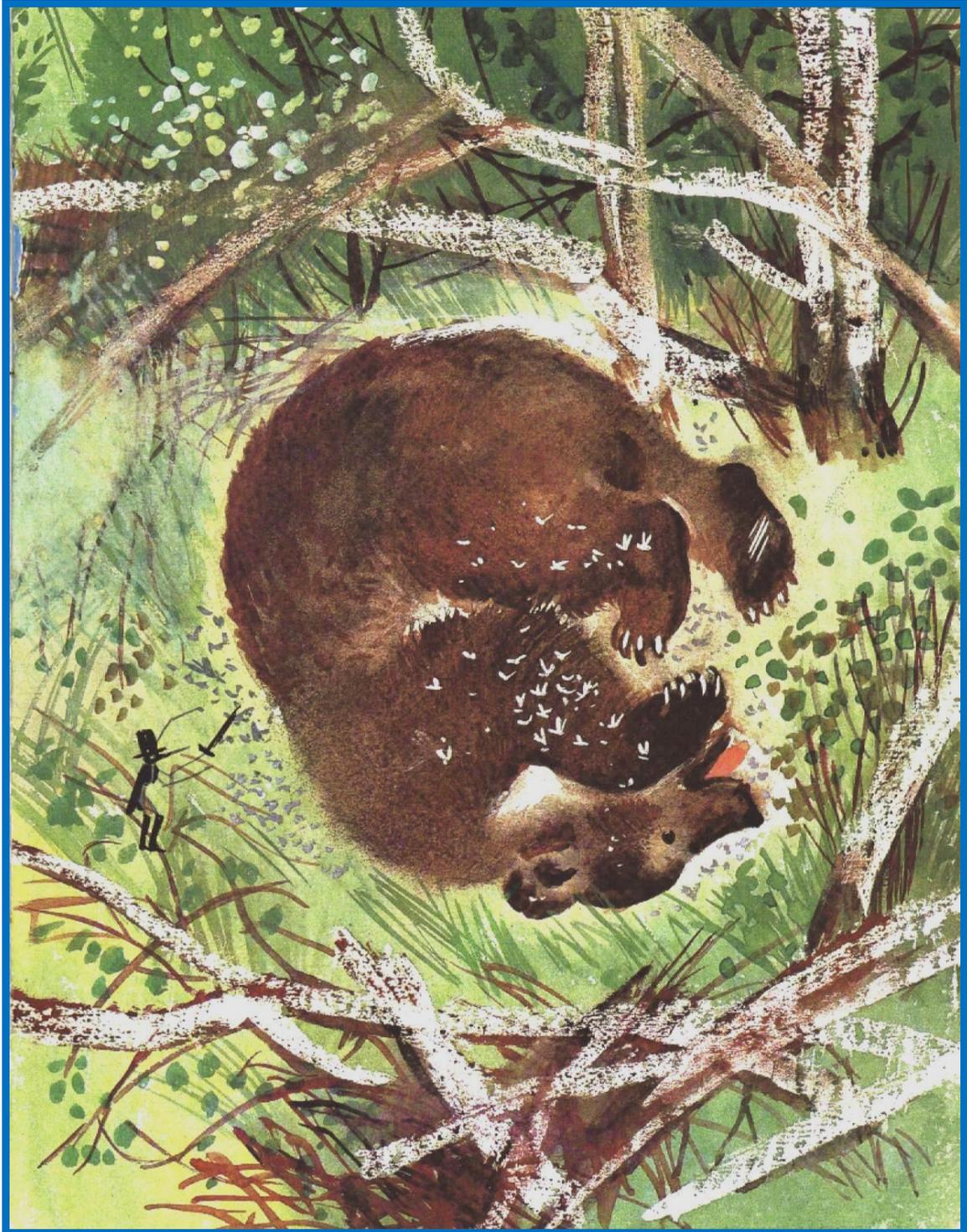

Иллюстрация к произведению Д. Мамина -Сибиряка «Сказка про Комара Комаровича – Длинный Нос и про мохнатого Мишу – Короткий хвост».

